

Сопоставительные Исследования 2004

**Воронеж
2004**

**Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка**

**Сопоставительные
Исследования
2004**

Научное издание

**Воронеж
2004**

Сопоставительные исследования 2004 – Воронеж: Истоки, 2004. – 154 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является первым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

А.П. Бабушкин, В.Б. Гольдберг, И.А. Стернин, М.А. Стернина,
В.М. Топорова, Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2004
© Издательство «Истоки», 2004

ISBN

Сопоставительные исследования 2004 – Воронеж: Истоки, 2004. – 154 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является первым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, представленные в сборнике, отражают исследования, выполненные в рамках работы теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

А.П. Бабушкин, В.Б. Гольдберг, И.А. Стернин, М.А. Стернина,
В.М. Топорова, Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2004
© Издательство «Истоки», 2004

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернин И.А.

Сопоставительная и контрастивная лингвистика

Для современных лингвистических исследований важным представляется разграничение сопоставительной и контрастивной лингвистики.

Термины *сопоставительный* и *контрастивный* в современной научной парадигме иногда употребляются как синонимы, а иногда дифференцируются. Мы представим в данной статье вторую из названных точек зрения, опираясь на разработанную нами методику контрастивного описания лексики и фразеологии, впервые представленную в совместной работе с немецким профессором Кристи Флекенштейн в 1989 г. (см. Стернин, Флекенштейн).

Сопоставительная лингвистика имеет многовековую историю, с нее (в виде сравнительно-исторического направления) началось собственно научное языкознание. Сопоставительная лингвистика дала такое направление как типологическое языкознание, лингвистику универсалий.

Специфика контрастивной лингвистики, которая получает интенсивное развитие в семидесятых-восемидесятых годах прошлого века, заключается в том, что она выделяется из сопоставительного языкознания благодаря особым используемым методам сопоставления, а также своей ориентированностью на выход в практику преподавания языка.

В то время как сопоставительная лингвистика изучает одноименные явления или подсистемы в разных языках, контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Целью контрастивной лексикологии является сопоставительное изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий.

В контрастивной лингвистике, в отличие от сопоставительной:

1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый;

2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;

3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;

4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически».

Контрастивная лексикология представляет собой раздел лингвистики, который изучает варианты лексических и фразеологических соответствий в двух языках и выявляет в этих соответствиях национальную специфику семантики.

Национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения. В связи с этим можно говорить о следующих принципах выявления национальной специфики семантики:

1. Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с другим конкретным языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.
2. Национальная специфика семантики лексической единицы языка А относительно языка В может не совпадать с национальной спецификой единицы языка В относительно языка А.
3. В лингводидактических целях целесообразно осуществлять единовременное описание национальной специфики семантики только одного языка, второй при этом выступает как зеркало, отражающее национальную специфику первого.

Методика контрастивного описания лексики и принципы лексикографической фиксации результатов контрастивного описания могут быть представлены в виде следующего алгоритма.

Этап I. Выделение лексической группировки в исходном (например, в русском) языке.

а) Из толковых словарей русского языка выписываются слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке, составляется исходный базовый список.

б) Выделенные лексемы просматриваются по синонимическим словарям, выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список.

в) Анализируются тексты художественной и публицистической литературы, выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список.

г) Полученный список разбивается на смысловые группы и подгруппы.

Результат этапа: описан состав и структура лексической группировки.

Этап II. Определение переводных соответствий отдельных единиц.

Переводными соответствиями называем два слова разных языков, имеющие сходство в семном составе и регулярно использующиеся при переводе.

а) Каждое русское слово проверяется по двуязычным словарям, выписываются все его возможные соответствия в языке сопоставления.

б) Все лексемы языка сопоставления проверяются по синонимическому словарю, выявленные новые лексемы пополняют список переводных соответствий исследуемого русского слова.

Результат этапа: выявлен корпус иноязычных соответствий исследуемым русским единицам.

Этап III. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках.

а) Компонентный анализ русских единиц в рамках выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций.

б) Компонентный анализ единиц языка сопоставления методом анализа словарных дефиниций.

в) Контекстуальный анализ исследуемых единиц в русских и иноязычных текстах с целью выявления дополнительных, периферийных сем, не отраженных в словарных дефинициях, включение дополнительных сем в семный состав исследуемых единиц.

г) Опрос информантов по выявлению отдельных сем (процедура верификации компонентного состава слова для русского языка и языка сопоставления).

Результат этапа: семное описание исследуемых семем русского языка и языка сопоставления.

Этап IV. Семантическое описание контрастивных пар.

Под контрастивной парой понимаются две единицы сравниваемых языков, выступающие как переводные соответствия.

а) В каждой контрастивной паре сопоставляются отдельные семы, полученные в результате компонентного анализа. Используется прием унификации семных описаний, который заключается в том, что сходные толкования сем в двух языках приравниваются друг к другу, и

выбирается или конструируется одно толкование, дающее наиболее обобщенное описание соответствующего признака.

Например¹ (улица – для *прохода*, фр. rue - для *проезда*: обобщаются в сему для *передвижения*; панель – *покрытая асфальтом*, фр. trottoir – *вымощенная камнем, облицованная плитами*: обобщаются в с твердым покрытием).

Отсутствие семы в дефинициях одного из языков проверяется; если действительно наблюдается отсутствие признака, фиксируется семная лакуна; если же отсутствие объясняется случайными причинами, то соответствующая сема включается в семную структуру. Например:

Сема	Русская лексема	Французская лексема	Принятое решение по семе
из одного места в другое	<i>дорога</i> 0 ²	<i>chemin</i> + ³	включается в семему «дорога»
для пешеходов	<i>обочина</i> 0	<i>bas-coté</i> +	включается в семему «обочина»
грунтовая	<i>большак</i> +	<i>grande route</i> 0	признается беззкв. для grande route
деревянный	<i>мостки</i> +	<i>passerelle</i> 0	признается беззкв. для passerelle

б) Добавляются семы и новые значения, полученные в результате анализа текстов.

¹ Примеры приводятся из кандидатской диссертации Н.М. Репринцевой (см. Репринцева)

² **0** означает, что данная сема словарями и компонентным анализом для данной семемы не зафиксирована

³ **+** означает, что данная сема словарями и компонентным анализом для данной семемы зафиксирована

Например, добавляются периферийные семы: переулок – «малоллюдный», allée – «малоллюдная»; новые значения: магистраль – железнодорожный путь, кольцо – круговая дорога, круговая улица.

в) Добавляются семы, полученные в результате опроса информантов.

Результат этапа: формирование русских семных дефиниций и семных дефиниций языка сопоставления.

Этап V. Выявление текстовой частотности употребления исследуемых единиц.

Частотность употребления исследуемых единиц описывается с помощью следующей шкалы:

высокочастотные	- более 100 употреблений
употребительные	- 50-100 употреблений
малоупотребительные	- 5-50 употреблений
неупотребительные	- менее 5 употреблений

Результат этапа: установление частотной эквивалентности, частотного расхождения, частотного несовпадения семем исследуемых единиц на современном этапе развития языка.

Если частотность употребления лексем одного межъязыкового соответствия совпадает или колеблется в рамках одного уровня, например:

дорога 165	route 193
высокочастотное	высокочастотное
выход 2	accès 0
неупотребительное	неупотребительное
- фиксируется частотная эквивалентность.	

Если частотность лексемы межъязыкового соответствия не совпадает на один уровень, например:

закоулок 0	ruelle 15
неупотребительное	малоупотребительное
перекресток 13	croisement 0
малоупотребительное	неупотребительное,
- фиксируется частотное расхождение.	

Если частотность лексемы одного межъязыкового соответствия не совпадает на два и более уровней, например:

дорога 165	voie 7
высокочастотное	малоупотребительное
бульвар 15	boulevard 115
малоупотребительное	высокоупотребительное
- фиксируется частотное несовпадение.	

Этап VI. Дифференциальная семантизация слова.

Сопоставление семной структуры русского слова и его соответствий в языке сопоставления с указанием национально-специфических компонентов.

Результат этапа: контрастивные словарные статьи.

Национальная специфика семантики единиц двух языков может проявляться в следующем.

1. Национальная денотативная специфика значения.

Денотативная специфика семантики отражает различия в денотативных компонентах значений межъязыковых соответствий.

Так, денотативная специфика обнаруживается в случаях безэквивалентности слова, связанной с отсутствием соответствующих предметов в культуре другого народа, а также в отсутствии (или наличии) определенных компонентов значений слов, обусловленном наличием или отсутствием тех или иных признаков в называемых словами предметах материальной или духовной культуры.

К примеру, безэквивалентные для немецкого языка русские слова квас, оладьи, лапти, самовар и др. отражают национально-культурную специфику семантики русского языка, обусловленную отсутствием самих называемых предметов в немецкой культуре (мотивированные лакуны). Примером различий в компонентах значений является соответствие горчица - *senf*, где в значении русского слова присутствует сема "острый вкус", а в значении немецкого слова - "сладко-кислый вкус", что отражает различия в самой используемой русскими и немцами приправе.

Распространенной формой проявления национальной специфики денотативного содержания слова является несовпадение единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения действительности. В таких случаях понятие о том или ином предмете или явлении выражено словами в обоих языках, но в одном языке эти понятия конкретнее и их больше, в другом языке - абстрактнее и их меньше или вообще одно.

Например, русскому *жить* в немецком языке соответствуют *wohnen, leben*; рус. *рука* - *Hand, Arm*; *зарплата* - *Lohn, Gehalt*; *ваза* - *Vase, Schale*. С другой стороны, рус. *блузка, кофточка* соответствует в немецком языке только одно слово - *Bluse*; *заведующий, начальник, руководитель* - *Leiter*; *варить, кипятить* - *kochen*; *село, деревня* - *Dorf* и т.д.

Еще одной формой проявления денотативной специфики значений слов является отсутствие единицы в одном из языков при наличии единицы в другом, при том, что сами обозначаемые предметы или явления присущи обеим культурам (немотивированные лакуны). В этом случае один народ как бы не замечает то или иное явление, не формирует о нем понятия, закреплённого в слове.

К примеру, в немецком языке нет слов, соответствующих русскому *сутки, кипяток*, хотя обозначаемые ими явления есть не только в русской, но и немецкой действительности. Аналогично, в русской действительности есть и "вечер после работы", и "двое детей одних родителей", но такие слова отсутствуют, в то время как в немецком языке они есть - *Feierabend, Geschwister*.

Как отсутствие в языке слова для обозначения какого-либо понятия, выраженного в другом языке, так и различие в уровне обобщения сходных явлений, зафиксированном в лексических единицах разных языков, не всегда свидетельствуют о том, что данный народ не мыслит соответствующее понятие, что такой концепт в сознании народа вообще отсутствует. Понятие может как отсутствовать, так и наличествовать в когнитивном сознании народа (этот вопрос требует анализа в каждом конкретном случае, см. Стернин 2003), но оно может не являться для народа актуальным, в силу чего оно **не обсуждается**, а, следовательно, и нет необходимости в обозначении его специальным словом. Таким образом, причины отсутствия слова могут быть и чисто коммуникативными. Кстати, часто оказывается, что подобные понятия (концепты) выражены в жаргоне, в подязыке какой-либо социальной, профессиональной, территориальной группы, для которых они оказываются актуальными, но в общенародном языке они при этом могут быть не обозначены.

2. Национальная коннотативная специфика значения.

Национальная коннотативная специфика - это специфика эмоционального и оценочного содержания слова, связанная с возможностью различного эмоционального и оценочного отношения к одному денотату в условиях разных национальных культур. Ср., например, возможность разной оценочности и эмоциональности в словах *бизнес, предприниматель, коммунизм, капитализм* и др. у представителей разных идеологий.

Национальная коннотативная специфика значения проявляется не только в совпадении эмоциональных и оценочных компонентов в сопоставляемых единицах двух языков, но и в наличии той или иной эмоции или оценки в единице одного языка при её отсутствии в единице языка сопоставления.

Например: *лодка* (неоцен.) - Kahn в одном из значений - неодобр., *труба* (неоцен.) - Schlot (преим. неодобр.).

3. Национальная структурно-языковая специфика.

Национальная структурно-языковая специфика семантики слова проявляется в несовпадении структурно-языковых компонентов сравниваемых слов.

Структурно-языковая специфика проявляется, к примеру, в несовпадении лексико-грамматических характеристик слов (*обувь* - собир., *Schune* - не собир.) в различиях форм числа (*картофель* - только ед., *Kartoffel* - ед. и мн.), в несовпадении функционально-стилистических и других функциональных сем (*спичка* - межстил., *Zundholz* - книжн.; *центрифуга* - спец., *Schleuder* - общеупотр.; *бокал* - употр., *Pokal* - малоупотр. и др.).

Для установления национальной специфики семантики лексической единицы необходимо рассмотреть все ее возможные лексические соответствия.

Межъязыковым лексическим соответствием являются слова двух языков, имеющие в структуре значения общие семы.

С формальной точки зрения межъязыковые лексические соответствия подразделяются на три вида.

1. Линейные (одной единице языка А соответствует только одна единица языка В), соотношение 1:1.

Например: *город* - Stadt, *задвижка* - Riegel, *гриб* - Pilz, *красный* - rot, *дерево* - Baum.

2. Векторные (одной единице языка А соответствуют несколько единиц языка В), соотношение 1:N.

Например: *токарь* -- Dreher, Drechsler, *полка*--Regal, Fash, *вход* - Fingang, Finstieg, *ученик* -- Schtiler, Lehrling.

3. Отсутствие соответствия в языке В (лакуна), соотношение 1: 0

Например: *сутки*, *кипяток*, *лапти*, *самовар*.

Лакуны подразделяются на мотивированные и немотивированные. Мотивированные лакуны возникают при отсутствии у данного народа соответствующего предмета, реалии, в то время как у другого народа такой предмет есть. Немотивированные лакуны не могут быть объяснены через отсутствие предмета или реалии: соответствующий предмет или реалья есть, но народ её как бы не замечает, не посчитал необходимым этот предмет или явление назвать. Так, для немецкого языка относительно русского *лапти*, *квас*, *самовар* - мотивированные лакуны (у немцев нет таких предметов, поэтому и слов нет), а *кипяток*, *сутки* - немотивированные.

Таковы основные принципы и терминологический аппарат контрастивной лингвистики.

Контрастивная лингвистика, таким образом, выступает как составная часть сопоставительной лингвистики, а ее специфика заключается в однонаправленном сопоставлении от родного языка к иностранному.

Литература

1. Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. - Галле, 1989.
2. Репринцева Н.М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания: Дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 1999.
3. Стернин И.А. Концепты и лакуны. // Перевод и межкультурная коммуникация. - Н. Новгород, 2003. - С.158-170.

Стернина М.А.

К проблеме сопоставительного изучения языковых универсалий

В настоящее время в свете все возрастающего интереса к национальным особенностям языков и культур все большее внимание уделяется сопоставительным и контрастивным исследованиям. Сопоставительные исследования охватывают все уровни языка - фонетику, лексику, грамматику. Весьма популярными в последнее время стали сопоставительные исследования концептосфер.

Чаще всего в сопоставительном плане исследуются единицы разных уровней языка, а также отдельные грамматические категории. Изучению же в сопоставительном плане явлений, носящих характер языковых универсалий, до сих пор не уделялось особого внимания. Вместе с тем подобные сопоставительные исследования представляют особый интерес, поскольку позволяют глубже проникнуть в самую суть языковых универсалий.

В настоящей работе предпринимается попытка сопоставительного изучения языковых универсалий на примере одной из них - полисемии слова.

Явление полисемии обусловлено действием в языке открытого С. Карцевским закона асимметричного дуализма языкового знака, согласно которому обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”. Каждое “выходит” из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Стремление обозначаемого «выйти из своих рамок» ведет к возникновению синонимии, аналогичное же стремление означающего порождает полисемию.

В силу универсальности данного языкового закона очевидным становится и утверждение об универсальности полисемии. Как справедливо отмечал С. Ульманн, «полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» (Ульманн, с. 267).

Сопоставительное исследование полисемии слова проводится нами на материале двух разноструктурных языков – русского и английского, поскольку выбор неблизкородственных языков дает возможность сделать наиболее объективные выводы относительно характера рассматриваемого явления и его универсальности.

Нами исследуется как традиционная, лексическая полисемия слова, так и лексико-грамматическая полисемия, представляющая собой более высокий уровень полисемии слова и предусматривающая, помимо лексической производности, производность на уровне частей речи, т.е. лексико-грамматических классов слов. При этом в рассмотрение включаются как случаи собственно лексико-грамматической полисемии, так и лексико-грамматической вариантности, при которой мы имеем дело с одной и той же семемой, выступающей в одинаковом наборе лексических сем, но с разными лексико-грамматическими семами.

Исследование проводится на материале лексем английского и русского языков, демонстрирующих многозначность на уровне лексико-грамматических классов слов и извлеченных методом сплошной выборки из Большого англо-русского словаря и академического Словаря русского языка в четырех томах. В целях полноты описания анализировались все без исключения семемы лексем с лексико-грамматической многозначностью, в том числе и

относящиеся к периферии соответствующей семантемы и имеющие пометы типа *ист.*, *жарг.*, *спец.* и т.д.

Сопоставительное исследование полисемии в русском и английском языках показало, что в сфере полисемии русского и английского языков могут быть выявлены как общие, так и идиоэтнические черты. Параметрами, релевантными для сопоставительно-типологического описания полисемии, являются следующие:

- Количество лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию в английском и русском языках
- Количество моделей лексико-грамматической полисемии в сравниваемых языках (Под моделью лексико-грамматической полисемии понимается типовое сочетание разнокатегориальных лексико-грамматических семем в семантемах полисемантических единиц. Модель лексико-грамматической полисемии представляется в виде типовой конфигурации лексико-грамматических значений, выявляемых в семантемах конкретного языка. Так, например, модель *n* – *v* описывает лексико-грамматическую многозначность в английском языке на уровне существительного и глагола, модель *сущ.* – *прил.* – лексико-грамматическую многозначность в русском языке на уровне существительного и прилагательного)
- Категориальные типы моделей в обоих языках
- Представленность отдельных лексико-грамматических классов слов в моделях полисемии обоих языков
- Наиболее распространенные конфигурации лексико-грамматических сем в лексемах, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию в сравниваемых языках
- Наличие лексико-грамматической вариантности в моделях лексико-грамматической полисемии английского и русского языков
- Совпадающие модели лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках
- Частотность моделей лексико-грамматической полисемии английского и русского языков
- Лексико-грамматическая активность отдельных классов слов в сравниваемых языках
- Представленность знаменательных и служебных частей речи в моделях лексико-грамматической полисемии сравниваемых языков

- Полевая характеристика явления лексико-грамматической полисемии в обоих языках

Как было отмечено, одним из критериев типологического сопоставления является количество лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, которое, наряду с количеством моделей лексико-грамматической полисемии в сравниваемых языках, наглядно свидетельствует о распространенности рассматриваемого явления.

Как показало проведенное исследование, количество лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию в английском языке равняется 9137, в русском – 1729. Таким образом, количество лексем с лексико-грамматической полисемией в русском языке составляет около 19% от соответствующего количества в английском языке.

Как показывает материал, в том числе и приведенные выше данные о количестве лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию в сравниваемых языках, явление лексико-грамматической полисемии более распространено в английском языке, что совершенно естественно ввиду аналитического характера его строя. Так, в английском языке было выявлено 70 различных моделей лексико-грамматической полисемии, в то время как в русском таких моделей зафиксировано 51, что почти на четверть меньше.

Еще одним параметром для типологического сравнения служат категориальные типы моделей в обоих языках. Под категориальным типом понимается модель, характеризующая соответствующую семантему с точки зрения количества образующих ее разнокатегориальных семем, то есть семем с разными лексико-грамматическими семами.

Нами выделяются двухкатегориальные, трехкатегориальные, четырехкатегориальные, пятикатегориальные и шестикатегориальные модели. Как показало исследование, в английском языке преобладают трехкатегориальные модели, в русском – двухкатегориальные. Исследование показало также, что для английского языка максимальное число лексико-грамматических разрядов в рамках одной семантемы равняется шести, в русском – пяти.

В русском языке наблюдается четкая обратно пропорциональная зависимость между типом модели и количеством моделей данного типа – чем менее многозначен в лексико-грамматическом плане данный тип модели, тем больше встречается моделей этого типа, и, наоборот, чем больше разнокатегориальных семем включают

семантемы данной модели, тем меньше таких моделей представлено в языке.

В английском языке подобная обратно пропорциональная зависимость в целом сохраняется, несколько нарушаясь, однако, поведением трехкатегориальных моделей, которые обгоняют по численности модели двухкатегориальные.

Важным параметром для типологического описания является представленность лексико-грамматических классов в моделях лексико-грамматической полисемии сравниваемых языков. Набор классов слов, на уровне которых проявляется лексико-грамматическая полисемия, в принципе в обоих языках совпадает. Однако в русском языке он на две единицы больше, поскольку там возможна лексико-грамматическая полисемия на уровне деепричастия, которое как лексико-грамматический разряд отсутствует в английском языке, а также, в отличие от английского, встречаются случаи лексико-грамматической полисемии на уровне модального слова и числительного. В то же время в русском языке отсутствует зафиксированная в английском языке лексико-грамматическая полисемия на уровне звукоподражания.

Общее число лексико-грамматических классов слов, на уровне которых возможна лексико-грамматическая полисемия, равно 11 в английском языке и 13 – в русском. В английском языке лексико-грамматическая полисемия возможна на уровне существительного, прилагательного, наречия, глагола, причастия, местоимения, предлога, союза, частицы, междометия и звукоподражания. В русском языке семемы демонстрируют лексико-грамматическую полисемию на уровне существительного, прилагательного, наречия, глагола, причастия, деепричастия, местоимения, числительного, предлога, союза, частицы, междометия и модального слова.

Помимо качественного анализа лексико-грамматических значений, не менее интересен в типологическом плане и их количественный анализ. В обоих сравниваемых языках наиболее распространена лексико-грамматическая полисемия на уровне существительного и наречия. Третье место в английском языке занимает прилагательное, а в русском языке – частица. Отметим, что если для аналитического построения английского языка обилие моделей с лексико-грамматической полисемией на уровне существительного не вызывает особого удивления, то для синтетического русского языка такой результат оказывается в некотором смысле неожиданным.

Что же касается наименьшего распространения лексико-грамматической полисемии, то в английском языке она наименее

распространена на уровне звукоподражания, причастия и частицы, а в русском языке – на уровне деепричастия, глагола, а также причастия и числительного. Интересен тот факт, что, если в английском языке лексико-грамматическая полисемия на уровне частицы занимает третью от конца строчку в перечне наиболее распространенных случаев лексико-грамматической полисемии, в русском языке, наоборот, этот вид полисемантизма оказывается в числе наиболее распространенных и занимает третье место сверху.

Особый интерес в плане типологического сопоставления представляет сравнение наиболее распространенных конфигураций лексико-грамматических сем в лексемах, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию в английском и русском языках - как в количественном, так и в качественном плане. Так, наиболее распространенными конфигурациями лексико-грамматических сем в английском языке являются *n – v* и *n – a*. Помимо того, что обе эти семные конфигурации выступают как самостоятельные модели лексико-грамматической полисемии, причем модели сверхчастотные, полисемию на уровне данных лексико-грамматических классов проявляют лексемы еще целого ряда других моделей.

Так, помимо существования самостоятельной модели *n – v*, полисемию на уровне существительного и глагола демонстрируют еще 14 моделей лексико-грамматической полисемии в английском языке – одна шестикатегориальная (*n – a – adv – v – prep – int*), две пятикатегориальных (*n – a – adv – v – int*; *n – a – adv – v – prep*), четыре четырехкатегориальных (*n – a – adv – v*; *n – a – v – int*; *n – adv – v – int*; *n – v – prep – part*) и семь трехкатегориальных (*n – a – v*; *n – v – int*; *n – adv – v*; *n – v – prep*; *n – v – pron*; *n – v – sim*; *n – v – cj*). В общей сложности 5521 лексема английского языка проявляет лексико-грамматическую полисемию на уровне существительного и глагола, что составляет 60% от общего числа лексем с лексико-грамматической полисемией в английском языке.

Помимо существования самостоятельной модели *n – a*, полисемию на уровне существительного и прилагательного демонстрируют еще 17 моделей лексико-грамматической полисемии в английском языке – одна шестикатегориальная (*n – a – adv – v – prep – int*), три пятикатегориальных (*n – a – adv – v – int*; *n – a – adv – v – prep*; *n – a – adv – cj – int*), семь четырехкатегориальных (*n – a – adv – v*; *n – a – adv – prep*; *n – a – adv – int*; *n – a – v – int*; *n – a – adv – cj*; *n – a – adv – pron*; *n – a – prep – cj*) и шесть трехкатегориальных (*n – a – v*; *n – a – adv*; *n – a – prep*; *n – a – p.p.*; *n – a – pron*; *n – a – int*). В целом, количество лексем, проявляющих в английском языке лексико-

грамматическую полисемию на уровне существительного и прилагательного, равняется 3210, что составляет 35% от общего числа лексем, проявляющих лексико-грамматическую полисемию.

Наиболее распространенными конфигурациями лексико-грамматических сем в русском языке являются *прил. – прич.* и *сущ. – прил.* Помимо того, что обе эти семные конфигурации выступают как самостоятельные частотные модели лексико-грамматической полисемии, полисемию на уровне данных лексико-грамматических классов проявляют лексем и других моделей.

Так, помимо существования самостоятельной модели *прил. – прич.*, полисемию на уровне прилагательного и причастия демонстрируют еще две модели лексико-грамматической полисемии – четырехкатегориальная модель *сущ. – прил. – прич. – мест.* и трехкатегориальная модель *сущ. – прил. – прич.* Общее количество лексем, проявляющих в русском языке лексико-грамматическую полисемию на уровне прилагательного и причастия, равняется 840, что составляет 49% от общего числа лексем с лексико-грамматической полисемией.

Что касается конфигурация сем *сущ. – прил.*, то она также выступает в качестве самостоятельной модели, а также встречается в составе других моделей лексико-грамматической полисемии в русском языке. В частности, это четырехкатегориальная модель *сущ. – прил. – прич. – мест.*, а также трехкатегориальные модели *сущ. – прил. – прич.*, *сущ. – прил. – мест.*, *сущ. – прил. – нареч.*, *сущ. – прил. – мод.сл.* Таким образом, данная конфигурация лексико-грамматических сем присутствует в русском языке в шести моделях лексико-грамматической полисемии с общим количеством 605 лексем. Это составляет 35% от общего числа лексем с лексико-грамматической полисемией в русском языке.

Сопоставление наиболее распространенных конфигураций лексико-грамматических сем в английском и русском языках показало, что в обоих языках в их перечень входит лексико-грамматическая полисемия на уровне существительного и прилагательного. Тот факт, что подобная конфигурация лексико-грамматических сем отмечена как наиболее частотная в таких неблизкородственных языках как английский и русский, говорит о близости именных классов слов.

Своего рода универсалией явления лексико-грамматической полисемии может считаться наличие в ее моделях лексико-грамматической вариантности. В английском языке она отмечена в 97% семантем, в русском – в 70%.

В обоих языках возможно наличие лексико-грамматической вариантности в семантемах моносемных лексем, то есть возможно наличие многозначности на уровне лексико-грамматических классов слов при отсутствии многозначности лексической. В обоих языках возможно также сосуществование в одной семантеме нескольких семем с лексико-грамматической вариантностью. В английском языке максимально возможное в рамках одной семантемы число семем с лексико-грамматической вариантностью равняется одиннадцати, в русском языке – шести.

В обоих языках наблюдаются также случаи, когда та или иная лексико-грамматическая сема в рамках конкретной семантемы не выступает в составе самостоятельной семемы, а представлена только в лексико-грамматических вариантах.

Исследование показало также, что в обоих сравниваемых языках лексико-грамматическая вариантность встречается как в денотативных, так и коннотативных семемах. Однако, если для английского языка характерна равнопредставленность данного явления в денотативных и коннотативных семемах, в русском языке лексико-грамматическая вариантность заметно доминирует в денотативных семемах.

Несомненный интерес в плане типологического сопоставления представляет сравнение моделей лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках и выявление совпадающих конфигураций лексико-грамматических сем. Проведенный анализ показал, что среди 70 моделей лексико-грамматической полисемии в английском языке и 51 модели в русском языке 15 моделей совпадают, что составляет соответственно 21% от общего числа моделей в английском языке и 29% от общего числа моделей в русском языке. Отметим, что хотя совпадающие в обоих языках модели разнятся по числу описываемых ими лексем, сам факт такого совпадения в неблизкородственных языках свидетельствует об известной близости представленных в данных моделях лексико-грамматических значений и еще раз подчеркивает универсальность самого явления лексико-грамматической полисемии.

Представляет интерес также сравнение частотности моделей лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках. (Отметим, что под термином «частотность модели» мы понимаем частотность лексем, представленных данной моделью.) В зависимости от количества лексем той или иной модели, последние делятся нами на сверхчастотные (встречающиеся в семантемах более 1000 лексем), частотные (с частотностью от 101 до 1000 лексем), малочастотные

(встречающиеся в семантемах от 11 до 100 лексем), редкие (представленные 2 –10 лексемами) и единичные (представленные одной лексемой).

Как показало исследование, в английском языке представлены все выделенные нами типы моделей, в то время как в русском языке сверхчастотные модели отсутствуют и самыми распространенными оказываются модели, подпадающие под статус частотных.

В русском языке наиболее распространенными оказались модели единичные, представленные только одной лексемой, в английском языке больше всего распространены модели, имеющие в нашей классификации статус редких и представленные лексемами в количестве от 2 до 10.

С точки зрения типологии весьма интересным представляется также сравнение лексико-грамматической активности отдельных классов слов в английском и русском языках. Отметим, что под лексико-грамматической активностью нами понимается способность данного лексико-грамматического класса слов к полисемии на уровне других лексико-грамматических классов. Рассмотрим лексико-грамматическую активность в сравниваемых языках как в количественном плане (со сколькими лексико-грамматическими классами может вступать в полисемантические отношения данный класс слов), так и содержательно (с какими конкретно лексико-грамматическими классами данный класс вступает в отношения полисемии).

В английском языке наибольшую активность в плане развития лексико-грамматической полисемии проявляет глагол, который вступает в отношения лексико-грамматической производности со всеми десятью возможными классами слов. На втором месте по степени лексико-грамматической активности стоят существительное и прилагательное. Каждый их этих классов слов вступает в отношения лексико-грамматической производности с девятью другими классами. Третье место с точки зрения лексико-грамматической активности занимают наречие и союз, способные демонстрировать лексико-грамматическую многозначность на уровне восьми классов слов. В то же время наименее активными с точки зрения лексико-грамматической полисемии в английском языке являются такие классы слов, как причастие и звукоподражание, способные к многозначности на уровне соответственно трех и двух лексико-грамматических классов, что, по-видимому, объясняется внутриязыковыми причинами, а именно тем, что оба отмеченных класса слов сами не в полной мере обладают частеречными признаками.

В русском языке наибольшую активность в плане лексико-грамматической полисемии проявляет существительное, способное вступать в отношения лексико-грамматической производности с 11 разными лексико-грамматическими классами. На втором месте здесь находится наречие, проявляющее многозначность на уровне 10 разных лексико-грамматических классов. И, наконец, третье место по степени лексико-грамматической активности занимают модальные слова, вступающие в отношения лексико-грамматической производности с девятью классами слов. Наименее активными с точки зрения лексико-грамматической полисемии в русском языке оказались причастие и деепричастие, вступающие в отношения лексико-грамматической производности соответственно с тремя и двумя классами слов. Причины такой низкой лексико-грамматической активности этих классов слов, на наш взгляд, те же, что и в английском языке, а именно - их особое положение в системе лексико-грамматических классов.

Не менее интересен в типологическом плане и анализ содержательной стороны лексико-грамматической активности классов слов в сравниваемых языках - с какими конкретно лексико-грамматическими классами вступает в полисемантические отношения данный класс, то есть какова его лексико-грамматическая сочетаемость.

Остановимся на наиболее типичной сочетаемости лексико-грамматических сем в английском и русском языках. Существительное в английском языке активнее всего сочетается с прилагательным, наречием и глаголом, прилагательное - с наречием, существительным и глаголом, наречие - с прилагательным, существительным и глаголом, глагол - с существительным, прилагательным и наречием, причастие - с прилагательным и существительным, местоимение - с существительным, наречием и прилагательным. Предлог в английском языке активнее всего сочетается с существительным, наречием, прилагательным и союзом, союз - с предлогом, наречием, существительным и прилагательным, частица - с предлогом, наречием и союзом, междометие - с существительным, наречием, прилагательным и глаголом. Звукоподражание активнее всего вступает в полисемантические отношения с существительным.

В русском языке существительное активнее всего сочетается с прилагательным и наречием, прилагательное - с существительным, местоимением и причастием, наречие - с частицей, существительным и союзом, глагол - с модальным словом, причастие - с существительным и прилагательным. Деепричастие сочетается всего с

двумя лексико-грамматическими классами – наречием и предлогом, сочетаемость с каждым из этих классов отмечена лишь у одной модели, вследствие чего говорить о предпочтительной лексико-грамматической сочетаемости данного класса не представляется возможным. Местоимение в русском языке наиболее активно проявляет лексико-грамматическую полисемию на уровне существительного, прилагательного и числительного, числительное – на уровне существительного и модального слова, предлог – на уровне наречия и частицы, союз – на уровне наречия, частицы и модального слова. Частица наиболее активно сочетается с наречием, модальным словом и союзом, междометие – с союзом, частицей и модальным словом, а модальное слово – с наречием, частицей и союзом.

Рассмотрение наиболее частотных сочетаний лексико-грамматических сем в английском и русском языках показало, что они в сравниваемых языках в основном совпадают. Так, существительное в обоих языках достаточно часто сочетается с прилагательным и наречием, прилагательное и наречие – с существительным, причастие и местоимение – с существительным и прилагательным, предлог, союз и междометие – с наречием, частица – с наречием и союзом. Этот факт может свидетельствовать об определенной лексико-грамматической близости отмеченных классов слов в обоих языках.

Проведенное сравнение всех случаев лексико-грамматической сочетаемости в английском и русском языках показывает, что лексико-грамматические классы в сравниваемых языках вступают в отношения лексико-грамматической полисемии примерно с одними и теми же классами, различия в наборе лексико-грамматических сем, с которыми способна сочетаться каждая конкретная лексико-грамматическая сема, не так велики. У существительного, например, различия касаются только частицы – в русском языке у существительного возможна лексико-грамматическая полисемия на уровне частицы, в английском языке – нет. Несколько больше различий в лексико-грамматической сочетаемости имеет в сравниваемых языках прилагательное. Так, если английское прилагательное сочетается с глаголом, предлогом, союзом, частицей и междометием, то русское прилагательное такой сочетаемости не проявляет. Английское и русское наречие в плане лексико-грамматической сочетаемости отличаются лишь способностью английского, в отличие от русского, проявлять лексико-грамматическую полисемию на уровне глагола. Причастия в сравниваемых языках имеют два отличия – русское причастие, в отличие от английского, не вступает в отношения лексико-

грамматической полисемии с глаголом, а английское, в отличие от русского - с местоимением. Различия в лексико-грамматической сочетаемости между английским и русским местоимением сводятся к следующему: английское местоимение, в отличие от русского, может вступать в отношения лексико-грамматической полисемии с глаголом, а русское, в отличие от английского - с причастием и частицей. Предлоги в сравниваемых языках с точки зрения интересующего нас аспекта различаются тем, что английский предлог, в отличие от русского, может вступать в полисемантические отношения с прилагательным, глаголом и союзом. Различия между союзами сводятся к тому, что, по сравнению с русским, английский союз способен проявлять лексико-грамматическую полисемию на уровне прилагательного и предлога. Частица оказывается более активной в русском языке – в отличие от английской частицы, русская проявляет лексико-грамматическую полисемию на уровне существительного, местоимения и междометия, однако не проявляет ее на уровне прилагательного. И, наконец, различия между междометиями с точки зрения лексико-грамматической полисемии таковы: английское междометие, в отличие от русского, проявляет лексико-грамматическую полисемию на уровне прилагательного и глагола, а русское, в отличие от английского – на уровне причастия и частицы.

Единственным классом слов, совершенно не совпадающим в плане лексико-грамматической сочетаемости в английском и русском языках, является глагол. Если в английском языке глагол сочетается со всеми возможными классами слов, то в русском языке набор лексико-грамматических партнеров глагола достаточно невелик – это существительное, союз, частица и модальное слово. Кроме того, если из всех лексико-грамматических классов слов английский глагол чаще всего отдает предпочтение существительному, то в русском языке глагол чаще всего вступает в отношения лексико-грамматической полисемии с модальным словом.

В целом, различия в сравниваемых языках в плане лексико-грамматической сочетаемости наблюдаются приблизительно в трети из существующих случаев, что дает нам основание утверждать, что различия между языками в этом плане не носят существенный характер.

Весьма большие различия, однако, наблюдаются в количественных параметрах, а именно в количестве моделей, проявляющих лексико-грамматическую многозначность на уровне конкретного класса слов. Практически все лексико-грамматические классы английского языка демонстрируют лексико-грамматическую полисемию в гораздо

большем числе моделей, чем соответствующие лексико-грамматические классы русского языка, что в очередной раз подтверждает большее распространение явления лексико-грамматической полисемии в английском языке по сравнению с русским.

В плане типологического сравнения интересно также рассмотреть представленность знаменательных и служебных частей речи в моделях лексико-грамматической полисемии сравниваемых языков. Как показал анализ, в обоих языках выделяются три группы моделей – модели, демонстрирующие лексико-грамматическую полисемию только на уровне знаменательных частей речи, модели, семантемы которых проявляют лексико-грамматическую многозначность как на уровне знаменательных, так и на уровне служебных частей речи и модели, где лексико-грамматическая полисемия проявляется только на уровне служебных частей речи.

Как показал анализ, и в русском, и в английском языках наиболее распространены модели, демонстрирующие лексико-грамматическую полисемию как на уровне значимых, так и на уровне служебных частей речи. Число моделей, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию на уровне только значимых частей речи, в обоих языках существенно превышает число моделей с лексико-грамматической полисемией на уровне только служебных частей речи (в английском языке – в восемь раз, в русском – почти в два раза).

Исследованием установлено также, что как в английском, так и в русском языках число моделей, семантемы которых проявляют лексико-грамматическую многозначность только на уровне служебных частей речи, составляет лишь небольшую долю в общем числе моделей лексико-грамматической полисемии данного языка. В английском языке это 3 модели из 70, что составляет всего 4% от общего числа моделей лексико-грамматической полисемии английского языка. В русском языке число моделей с лексико-грамматической полисемией на уровне только служебных частей речи равняется 9 (из общего количества 51), что составляет 17,6 % от общего числа моделей.

Интересно, на наш взгляд, сопоставить также данные по количеству лексем, проявляющих лексико-грамматическую полисемию на уровне только служебных частей речи, с общим количеством лексем с лексико-грамматической полисемией в английском и русском языках. В английском языке это соотношение составляет 6 из 9137 лексем (0,07%), в русском языке – 43 лексемы из 1729 (2,5%).

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что как в английском, так и в русском языках явление лексико-грамматической полисемии более распространено среди знаменательных частей речи, чем среди служебных. Этот факт свидетельствует о том, что лексико-грамматическая полисемия – явление, характерное для ядра лексической системы каждого из сравниваемых языков.

Отметим, что сравнительно-типологическое рассмотрение лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках показало, что само это явление в обоих языках носит полевой характер и может быть описано в терминах ядра и периферии. В английском языке ядром лексико-грамматической полисемии является многозначность на уровне трех лексико-грамматических классов – существительного, глагола и прилагательного. Эти лексико-грамматические классы слов входят в наиболее распространенные модели лексико-грамматической полисемии в английском языке, являются знаменательными, полисемия на уровне этих классов представлена наибольшим количеством лексем. По аналогичным причинам ядром лексико-грамматической полисемии в русском языке можно считать многозначность на уровне прилагательного, причастия и существительного.

Лексико-грамматическая полисемия на уровне наречия может считаться в обоих языках ближней периферией данного явления, многозначность на уровне остальных лексико-грамматических классов слов – дальней периферией. Основанием для таких выводов служит в первую очередь количество лексических единиц, демонстрирующих в данном языке лексико-грамматическую полисемию на уровне конкретных классов слов.

Заметим, что с точки зрения лексико-грамматической активности классов слов ядро и периферия лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках ведут себя неодинаково. Так, лексико-грамматические классы, составляющие ядро лексико-грамматической многозначности в английском языке, проявляют и наибольшую лексико-грамматическую активность, то есть, способны сочетаться с наибольшим количеством других лексико-грамматических классов. Напомним, что английский глагол является в этом смысле абсолютным чемпионом, способным вступать в отношения лексико-грамматической полисемии со всеми классами слов, на уровне которых возможна подобная многозначность. В русском же языке из трех лексико-грамматических классов, составляющих ядро лексико-грамматической полисемии, только существительное отличается высокой лексико-грамматической активностью, у прилагательного и

причастия подобная активность довольно невысока. В то же время лексико-грамматические классы, относящиеся к периферии лексико-грамматической полисемии в русском языке, демонстрируют достаточно большую лексико-грамматическую активность.

Проведенное сопоставительно-типологическое рассмотрение лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках позволило выявить общие и идиоэтнические черты этого явления.

Так, к общим для английского и русского языков чертам лексико-грамматической полисемии можно отнести следующие:

1. Существование в обоих языках в рамках лексико-грамматической полисемии явления лексико-грамматической вариантности (лексико-грамматической многозначности при отсутствии многозначности лексической).
2. Совпадение механизмов лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности в сравниваемых языках.
3. Полевой характер явления лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках.
4. Наличие совпадающих моделей лексико-грамматической полисемии в сравниваемых языках (15 моделей).
5. Характерность лексико-грамматической полисемии для лексем, составляющих ядро лексической системы каждого из сравниваемых языков.
6. Совпадение наиболее частотных сочетаний лексико-грамматических сем в английском и русском языках
7. Наличие лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках на уровне десяти одинаковых классов слов: существительного, прилагательного, наречия, глагола, причастия, местоимения, предлога, союза, частицы и междометия.
8. Способность к лексико-грамматической полисемии как денотативных, так и коннотативных семем.

К идиоэтническим чертам лексико-грамматической полисемии следует отнести:

1. Большую развитость лексико-грамматической полисемии в английском языке по сравнению с русским, выражающуюся в значительно большем (более чем в пять раз) количестве лексем, демонстрирующих этот вид полисемантизма, большем (почти на четверть) количестве моделей лексико-

грамматической полисемии, а также в возможности сосуществования в английском языке в рамках одной семантемы большего числа лексико-грамматических разрядов.

2. Большую развитость в английском языке явления лексико-грамматической вариантности, что выражается в фактах представленности лексико-грамматической вариантности на уровне всех лексико-грамматических классов слов, в наличии в английском языке лексико-грамматической вариантности в 97% лексем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию (по сравнению с 70% в русском языке). Для английского языка характерна также равная способность к лексико-грамматической вариантности денотативных и коннотативных семем английских лексем (в русском языке лексико-грамматическая вариантность характерна главным образом для денотативных семем).
3. Возможность лексико-грамматической полисемии на уровне не только одинаковых, но и разных классов слов – звукоподражания в английском языке; деепричастия, числительного и модального слова – в русском языке.
4. Различия в перечне лексико-грамматических классов, с которыми способны сочетаться классы слов в английском и русском языках, наблюдающиеся примерно в трети случаев, а также различия в количественных параметрах сочетаемости лексико-грамматических классов.
5. Различия в классах слов, проявляющих наибольшую и наименьшую лексико-грамматическую активность. В английском языке наиболее активным является глагол, вступающий в отношения лексико-грамматической полисемии со всеми 10 лексико-грамматическими классами, на уровне которых такая полисемия возможна, в русском языке наиболее активно существительное, вступающее в полисемантические отношения с 11 из 13 возможных лексико-грамматических классов. Наименее активным с точки зрения лексико-грамматической полисемии в английском языке оказывается звукоподражание, в русском – деепричастие. Оба эти лексико-грамматических разряда вступают в полисемантические отношения с двумя классами слов.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что явление лексико-грамматической полисемии в сравниваемых языках имеет гораздо больше общего, чем различного, при этом выявленные

сходные черты лексико-грамматической полисемии носят, по сравнению с различиями, более общий, системный характер.

Наиболее существенными в идиоэтническом плане являются количественные различия – факты большей распространенности явлений лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности в английском языке по сравнению с русским. Отметим, что причина таких различий, несомненно, кроется в аналитическом характере строя английского языка и синтетичности русского, многочисленные флексии которого сдерживают развитие лексико-грамматической полисемии.

Все остальные выявленные различия не носят системного характера и объясняются внутриязыковыми причинами, что еще раз подчеркивает универсальность рассмотренного явления.

В заключение отметим, что опыт сопоставительного изучения полисемии может быть распространен и на сопоставительное изучение других языковых универсалий.

Литература

1. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. V. – М., 1970.

Махонина А.А.

К проблеме типологии межъязыковых лакун.

В настоящее время, когда наблюдается повышение интереса к проблеме межкультурной коммуникации и сопоставлению языков и культур, всё большее число исследователей уделяет внимание проблеме лексической лакунарности. Под межъязыковыми лакунами традиционно понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при наличии её в другом языке. На настоящий момент существует большое количество классификаций межъязыковых лакун, основанных на различных принципах: по системно-языковой принадлежности (межъязыковые и внутриязыковые), по внеязыковой обусловленности (мотивированные и немотивированные), по парадигматической характеристике (родовые и видовые), по степени абстрактности содержания (предметные и абстрактные), по типу номинации (номинативные и стилистические), по принадлежности лакуны к определенной части речи (частеречные) (см. Попова, Стернин, с. 21-23), по половой принадлежности обозначаемых референтов (гендерные), а также на основании внешней и внутренней

связи между обозначаемыми предметами (метонимические) (см. Махонина, с. 42). Г.В. Быкова отмечает наличие уникальных и частных лакун, абсолютных и относительных лакун, этнографических лакун, нулевых лакун, смешанных лакун, вакантных (некомпенсированных) лакун, эмотивных (коннотативных, ассоциативных) лакун, грамматических лакун, речевых лакун: частичных, компенсированных, полных (см. Быкова, с. 57-75).

Все вышеприведённые классификации, позволяющие выявить те или иные характеристики лакун, представляют несомненный интерес, однако, практически ни одна из них не основана на едином принципе и не является всеобъемлющей. Такая типология, которая классифицировала бы все лакуны по одному принципу, на данный момент отсутствует. В настоящей статье предпринимается попытка на материале русско-английских субстантивных лакун разработать классификацию, которая охватила бы все без исключения межъязыковые лакуны и была бы основана на едином принципе. Основанием для такой типологии служит причина лакунарности, то есть причина, по которой в фоновом языке наблюдается лакуна. Согласно этой типологии все межъязыковые лакуны могут быть подразделены на три большие группы: номинативные, обобщающие и конкретизирующие.

Номинативные лакуны выделяются на основании отсутствия в фоновом языке соответствующей номинации. В качестве примера номинативных лакун приведем следующие:

розовый отблеск солнца на вершинах гор при закате и восходе солнца – ср. *alpenglow*

сильный мороз без инея – ср. *black frost*

образование хлопьев на поверхности горячего кофе (от молока, сливок) – ср. *feathering*

притворное пренебрежение к чему-либо недоступному – ср. *sour grapes*

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в фоновом языке соответствующего обобщения. Исследование обобщающих лакун, проведённое на материале русско-английских субстантивных лакун, показало возможность обобщения по следующим признакам:

- **по форме**

предмет, похожий на гусиную шею или изогнутый в виде буквы S – ср. *gooseneck*

что-либо, напоминающее по форме острие стрелы – ср. *arrowhead*

- по составу

что-л., составленное из разнородных элементов – ср. hybrid

что-л., состоящее из восьми частей – ср. octuple

- по массе и размеру

что-л., возникающее сразу в большом количестве – ср. rash

что-л. огромное, бесконечное, безграничное – ср. infinity

- по действию:

что-л., прикреплённое за один конец, свешивающееся или развевающееся на ветру – ср. flap

что-л., вызывающее сильное удивление; что-л., открывающее человеку глаза на действительное положение вещей – ср. eye-opener

- по месту:

что-л. занимающее промежуточное положение – ср. between

предмет, лежащий поверх другого предмета – ср. rider

- по оценке:

нечто, неожиданно получившее широкое признание (напр., лошадь, неожиданно пришедшая первой на скачках, неожиданно шумевшая книга, кинокартина и т.п.) – ср. sleeper

что-л. дискредитирующее, позорящее, вредящее репутации – ср. libel

- по времени и очередности

что-л., чередующееся с чем-либо – ср. alternate

что-либо мимолетное, преходящее, эфемерное – ср. ephemera

- по материалу:

что-л. украшенное или отделанное раковинами – ср. shellwork

что-л. искусственное, имитирующее настоящее – ср. artificials

Конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в фоновом языке соответствующей конкретизации по определённом признаку:

- по месту:

большой, сидящий на заборе (на скачках) – ср. амер. разг. railbird

береговая зона, лежащая выше уровня наибольшего прилива – ср. splash zone

- по форме:

город, растянувшийся длинной полосой (вдоль реки и т.п.) – ср. strip city

спинка стула в форме скрипки – ср. fiddle-back

широкая автомобильная дорога, разделённая посередине или окаймлённая по бокам зелёными насаждениями – ср. амер. parkway

- по времени:

второй период траура, когда вместо чёрного платья носят серое, лиловое или чёрное с белым – ср. half-mourning,

дата, поставленная более поздним числом – ср. postdate

промежуток времени между двумя непосредственно связанными явлениями или событиями (напр. вспышкой молнии и раскатом грома) – ср. time-lag

- по возрасту:

особо откормленный телёнок от двенадцати до двадцати месяцев – ср. baby-beef

ребёнок, недавно отнятый от груди – ср. weanling

человек в возрасте между 70 и 79 годами – ср. septuagenarian

- по цели:

семья, принимающая детей на воспитание за плату – ср. baby-farm

третья политическая партия, создаваемая специально для снижения шансов одной из двух главных партий на выборах – ср. амер. spoiler party

охотник, истребляющий вредных животных с целью получить вознаграждение – ср. bounty hunter

- по манере поведения:

парочка, предающаяся любовным утехам в автомобиле – ср. амер. petting-party

тот, кто портит удовольствие другим – ср. spoilsport

- по выполнению служебных обязанностей:

рабочий, очищающий табачные листья от прожилков и черешков – ср. stemmer

сотрудник торгового предприятия, следящий за ценами и ассортиментом других фирм – ср. амер. shopper

- по оценке:

спортсмен, работающий на публику (особ. боксёр) – ср. амер. fancy dan

колледж или университет с очень низким уровнем образования (особ. женский) – ср. през. finishing school

дом, куда всегда можно забежать без приглашения – ср. drop-in

Отметим, что в данной работе мы не ставили своей задачей перечислить все признаки, которые могут являться причиной отсутствия конкретизации или обобщения, нашей задачей было показать наиболее яркие из них.

Обращает на себя внимание тот факт, что направление конкретизации и направление обобщения во многих случаях

совпадают - так, причинами лакунарности могут быть отсутствие как обобщения, так и конкретизации по форме, месту, времени, оценке, действию.

Следует отметить также, что во многих случаях можно наблюдать отсутствие в фоновом языке конкретизации не по одному, а одновременно по нескольким признакам. Это свидетельствует о существовании нескольких уровней лакунарности: лакуны первого уровня показывают отсутствие конкретизации по одному признаку, лакуны второго уровня – по двум признакам, а лакуны третьего уровня – по трем признакам. Так, например лакуна *приток, впадающий в реку против течения* – ср. *barbed tributary* является лакуной первого уровня, так как отсутствует конкретизация по одному признаку – по признаку действия. Лакуна *белый бедняк, живущий в лесах на песчаных холмах штатов Джорджия и Южная Каролина* – ср. амер. *sand-hiller* свидетельствует об отсутствии конкретизации по признаку расы и по признаку места проживания и является лакуной второго уровня. Лакуна *вечеринка, обычно в рождественский сочельник, в помещении офиса фирмы или государственного учреждения, в которой принимают участие руководители и подчиненные* – ср. амер. *office party* является лакуной третьего уровня, так как отсутствует конкретизация по трём признакам: по признаку времени, по признаку места и по признаку состава.

Следует признать, что в целом ряде случаев бывает достаточно трудно определить тип лакуны, особенно классифицировать ее как номинирующую или конкретизирующую. Представляется, что отличие этих лакун состоит в следующем. У конкретизирующей лакуны номинация членится на номинацию, передающуюся в фоновом языке словом или устойчивым словосочетанием, и конкретизацию этой номинации по одному или нескольким признакам (см. приведенные выше примеры различных уровней конкретизации). В случае конкретизирующей лакуны данный предмет или явление без конкретного уточнения имеют номинацию в фоновом языке, и, таким образом, вся лакунарность сосредоточена именно в конкретизации, которая в фоновом языке (в нашем случае – русском) может быть выражена либо придаточным предложением, либо причастным оборотом. Например:

цепочка людей, передающая ведра с водой на пожаре – ср. *bucket brigade*

шумная ссора, в которой принимает участие несколько человек, часто заканчивающаяся дракой – ср. амер. *fracas*

Отметим, что в большинстве случаев рассматриваемый тип лакун переводится в словарях именно таким образом. Однако возможны и другие способы представления подобных лакун – без придаточных предложений и причастных оборотов. В качестве примера приведем следующие:

зоопарк с бесклеточным содержанием зверей – ср. амер. animal park

ниша в стене церкви для хранения книг, утвари - ср. ambay

Отметим, что в подобных случаях словарная дефиниция может быть достаточно легко трансформирована в придаточное предложение или причастный оборот: *зоопарк, в котором животные содержатся без клеток; ниша, находящаяся в стене церкви и предназначенная для хранения книг и утвари.*

В номинирующих лакунах, в отличие от конкретизирующих, номинация нерасчленима на отдельные элементы и воспринимается как единое целое:

преклонение, благоговение перед символами, символикой – ср. symbololatry

неожиданное сильное движение назад – ср. backlash

конструирование и использование машин с дистанционным управлением – ср. telechirics

уничтожение человеком какого-либо района или части земной поверхности – ср. terricide

Представляется, что приведённая нами типология может претендовать на всеобъемлющий охват межъязыковых субстантивных лакун. Исследование, проведённое на материале Нового англо-русского словаря под редакцией В.К. Мюллера, Нового большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна, лингвострановедческих словарей Великобритании и США под редакцией Адриана Р.У. Рума и Г.Д. Томахина методом сплошной выборки, показало, что все лакуны могут быть причислены к одной из трёх выделенных групп. Данная типология, построенная на исследовании причины лакунарности, носит лингвистический характер, поскольку в её основе лежит отсутствие соответствующих номинаций, обобщений и конкретизаций в фоновом языке, то есть лингвистические причины. Известная же классификация на мотивированные и немотивированные лакуны, также охватывающая межъязыковые лакуны, основывается на экстралингвистических причинах, поскольку деление на мотивированные и немотивированные происходит на основе отсутствия соответствующего предмета или явления в национальной культуре носителей фонового языка.

Классификация лакун на мотивированные и немотивированные достаточно хорошо известна и общепризнана, однако, её недостаток, на наш взгляд, заключается в том, что она основывается на экстралингвистических факторах. Лакуны же являются явлением языковым, вследствие чего их классификация должна базироваться на лингвистических факторах.

Литература

1. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.
2. Махонина А.А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун. Язык и национальное сознание. Воронеж, 2003.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Шишкина Н.М.

Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках

Исследование, проведенное методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Longman Dictionary of Contemporary English показало, что лексико-семантические группы глаголов речевой деятельности как в русском, так и в английском языках представляют собой обширные по объёму и разнообразные по семантике группы.

В русском языке ЛСГ глаголов речевой деятельности насчитывает 494 лексические единицы, в английском языке – 391 единицу. Однако следует отметить, что, несмотря на меньший по сравнению с русским языком количественный состав ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке, число многозначных лексем в английском языке больше, чем в русском: соответственно 270 и 242.

Отметим также, что в сфере полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках отмечаются как общие, так и отличительные черты.

В обеих сравниваемых лексико-семантических группах многозначные лексемы способны развивать как денотативные, так и коннотативные семемы. В обоих языках разные семемы одной и той же лексемы могут входить в различные подгруппы рассматриваемых ЛСГ, а также выходить за их пределы и относиться к другим лексико-грамматическим группам.

И русские, и английские многозначные глагольные лексемы имеют в своих семантемах как речевые, так и неречевые семемы. Исклчительно речевые семемы имеют только 27 русских и 11 английских лексем. В обоих языках несомненный интерес представляет также факт существования речевого и неречевого вариантов одной семемы. Разграничение значений в этом случае зависит от субъекта действия – одушевленного (для речевого варианта семемы) и неодушевленного (для неречевого варианта семемы).

Самыми многозначными в обоих языках оказались лексемы, не содержащие семы речи в своих денотативных семемах Д1 и включенные в рассматриваемые группы по своим семемам Д2 или К1. В русском языке таких единиц большинство – только 106 из 242 многозначных лексем входят в данную группу по семеме Д1. В английском же языке таких единиц намного меньше, и основную массу многозначных глаголов составляют лексемы с речевыми денотативными семемами Д1 – 176 из 270.

В обоих языках наблюдается полное отсутствие речевых семем Д1 у многозначных лексем подгрупп глаголов имитационной речевой деятельности, а в русском языке еще и у лексем подгруппы глаголов, выражающих похвалу и благодарность. Глагольные лексемы данных подгрупп включены в анализируемые ЛСГ по коннотативным семемам К1, а глагол *благодарить* – по семеме Д2.

Как в ЛСГ глаголов речевой деятельности русского языка, так и в ЛСГ глаголов речевой деятельности английского языка общее число неречевых семем преобладает над речевыми. Это объясняется тем фактором, что, как уже было отмечено выше, большое количество лексем включено в рассматриваемые ЛСГ не по своим семемам Д1, а по семемам Д2 или К1, семемы Д1 при этом не являются речевыми. Кроме того, основная масса лексем в обоих языках показывает устойчивую тенденцию к развитию неречевых семем. Случаи же наличия нескольких речевых семем в одной семантеме достаточно редки.

Отметим при этом, что в обоих языках в общем числе неречевых семем доминируют денотативные семемы (302 из 361 в русском языке и 414 из 520 в английском). Среди неречевых денотативных семем в русском и английском языках большую часть составляют семемы Д2 (соответственно 166 и 320). Как видно, количество неречевых семем Д2 в английском языке больше, чем в русском почти в 2 раза. Точно такая же картина в количественном соотношении наблюдается и у неречевых коннотативных семем. В английском языке число неречевых коннотативных семем равно 106 семемам, а в русском – 59. При этом число неречевых семем К2 совпадает в обеих сравниваемых ЛСГ и равно четырём.

Заметим, что полное отсутствие неречевых коннотативных семем в русском языке отмечается в 6 из 19 выделенных подгрупп, а в английском только в двух. В русском языке это подгруппы глаголов, обозначающих имитационную речевую деятельность; похвалу и благодарность; совет и пожелание; приветствие и прощание; утешение и ободрение; ссору и пререкание. В английском же языке это подгруппы глаголов, выражающих упрек и оскорбление; порицание и критику.

Среди общего числа речевых семем, развиваемых многозначными лексемами исследуемых ЛСГ, также как и в случае с неречевыми семемами, подавляющее большинство составляют денотативные семемы (187 из 318 в русском языке и 309 из 395 в английском). Количество же коннотативных речевых семем в обоих сравниваемых языках значительно меньше – в русском соответственно 131 и в английском – 86. Как в русском, так и в английском языках практически все коннотативные речевые семемы – это семемы К1, случаи речевых семем К2 единичны.

В английском языке в четырех подгруппах наблюдается полное отсутствие речевых коннотативных семем. Это подгруппы глаголов, выражающих упрек и оскорбление; ссору и пререкание; утешение и ободрение, а также подгруппа глаголов со значением «вести переговоры». В русском же языке отсутствие речевых коннотативных семем отмечено только в одной подгруппе. Это подгруппа глаголов, выражающих утешение и ободрение.

Следует отметить, что данная подгруппа глаголов в русском языке характеризуется полным отсутствием коннотативных семем – как речевых, так и неречевых.

В целом, в обоих языках абсолютное большинство в семантемах рассматриваемых единиц представляют денотативные семемы (489 денотативных семем в сравнении со 190 коннотативными в русском

языке и 723 денотативные семемы в сравнении со 192 коннотативными семемами – в английском языке).

Исследование показало также, что общее количество всех семем, развиваемых рассматриваемыми многозначными лексемами, существенно отличается – 679 семем в русском языке и 915 семем в английском. Данная ситуация объясняется тем, что, как уже было отмечено выше, количество многозначных лексем в английском языке больше, чем в русском.

Преобладание английских многозначных глагольных лексем объясняет и тот факт, что средний индекс полисемантичности выделенных подгрупп (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы) в английском языке почти в полтора раза больше, чем в русском: 2,65 и 1,88 соответственно. А вот средний индекс принадлежности выделенных подгрупп к исследуемой ЛСГ (отношение общего количества речевых семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству семем этой подгруппы) в английском языке по сравнению с русским меньше: 49,8 % и 61,22 % соответственно. Данный факт можно объяснить преобладанием неречевых семем в семантемах глагольных лексем, входящих в состав рассматриваемой ЛСГ в английском языке, а также тем, что число английских однозначных глагольных лексем с речевой семой заметно меньше (121 единица в английском языке по сравнению с 252 в русском).

В русском языке наибольший индекс принадлежности отмечен у двух подгрупп глаголов. Это подгруппы глаголов, выражающих хвастовство и лесть (91,67 %), а также ссору и пререкание (92,86 %). Наименьшие индексы принадлежности наблюдаются также у двух подгрупп, многозначные лексемы которых включены в рассматриваемую ЛСГ только по речевым семемам Д2 или К1. Это подгруппы глаголов имитационной речевой деятельности (47,92 %) и глаголов, обозначающих речевые реплики (37,78 %).

В среднем значения индексов принадлежности выделенных подгрупп к ЛСГ глаголов речевой деятельности в русском языке варьируются от 56% до 85%, а в английском – от 40 % до 60%.

Самый большой индекс принадлежности отмечается у подгруппы английских глаголов, обозначающих обмен мнениями, и составляет 85,71%. Еще у двух подгрупп индексы принадлежности составляют более 70%. Так, у подгруппы глаголов, выражающих похвалу и благодарность, индекс принадлежности – 73,68 %, а у подгруппы глаголов, выражающих упрек и оскорбление, – 70,83 %. Самые

маленькие индексы принадлежности имеют три подгруппы. Так же, как и в русском языке, это подгруппы глаголов имитационной речевой деятельности (37,84 %) и глаголов, обозначающих речевые реплики (34,29%), а также подгруппа глаголов, выражающих согласие/несогласие (36,71 %).

Отметим, что высокие индексы принадлежности подгрупп к рассматриваемым ЛСГ глаголов речевой деятельности в обоих языках отмечаются у подгрупп глаголов с небольшим индексом полисемантичности. Данный факт объясняется, прежде всего, преобладанием в этих подгруппах однозначных лексем. В английском языке исключение составляет подгруппа глаголов со значением «обмен мнениями», где семантемы многозначных лексем включают две и более речевые семемы. Как отмечалось выше, данная подгруппа имеет самый высокий индекс принадлежности, а также и большой индекс полисемантичности (3,5).

Сравнивая индексы полисемантичности выделенных подгрупп исследуемых ЛСГ, отметим, что в русском языке самый большой индекс полисемантичности (2,81) наблюдается у подгруппы глаголов имитационной речевой деятельности. В английском же языке самый высокий индекс полисемантичности отмечен у подгруппы глаголов, выражающих совет и пожелание. Он равен 3,82, что на 1,1 больше, чем наибольший индекс полисемантичности в русском языке.

Самый маленький индекс полисемантичности (1,18) в русском языке имеет подгруппа глаголов, выражающих похвалу и благодарность. В английском языке наименьший индекс полисемантичности (1,5) имеет подгруппа глаголов, выражающих упрек и оскорбление.

В целом следует отметить, что в английском языке индексы полисемантичности выделенных подгрупп на порядок больше, чем в русском.

Заметим также, что в английском языке используемые для обозначения речи многозначные лексемы демонстрируют не только «обычную», лексическую полисемию слова, но и лексико-грамматическую полисемию, существующую как в виде собственно лексико-грамматической полисемии, так и в виде лексико-грамматической вариантности. Под лексико-грамматической полисемией понимается многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающая наличие как лексической, так и лексико-грамматической производности. Под лексико-грамматической вариантностью понимается многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов,

предполагающая лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения.

Лексико-грамматическая вариантность у рассматриваемых английских глагольных лексем возможна на уровне таких лексико-грамматических классов, как существительное, прилагательное, наречие и междометие. Кроме того, возможна лексико-грамматическая вариантность не только на уровне двух, но и трех, и четырех перечисленных лексико-грамматических классов. В одной семанте возможно также сосуществование нескольких семем с лексико-грамматической вариантностью.

Следует отметить, что лексико-грамматическая вариантность на уровне таких двух лексико-грамматических классов, как глагол и существительное – чрезвычайно распространенное явление в рассматриваемой ЛСГ, и характерно оно и для речевых, и для неречевых семем. Случаи же лексико-грамматической вариантности на уровне глагола и прилагательного и на уровне трех или четырех классов являются единичными.

Особый интерес также представляет и тот факт, что лексико-грамматическую вариантность могут проявлять и однозначные лексемы английского языка. Так, из 121 однозначной лексемы ЛСГ глаголов речевой деятельности 50 демонстрируют лексико-грамматическую вариантность, т.е. проявляют лексико-грамматическую полисемию при отсутствии полисемии лексической.

Лексико-грамматическая полисемия многозначных лексических единиц ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке может проявляться на уровне трех лексико-грамматических классов слов: существительного, прилагательного и междометия. Чаще всего английский глагол вступает в отношения лексико-грамматической полисемии с существительным, поэтому число субстантивных сем в семантемах рассматриваемых весьма значительно – 124. Семы прилагательного и междометия встречаются достаточно редко.

В русском языке многозначные глагольные лексемы речи проявляют в основном лексическую полисемию, случаи лексико-грамматической полисемии единичны. При этом заметим, что только определенные формы русского глагола способны вступать в отношения лексико-грамматической полисемии, в частности, с модальным словом.

В целом можно отметить, что многозначные глагольные лексемы речевой деятельности в русском и английском языках характеризуются большой степенью развитости полисемии. Явление полисемии в сравниваемых языках имеет как много общего, так и различного.

Выявленные сходные черты полисемии в сравниваемых ЛСГ, носят, по сравнению с различиями, более общий системный характер.

Самым существенным из отличительных признаков является факт большой распространенности лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности в ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке. Причина этого явления кроется в аналитическом характере строя английского языка.

Волова А. Л.

Глаголы физического воздействия на предмет в русском и немецком языках

Глагол с самого начала семантико-синтаксических исследований попал в центр внимания языковедов. Имеется огромное количество работ по отдельным и зачастую пересекающимся друг с другом разрядам (группам) глаголов. К настоящему времени достигнуты определенные результаты в семантической классификации глаголов на ЛСГ (см. Васильев; Золотова, с.156-157; Цой), в анализе сочетаемости и управления глаголов (см. Апресян, Палл). При этом группы глаголов, выделенные на основе одного критерия, зачастую одновременно входят в состав других групп или, наоборот, включают в себя подгруппы, разграничение которых основывается на учете совсем других критериев. Часто проявляется также превалирование лексикологического начала над грамматическим. При этом с одной стороны, классы некоторых глаголов излишне расширяются, а, с другой стороны, порог дробности выделения групп иногда опускается вплоть до отдельных лексем (Копров, с. 77-78). Как справедливо заметил В. С. Юрченко, здесь наблюдается своеобразный порочный круг: в семантике из окружения глагола выводится его значение, а в синтаксисе из значения глагола выводится его окружение (Юрченко, с.11).

Объектом нашего исследования является ЛСГ глаголов физического воздействия на предмет. Попробуем определить рамки данных ЛСГ в русском и немецком языках. При этом следует заметить, что русским глагольным лексемам не всегда соответствуют прямые глагольные эквиваленты в немецком языке.

В русском языке, по данным четырехтомного словаря под редакцией А. П. Евгеньевой, данную ЛСГ составляют следующие бесприставочные глаголы: *амортизировать, аппретировать, арканить, армировать, ассимилировать, бабахнуть, бальзамировать,*

барабани́ть, бели́ть, бинтова́ть, бето́нировать, бомби́ть, боро́нить, бря́кнуть, вонза́ть, гальвани́зировать, гипсова́ть, гне́сти, гни́ть, гну́ть, го́фрировать, гра́вировать, гра́дуировать, гра́нить, гу́ммировать, да́вить, де́монтировать, де́тонировать, до́лбить, жа́лить, жа́рить, жева́ть, же́чь, иллю́минировать, ка́лить, кальцини́ровать, каса́ться, клеи́ть, клепа́ть, ко́гтить, ковы́рять, ко́лотить, крои́ть, кро́пить, кру́шить, ку́сать, ла́кировать, леги́ровать, лепи́ть, лома́ть, марки́ровать, мо́лоть, моты́жить, мя́гчить, мы́ть, огра́нить, о́стриь (ко́пье), пара́финировать, ру́шить, ре́зать, ры́ть, рва́ть, ржа́вить, ры́хлить, руби́ть, сомкну́ть, ско́блить, стри́чь, стро́гать, та́врить, тара́бани́ть, та́чать, та́щить, те́реть, тисни́ть, то́лочь, тря́сти, ты́кать, уби́ть, уда́рить, уни́чтожить, утю́жить, фла́нцевать, фло́тировать, формиро́вать, фрезерова́ть, фу́говать, хвата́ть, хлеста́ть, хлори́ровать, хроми́ровать, цара́пать, цементи́ровать, цинкова́ть, че́сать, че́ркать, че́кани́ть, чи́стить, ша́гренировать, ша́рахнуть, ше́велить, шелу́шить, шерсти́ть, шинкова́ть, ша́ркать, шли́фовать, шпакле́вать, шта́мповать, штри́ховать, штука́турить, ще́пать, щипа́ть, экспанси́ровать, эмульгиро́вать.

В немецко-русском словаре под редакцией М. Клаппенбах и Х. Агрикола содержатся следующие глагольные лексемы физического воздействия на предмет: *ackern, amontieren, beissen betonieren, beugen, bleichen, bohren, bugeln, bomben, brechen, donnern, drehen, drucken, demontieren, chlorieren, nacken, nieten, nupfen, loten, lackieren, legieren, oxen, ordnulieren, meisseln, modellieren, markieren, miniralisieren, mahlen, hauen, hobeln, hacken, hohlen, reissen, ritzen, roden, reiben, pressen, plupsen, plombieren, pietschen, wuhlen, waschen, wischen, wiessen, walken, walzen, zementieren, zwitschern, eggen, splintern, spitzen, shachteln, spilcken, stechen, stochern, streifen, steppen, stemmen, streichen, schaufeln, scharren, schmieden, schlagen, schnitzen, schaben, schrammen, scheren, scheiden, schurfen, schmelzen, schleifen, schinken, scheuern, schleppen, schieben, schiekanieren, schappen, kussen, knacken, knuppen, knabern, klauben, kratzen, klieren, kliempfern, knallen, kalzinieren, kleben, klopfen, kristallisieren, kneten, kneifen, knippen, klappen, kitzen, chrommen, putzen, faien, furchen, freiliegen, niechten, fesseln, formen, feststampfen, frotieren, turchen, trommeln, tunchen, trumptten, trudeln. Tuschen, graben, glatten, gravieren, gipsen, galvanisieren.*

Мы применили к нашему материалу полевую модель. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности

языкового сознания, раскрываются его национально – специфические черты. Следует заметить также, что выделение в какой-либо категории ядра и периферии весьма эффективно в плане преподавания языка как иностранного.

Отметим, что основное значение лексико-семантического поля глаголов физического воздействия на предмет заключено в семе «касания», так как любое воздействие на предмет прежде всего начинается с прикосновения к нему. Поэтому **ядро** рассматриваемого лексико-семантического поля составляют: в русском языке – глагол *касаться*, в немецком языке глагол: *ruhren, streichen*.

Зону **ближней периферии** данного лексико-семантического поля составляют глаголы физического воздействия на предмет без нарушения его поверхности: *тереть, гладить, лапать, мазать, щупать, рисовать, убирать, целовать, трогать* и т. д.; *bugeln, klatschen, klopfen, malen, tasten, waschen, wischen, zeichnen* и т. д.

Дальнюю периферию нашего поля составят глаголы физического воздействия на предмет с глубинным и поверхностным нарушением поверхности предмета. В обоих языках эта группа будет преобладать над другими: *боронить, бурить, бить, завить, дробить, жечь, жалить, долбить, ковать, ломать, паять, пахать, пилить, прессовать, скоблить, колоть*; *bohren, bjhren, eggen, schlagen, graben, hauen, hoben, knabbern, klauben, loten, nagen, pressen, schaufeln, schlagen, spitzen* и т. д.

К зоне **крайней периферии** мы относим фразеосочетания, в состав которых входят глагольные лексемы физического воздействия на предмет. По ядерной семе глагольные лексемы крайней периферии входят в другие поля, а в данное лексико-семантическое поле они включаются по периферийной семе.

Рассматриваемое лексико-семантическое поле мы можем представить в виде концентрических кругов - основного и трех дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения тех же понятий, что и в основном, но с тем или иным дополнительным оттенком.

Лексико-семантическое поле глаголов физического воздействия на предмет в русском и немецком языках мы относим к моноцентрическому структурному типу, так как в обоих языках оно имеет четко выраженную интегральную сему «касания». Структура поля в обоих языках тоже сходна, поскольку включает одни и те же тематические подгруппы (воздействие на предмет с различной степенью, а к ядру поля в обоих языках относятся одноименные подгруппы с общей семой касания). Основные различия проявились,

главным образом, в количественном составе входящих в данное поле лексем.

Литература

1. Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол - венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт, 1982.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола, М., 1981.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
4. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии. Воронеж. 1999.
5. Цой А. А. Семантическая структура нераспространенных двусоставных предложений в современном русском языке. Ташкент, 1980.
6. Юрченко В.С. Проблемы общей и русской грамматики. Саратов, 1995.

Воронина Е.В.

Особенности наименований нарушений законов о собственности в русском и английском языках

В последнее время возрос интерес к изучению семантики в контексте неразрывной связи языка и культуры, поскольку уже не вызывает сомнения тот факт, что история, традиции, быт страны, ее моральные, социальные и правовые нормы получают свое отражение в языке.

Изучение национальных особенностей языкового сознания ведется путем сопоставительного анализа, в ходе которого выявляются сходства и различия культур и языков. Необходимость такого изучения обусловлена потребностью в совершенствовании двуязычных словарей, а также в развитии методик преподавания иностранного языка.

Большой интерес представляет изучение национальной специфики наименований предметно-смысловой сферы «закон». Язык закона, более чем любой другой профессиональный язык, выражает и объясняет культурные и моральные ценности народа, исторически сложившиеся и устоявшиеся нормы социального поведения. Следует также отметить, что к данной предметно-смысловой сфере принадлежат не только специальные юридические термины (те,

которые употребляются только в юриспруденции), но и широко распространенные слова, используемые как в законодательстве, так и в художественной и научной литературе, бытовой речи, деловых документах; они просты и понятны простому человеку, а не только специалисту.

Нередко, однако, правовое и бытовое значения слова отличаются, при этом степень отличия бывает различной в разных языках, что представляет большой интерес для лингвиста.

Предметом рассмотрения в данной статье являются группы наименований нарушений закона (а именно, законов о собственности) в русском и английском языках. Исследование проводилось на материале Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Англо-русского словаря под ред. И.Р. Гальперина, Русско-английского словаря под ред. Р.С. Даглиша, а также Cambridge International Dictionary of English.

Целью исследования было выявить национальные особенности наименований нарушений закона в русском и английском языках, а также попытаться проследить, насколько дефиниции неюридических (неспециальных) словарей отражают правовую составляющую указанных наименований.

Нарушение закона, состоящее в присвоении чужой собственности, в русском языке имеет два синонимичных наименования: **кража** и **воровство**. Словарные дефиниции указанных лексем отсылают нас к соответствующим глаголам: **красть** – *присваивать чужое, воровать*; **воровать** – *преступно присваивать чужое*, из чего, видимо, следует, что воровство – всегда преступное деяние, а кража может таковым и не являться. В английском языке этим наименованиям соответствуют **theft, stealing, thievery**, а также **pilferage** (мелкая кража). Словарные дефиниции этих лексем указывают, что присвоение собственности происходит нечестным путем (*dishonestly*) и без разрешения владельца, а также отсылают нас к языковой картинке (Language Picture) Crime and Criminals (Преступления и преступники), ясно показывая, что указанные лексемы являются наименованиями преступлений. Интересно, что словарь под ред. И.Р. Гальперина отмечает у данных лексем второе значение – *украденная вещь, имущество*, тогда как в Кэмбриджском словаре такое значение не указано. Отметим также, что такое актуальное явление, как кража товаров в магазине, до сих пор не получило отдельного наименования в русском языке (ср. англ. **shop-lifting**).

Присвоение чужой собственности с предварительным незаконным проникновением в здание/помещение в английском языке

представлено четырьмя наименованиями: **housebreaking** – *незаконное (illegal) проникновение в жилище с целью воровства*; **break-in** – *незаконное проникновение в здание, обычно с повреждением окон или дверей*; **breaking and entering** – *незаконное силовое проникновение в жилище, а также burglary* – *незаконное проникновение с целью воровства, обычно совершаемое ночью*. Несмотря на распространенность этого явления в России, в русском языке нет отдельной лексемы для наименования данного преступления, существует только словосочетание кража со взломом, которое, хотя и является, на наш взгляд, довольно устойчивым, приводится в словаре Ожегова в словарной статье глагола **взломать** и в качестве отдельной словарной статьи не выделяется.

Незаконное присвоение транспортного средства в русском языке называется угон. Словарная дефиниция этой лексемы – *похищение скота или транспортного средства* (похищение – *тайное присвоение*) оставляет открытым вопрос, является ли угон нарушением закона. В английском языке угон, в зависимости от его цели может быть назван: **theft** – *кража*; **joy-ride** – *угон автомобиля для развлечения*; **hi-jack** – *силовой захват транспортного средства, уже находящегося в пути*, и опять же ссылка на языковую картинку Crime and Criminals уточняет, что речь идет о нарушениях закона.

Присвоение чужой собственности с использованием силы (иногда оружия) представлено в русском языке двумя наименованиями: **грабёж** и **ограбление** (противоправность действий в словарной дефиниции – *открытое (силовое) похищение чужого имущества* – опять не акцентируется); в английском языке – одним: **robbery** – *присвоение имущества или денежных средств незаконно (illegally), используя силу*.

Интересен тот факт, что у всех трех лексем обоих языков отмечается одинаковое переносное значение – *взятие непомерно высоких цен, налогов* –

& 90 for a meal? That's daylight robbery.

Сколько? Да это же грабёж (ограбление) среди бела дня.

Нападение (часто вооружённое) с целью грабежа имеет в русском языке два наименования: **разбой** и **налёт**, в английском языке им соответствуют лексемы **hold-up** и **raid**. Интересно отметить, что в словарной дефиниции **raid** встречаем **police raid** (*полицейская облава*), тогда как словарь Ожегова не указывает значения *милицейская облава* у лексемы **налёт**, хотя словосочетание **милицейский налёт** существует в разговорном русском языке.

Отметим также наличие в английском языке лексемы **mugging** (от **mug** – *напасть сзади, схватив за горло, с целью ограбления*). Такая детализация правонарушений явно чужда российской правовой системе, и поэтому русским соответствием **mugging** будет просто **нападение с целью ограбления**.

Грабёж в местах военных действий и катастроф в русском языке имеет наименование **мародёрство**, в английском языке несколько наименований представляют разные виды мародёрства: **marauding** – *передвижение с места на место, убивая, грабя и разрушая*; **plunder** и **pillage** – *грабёж, особенно в местах военных действий*; **looting** – *разграбление магазинов во время катастроф или актов жестокости*.

Нарушение закона, состоящее в попытке (независимо от того, удалась она или нет) присвоения чужой собственности или денежных средств с помощью угроз, в русском языке имеет наименования **вымогательство** и **шантаж**, которым в английском языке достаточно точно соответствуют **extortion** и **blackmail** (правовое значение русских лексем опять не фиксируется в словаре, тогда как языковая картинка Crime and Criminals четко относит соответствующие английские лексемы к наименованиям преступлений). Следует отметить также, что такое участившееся в последнее время в нашей стране преступление, как похищение людей с целью получения выкупа, не имеет в русском языке отдельного наименования (ср. англ. **kidnap**).

К попытке присвоения чужой собственности можно, очевидно, отнести и **браконьерство**. Из словарной дефиниции – *охота или ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время или запрещённым способом, а также занятие недозволенной порубкой леса* – не ясно, запрещено ли это и не дозволено законом или кем-то ещё. У английской лексемы **poaching** (*браконьерство*), помимо сходного первого значения, имеются и переносные: *использование чьих-либо идей в своих корыстных интересах и вмешательство в чужие дела*.

Этот интересный факт, на наш взгляд, ещё раз подтверждает то, что в сознании русского человека присвоение чужих идей, а тем более вмешательство в чужую жизнь, нарушениями закона не являются. Однако, выдача чужого произведения за свое (присвоение авторства) имеет в русском языке отдельное наименование **плагиат** (англ. **plagiarism**) и противозаконность действия подчеркивается в его словарной дефиниции – *незаконное опубликование чужого произведения под своим именем*.

Нарушение закона, состоящее в присвоении чужого имущества или денежных средств должностными лицами или организациями представлено в русском языке тремя наименованиями, причем

правовое значение этих лексем четко отражено в их словарных дефинициях: **взяточничество** – *должностное преступление – получение взятки*; **хищение** – *воровство, преступное присвоение имущества*; **растрата** – *израсходование денег, имущества незаконно, с корыстной целью*. В английском языке им соответствуют наименования **bribery** и **embezzlement** (их правовое значение также четко выделено).

Интересно отметить и английское наименование **fraud** – *преступление (crime), состоящее в получении денег с помощью обмана людей*, которое переводится в словаре под ред. И.Р. Гальперина, как **мошенничество**. Русская же дефиниция лексемы **мошенничество** в словаре Ожегова – *обман, жульнические действия с корыстной целью* – не уточняет, являются ли «жульнические действия с корыстной целью» преступлением. Заметим при этом, что в Уголовном Кодексе РФ существует статья «за мошенничество».

Следует обратить внимание также на такое, ставшее «популярным» в нашей стране правонарушение, как уклонение от уплаты налогов (англ. **tax evasion**), которое не имеет отдельного наименования в русском языке и, следовательно, не представлено в толковом словаре.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что английские наименования нарушений закона гораздо более точны и детализированы. Это и неудивительно, учитывая тот факт, что в отличие от Великобритании с её давно и прочно устоявшейся традицией правовых отношений, статус «закона», а, соответственно, и его нарушений, в России всегда был неоднозначен.

Следует также отметить, что правовое значение обсуждаемых наименований отражено в словаре английского языка более последовательно, чем в толковом словаре русского языка.

Чернова Н.И.

Особенности наименования помещений в русском и английском языках.

Изучение национальных особенностей наименований в разных языках представляет большой интерес для лингвистики – как традиционной, так и когнитивной. Предметом изучения в данной статье являются национальные особенности наименований таких важных для человека в бытовом отношении объектов, как помещения. Отметим, что в наименованиях помещений весьма ярко проявляются

национальные особенности языкового членения действительности, вследствие чего эта группа и была выбрана для изучения.

Исследование, проведенное на материале Толкового словаря русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, Академического словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А.П.Евгеньевой, Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А.Кузнецова, Большого англо-русского словаря под редакцией И.Р.Гальперина, Dictionary of English Language and Culture (Longman), Webster's New World Dictionary, The Newbury House Dictionary of American English, The Oxford-Duden Pictorial English Dictionary, показало, что, группы рассматриваемых наименований в русском и английском языках в основном совпадают.

Как в русском, так и в английском языках выделяются следующие группы наименований помещений:

1. Общие наименования помещений (*помещение, площадь, room*)
2. Виды помещений (*блок, подсобка, сени; lobby, booth, room*)
3. Комплексы помещений (*анфилада, апартаменты; enfilade, apartments*)
4. Наименования помещений для определенных целей и категорий лиц (специально оборудованные и производственные помещения – *телеграф, студия, studio, pottery*; помещения для органов власти и администрации – *управление, штаб, board-room, count*; помещения для лиц определенных профессий – *учительская, лакейская, butlery, lodge*; караульно-дежурные помещения – *караульная, вахта, presidio, guard room*; помещения для арестованных – *изолятор, карцер, pen, cell*; помещения для покойников – *покойническая, склеп, crypt, catacomb*; помещения для удовлетворения физиологических потребностей – *туалет, душевая, toilet, sweating-room*; виды помещений в лечебных учреждениях – *палата, операционная, ward, operating-room*; помещения, связанные с учебной деятельностью и проведением собраний – *аудитория, лекторий, auditorium, class-room*; помещения на кораблях – *каюта, трюм, cabin, state-room*; помещения для торговли и общественного питания – *магазин, буфет, shop, bar*; помещения для хранения (имущества, одежды, продуктов питания и сельскохозяйственных продуктов) – *запасник, раздевалка, погреб, плодохранилище, stock-room, closet, green-room, buttery*; помещения для спортивных и развлекательных мероприятий –

цирк, тир, casino, museum; церковные помещения – *трапезная, молельня, vestry, refectory*.

5. Помещения для жилья, среди которых, в свою очередь, выделяются подгруппы общих наименований жилых помещений – *квартира, жилище, apartment, accomodation*; помещений для жилья служителей культа – *скит, келья, reclusory, cell*; видов жилья по принципу совместного проживания – *общежитие, коммуналка, chummery, quarters*; по качеству – *люкс, клетушка, suite, apartments*; месту расположения – *мансарда, терем, basement, low-rise flat*; назначению – *детская, гостиная, bedroom, nursery*.

Единственным несопадением в перечне групп наименований является наличие в русском языке отсутствующей в английском языке группы наименований частей помещений (*русск. - альков, бокс, угол*).

Помимо этого следует отметить некоторые расхождения в перечне подгрупп группы наименований помещений для жилья. Так, в русском языке имеется отсутствующая в английском языке подгруппа наименования жилых помещений отдельных народов и представителей отдельных профессий (*русск.- сакля, чабарня*).

Существуют различия и в перечне подгрупп группы «Наименования помещений для определенных целей и категорий лиц». Так, в частности, в английском языке отсутствуют подгруппы наименования помещений для строительства и ремонта транспортных средств (*русск. – ангар, гараж*), а также наименования сельскохозяйственных помещений (*русск. - скворечник, курятник*). Подгруппа наименований помещений-убежищ (*русск. - бомбоубежище, газоубежище*) в английском языке представлена только единичным наименованием *hiding-place*, вследствие чего говорить о наличии такой подгруппы в английском языке не представляется возможным.

В английском языке не отмечены также наименования помещений для хранения культурных ценностей. Согласно словарным дефинициям, подобные наименования отмечены в английском языке в ЛСГ наименований зданий, а не помещений. В русском же языке такие наименования, как *пинаотека, книгохранилище, кунсткамера, библиотека* рассматриваются языковым сознанием, прежде всего, как наименования помещений, а не зданий. Отметим, что и выше перечисленные случаи отсутствия той или иной подгруппы наименований помещений в английском языке могут быть объяснены теми же причинами.

Обращает на себя внимание различие в количественном составе выделенных групп. Так, если в русском языке общее число лексем, входящих в группу “Виды помещений” составляет 18 единиц, в английском языке это число почти в два раза больше – 35 лексем. Одной и той же лексеме в русском языке соответствует несколько лексем в английском языке. Так, входящее в выше названную группу в русском языке слово *вестибюль* имеет 7 соответствий в английском языке (*half-deck* - вестибюль командного помещения, *foyer* - вестибюль театра, *rotunda*- вестибюль, холл в гостинице, *lobby* - вестибюль общественного здания, *vestibule* - вестибюль, *hall* - приемная, вестибюль, *parlour* - вестибюль, приемная в гостинице). Входящей в данную группу русской лексеме *купе* соответствуют английское слово *compartment*, а также еще два наименования купе в зависимости от количества мест в нем (*roomette* – одноместное купе и *chamber-coach* – двухместное купе). Такая детализация в русском языке отсутствует.

Количественные расхождения в составе выделенных в русском и английском языках групп наименований помещений наблюдаются также и в других группах и подгруппах.

Особый интерес представляет минигруппа наименований помещений для хранения имущества в русском и английском языках. В русском языке в этой минигруппе преобладают общие наименования помещений для хранения имущества, без конкретизации объекта хранения, типа *кладовая*, *склад*, *хранилище*, *чулан*. Лишь четыре лексемы обозначают помещения, предназначенные для хранения конкретного вида имущества: *элинг* – специальное помещение для спортивных судов и другого инвентаря, *ламповая* - специальное помещение, где хранятся лампы (в шахтах, на железнодорожных станциях), *бензохранилище* – особое помещение для хранения бензина и *лабаз* – помещение для хранения зерна, мука (*устаревш.*). В английском языке в рассматриваемой минигруппе также преобладают общие наименования складских помещений (*depot*, *depository*, *repository*, *wareroom*, *bank*, *stock-room*, *housing*, *cellar*, *loft*, *ambry*, *storeroom*, *basement-rooms*), однако количество лексем, обозначающих помещения для хранения конкретного вида имущества в английском языке, по сравнению с русским, в два с половиной раза больше. Это такие лексемы, как *strong-room* и *vault(vaults)* – помещения для хранения ценностей, *utility room* – помещение для хранения бытовой техники, *setting-room* – помещение для хранения цемента, *crib* - инструментальная кладовая, *gun-room* - комната для хранения охотничьего оружия, *muniment-room* – (несгораемая) комната для хранения документов, *lumber-room* – чулан для хранения ненужной

мебели, *powder-magazine* – пороховой погреб, *attic* – комната, предназначенная для хранения мебели.

Входящая в группу наименований помещений для определенных целей и категорий лиц подгруппа наименований церковных помещений в английском языке превосходит соответствующую ей подгруппу в русском языке почти в три раза (8 лексем и 3 лексемы соответственно). Такое количественное расхождение может быть объяснено тем фактом, что русским лексемам *ризица* и *молежня* в английском языке соответствуют по две лексемы – *sacristy* и *vestry* (в 1 знач.); *oratory* и *vestry* (во 2 знач.), а также тем, что в английском языке в данной подгруппе имеются не выявленные в русском языке два наименования приемных для посетителей в монастыре (*parlour* и *locutory*), а также отапливаемой комнаты в монастыре (*calefactory*).

Среди наименований помещений для определенных целей и категорий лиц особо следует проанализировать также подгруппу наименований помещений для удовлетворения физиологических потребностей. В русском языке таких наименований девять, из них туалетов – пять. В английском языке насчитывается 20 наименований туалетов, которые можно подразделить на отдельно стоящие (*backhouse*, *outhouse*); туалеты в общественных местах (*public convenience*, *rest-room*, *comfort station*, *powder-room*, *men's room*, *latrine*, *women's room*, *gentleman room*) и туалеты в жилых помещениях, которые, как правило, совмещают в себе туалеты и раковину/ванну (*bath-room*, *half-bath*, *washroom*).

В целом следует отметить, что ЛСГ наименований помещений в английском языке более обширна по составу и характеризуется более детальным, по сравнению с русским языком, членением рассматриваемого участка действительности.

Чечина О. А.

Лексико-семантическая группа «отверстия» в русском и английском языках

Работы, посвященные изучению лексической семантики, продолжают оставаться актуальными. В последнее время они связаны с исследованиями в области когнитивной лингвистики. Часто такие исследования проводятся на материале двух языков и носят сопоставительный характер.

Лексико-семантическая группа «отверстия» в русском и английском языках представляет интерес как в общесемантическом, так и в когнитивном аспекте.

ЛСГ «отверстия» в русском языке достаточно многочисленна, относительно замкнута и сравнительно легко выделяется на основе ядерной леммы **отверстие**.

Когнитивными классификаторами для русских лексем названий отверстий являются: сквозное/несквозное, естественное/сделанное человеком, вид поверхности, в которой находится отверстие.

В ЛСГ выделяются три подгруппы: сквозные отверстия, несквозные отверстия (углубления), отверстия на теле живых существ, при этом первые две подгруппы делятся на минигруппы.

Ядерную часть ЛСГ составляют такие лексемы, как **дыра, яма, бездна, пропасть, щель, лазейка, просвет, окно**. Эти лексемы имеют развитые семантемы с большим количеством производных значений, часто встречаются в художественных текстах, входят в состав фразеосочетаний.

Рассмотрим в качестве примера семантему лексемы **щель**, включающую, помимо семемы Д1, три семемы Д2 и две семемы К1.

Семема Д1 - «узкое продольное отверстие на ровной поверхности»: *Когда мы, притихнув, заглядывали в **щели** забора, мы видели голый двор, двухэтажное здание и редких обитателей в серых пиджачках.* (Пискунов)

Семемами Д2 в данной семантеме являются следующие: 1) «узкое пространство между двумя предметами» -

*И когда позже в общей комнате она садилась за свой стол, то поймала в себе мгновенную волну бешенства, что вот опять приходится с трудом втискиваться буквой «зю» в эту **щель** между Леночкиным столом и своим.* (Кононов)

2) «узкая траншея, окоп» -

*... и все – Синцов, и начальник артиллерии, и командир дивизии – полезли в вырытые между сосен желтые песчаные **щели**.* (Симонов)

3) **щелочки** – «прищуренные глаза» -

*Лев Ильич не успел ответить, отворилась дверь, всунулась старушонка в платочке, с желтым лицом, узкие **щелочки** глаз шарили по комнате.* (Светов)

Семемы К1: 1) «убежище, место, где можно спрятаться» -

*Поползем мы, жители, кто куда... Будем искать себе **щелочек** по другим местам!.. Найдем и жить по-другому будем...* (Горький)

2) «очень неудобное тесное помещение; маленькая тюремная камера» -

Ты этой камеры ждал, ты мечтал о ней почти как об освобождении, - а тебя закатывали из щели да в нору, из Лефортова да в какую-нибудь чертову легендарную сухановку. (Солженицын)

Также к ядру относятся лексемы **углубление, впадина, выемка**, которые обладают наиболее общим, абстрактным значением.

Дальнюю периферию ЛСГ составляют лексемы, называющие технические отверстия и элементы рельефа: **паз, леток, летка, разруб, расщеп, карьер, овраг, кратер, ущелье, котловина** и другие. Большинство таких лексем имеют только семему Д1. В качестве примера приведем лексему **кратер**, семантика которой включает только одну семему Д1 «чашеобразное или воронкообразное углубление в вершине вулкана» -

*По мнению здешних ученых, этот перевал не что иное, как угасший **кратер**. (Лермонтов)*

Остальные лексемы рассматриваемой ЛСГ равномерно распределены по ближней периферии.

ЛСГ «отверстия» в английском языке также достаточно многочисленна, но менее замкнута и выделяется не так легко, как в русском языке. Это связано с особенностями значения английских лексем названий отверстий. Многие из них не содержат семы «отверстие» в составе семемы Д1, эта семема появляется только в производных значениях (Д2 или К1).

Когнитивными классификаторами для английских лексем названий отверстий являются форма, размер и функция. По этим признакам в ЛСГ выделяется несколько подгрупп.

1. Узкие и длинные отверстия.
2. Отверстия неправильной формы.
3. Отверстия округлой формы с ровными краями.
4. Отверстия большого размера, глубокие.
5. Отверстия неопределенной формы:
 - а) бытовые
 - б) узкофункциональные.
6. Отверстия на теле живых существ.

Ядерная лексема ЛСГ – **hole**; она обладает наиболее широким общим значением, образует производные слова (**manhole, loop-hole**) Очень близко к ядерной лексеме расположена лексема **opening**, которая также выражает абстрактное значение группы. Ядерную часть ЛСГ составляют также лексемы **cleft, chink, abyss, deep, fissure, pit, chasm** и некоторые другие.

Рассмотрим в качестве примера лексему **deep**, в семантему которой входят семема Д1 и четыре семемы К1.

Семемой Д1 в данной семанте является семема «глубокое место под водой или в земле» -

*She saw Italian garden, a half acre of **deep**.* (Fitzgerald)

Семемами К1 являются следующие:

1) «вечность, другое измерение, где останавливается время» -

... we have found the place

Of silence and the endless halls of sleep.

*Of that which breathes alone throughout the **deep***

The end and the beginning...

(An anthology of English and American verse)

2) «середина чего-то» - ***deep** of the night*

3) «большое количество чего-то» -

*He reads **deep** books with long words in them.* (Fitzgerald)

4) «состояние глубокой подавленности, депрессия» -

*Frank met her at the station. She was in **deep** but not obtrusive mourning for the recent death of her husband.* (Maugham)

Дальнюю периферию рассматриваемой ЛСГ составляют такие лексемы **hatch, crater, boring, depression, gulf, puncture, tear** и другие. Эти лексемы имеют сему «отверстие» только в производных значениях. Так, например, лексема **tear** имеет семему Д1 «действие по отрыванию, разрезанию», а в качестве семемы Д2 выступает семема «результат отрывания, разрезания; разорванное место, дыра, прореха».

Остальные лексемы данной ЛСГ составляют ближнюю периферию.

Сопоставительный анализ русской и английской ЛСГ «отверстия» позволил выявить черты сходства и различия между ними.

Общие черты:

1. ЛСГ сходны по составу.
2. Лексемы каждой ЛСГ делятся на подгруппы.
3. В каждой ЛСГ выделяются ядерная и периферийная части.
4. В каждой ЛСГ выделяется подгруппа «отверстия на теле живых существ».

Различия:

1. Английская ЛСГ менее замкнута, выделяется не так четко, как русская. Это связано с особенностями значений английских лексем, называющих отверстия: у многих из них в составе семемы Д1 нет семы «отверстие», она появляется только в составе семемы Д2.
2. Семантика английских лексем названий отверстий всегда очень конкретна, ограничена местом расположения отверстия, его формой, функцией.
3. Для русской и английской ЛСГ характерны разные принципы классификации лексики. В русской ЛСГ классификация идет по

следующим признакам: сквозное/несквозное, естественное/сделанное человеком, тип поверхности. В английской ЛСГ релевантными оказываются форма, размер, функция.

4. В английской ЛСГ менее четко выражена граница между ядром и периферией.

Козельская Н.А.

Сопоставительное изучение метафор с эмпирийными прилагательными

Проблема развития значения является одной из традиционных и постоянно исследуемых в лингвистике. Наши наблюдения сделаны в русле сопоставительного изучения системности переносных значений в русском и французском языках. Предметом исследования явились адъективные метафоры с эмпирийными, т.е. обозначающими чувственное восприятие, прилагательными (термин А. Шрамма).

В ходе анализа семантики компонентов данных сочетаний определились разные типы переносов значения и соответственно разные типы метафор с эмпирийными прилагательными. Прежде всего, обратила на себя внимание классическая синестетическая метафора, отражающая перенос воспринятого одним органом чувств на другие. Эта метафора описана в известной работе С. Ульманна (см. Ульманн) как языковая универсалия. С. Ульманн установил, что в английском и французском языках наиболее распространенным исходным пунктом синестетических переносов является сфера осязания, а конечным – слуховое восприятие. По данным В.Г. Гака, во французском языке исходной чаще бывает сфера цвета и красок, а в русском – сфера звука (см. Гак, 1988). Нас заинтересовало содержание общего и национально-специфического в синестетической (полирецепторной) метафоре русского и французского языков.

Мы рассматривали сочетания прилагательных, обозначающих восприятие органами чувств и существительных, которые обозначают чувственно воспринимаемые объекты (свойства, состояния). В нашем материале были выявлены следующие группы таких объектов:

1. Чувственно воспринимаемые качества, состояния человека, предметов и среды (*звук, тон, цвет, контур, голос, свет, блеск, аромат, воздух* и т.п.);

2. Способность человека к чувственному восприятию и проявление этой способности (*зрение, слух, нюх, обоняние, вкус* и т.п.);

3. Особенности внешнего облика человека, мимика и телодвижения (*взгляд, улыбка, вид, черты лица, глаза, жест, походка* и т.п.).

Как показало исследование (использованы примеры, собранные дипломницей ВГУ Л.А. Спириной), в русском и французском языках для передачи зрительных и слуховых впечатлений используются осязательные и вкусовые ощущения: *холодный, теплый, горький взгляд – un regard froid, chaud, amer; теплый тон – un ton chaud, сухой тон – un ton sec, тусклый звук – un son fade (бесцветный), тонкий слух – l'ouïe fine, une voix claire (светлый голос)*. Обонятельные ощущения также описываются прилагательными осязания и вкуса: *сладкий, кислый запах – une odeur douce, aigre; тонкий нюх – un nez fin, соленый запах – une odeur salée*; осязательные – вкусовыми прилагательными *горький поцелуй – un baiser amer*.

Кроме того, в русском материале есть примеры описания зрительного восприятия через слуховое (*тихий взгляд*), осязательного через слуховое (*тихое рукопожатие*), вкусового через осязательное (*острый привкус*), обонятельного через слуховое (*приглушенный аромат*).

Исходным пунктом в русской и французской метафоре чаще оказываются лексемы, называющие простые, «низшие» виды ощущений – осязательные и вкусовые; не отмечены специальные лексемы, характеризующие запах.

В русской полирецепторной метафоре активны также прилагательные, обозначающие звучание, которые сочетаются с существительными, обозначающими осязание, зрение и обоняние: *звонкий поцелуй, кричащий цвет, приглушенный аромат*; французские лексемы менее востребованы в этом плане. Как отмечает В.Г. Гак, во французском языке «нет даже специальных слов для обозначения силы звука вроде русских «тихий» и «громкий»» (Гак, 1977, с. 191). Отличительной особенностью семантем русских прилагательных является их более разветвленная многозначность, способность порождать целые серии образов воспринятого разными рецепторами. Например: *острый – взгляд, звук, вкус, запах; горький – взгляд, тон, запах, поцелуй; приглушенный – цвет, аромат, вкус*.

Эмпирические прилагательные также образуют метафорические сочетания с существительными, которые обозначают объекты, воспринимаемые эмоционально и рационально. В нашем материале наметились, в частности, такие группы имен:

1. Речемыслительная деятельность и ее результаты (*мысль, слово, шутка, спор и т.д.*);

2. Эмоции, отношения людей (*радость, бешенство, печаль, зависть и т.п.*);
3. Личность, характер, интеллект человека в целом (*человек, характер, нрав, ум*)

В сочетании с подобными существительными возникает не сенсорная, полирецепторная метафора, а эмоционально-рациональная метафора, в основе которой лежит перенос конкретного признака на абстрактный объект. В таких сочетаниях в семантике эмпирийных прилагательных нейтрализуется вся информация о чувственном компоненте значения и актуализируются возникающие на ассоциативной основе потенциальные семы, которые характеризуют качество по более абстрактным аспектам. Например, в метафорах: *сухой человек, холодный ответ, горькая радость, темные воспоминания* реализуется оценочный аспект (*приятный – неприятный*), в метафорах: *горячее любопытство, глухая ненависть, тихая радость, прохладные отношения* – интенсивность проявления признака и т.д.

Сопоставление семантического развития многозначных эмпирийных прилагательных в рассматриваемых метафорах позволяет выделить все основные типы межъязыковых лексических соответствий. Ведущее место среди них принадлежит линейным соответствиям (60% примеров), значительная часть которых приходится на прилагательные, обозначающие вкусовые и осязательные ощущения (и в русском, и во французском языках наблюдаются сочетания со значением *острое зрение, тонкий слух, тонкий нюх, горькие слова, теплый взгляд, сухой тон, соленый анекдот, холодный ответ, острый ум, мягкий климат* и т.п.). Векторных соответствий заметно меньше, но они представлены наиболее частотными многозначными прилагательными. Например, французская лексема *doux* в сочетании со словом *взгляд* в разном контексте переводится словами *мягкий и теплый*, в сочетании со словом *прикосновение* – лексемой *лёгкое*, а со словом *огонь* – *слабый*. Дело в том, что фр. *doux* означает «нerezкую приятную степень любого чувственного восприятия» (Гак, 1977, с. 191). Значения прилагательного *тёплый* передаётся лексемами *chaud* (тёплый тон) и *doux* (мягкий свет). А собственно прилагательное *мягкий* (*тои*) используется в других метафорах: *мягкий жест, мягкий климат*. Русскому прилагательному *острый* соответствуют два французских слова: *épice* (о вкусе) и *pointu* (остроконечный, заостренный - зрительное впечатление). Соответственно, русское *острый вкус*

отражает тактильно – вкусовое ощущение, а французское сочетание *goût épice* вообще не является синестетической метафорой.

Можно говорить и о наличии лакун в сравниваемых языках, если иметь в виду использование в метафоре соотносительных лексем. Так, для французского языка лакунами оказываются: *тихий взгляд* (*un regard craintif* – робкий); *острый взгляд* (*un regard perçant* – пронизывающий), *тихое прикосновение* (*une touche tendre* – лёгкое, нежное), *острое слово* (*un bon mot* – хорошее) и др.. Для русского языка лакунами являются выражения: *une voix blanche* (букв. белый, т.е. незвучный голос), *une rire jaune* (букв. жёлтый, т.е. кислый смех), *un ton pointu* (букв. заострённый, т.е. резкий тон), *une couleur fade* (букв. пресный, т.е. бесцветный, блеклый цвет). В качестве переводных соответствий для французских слов чаще выступают эмпирийные прилагательные, а русские лексемы переводятся прилагательными другой семантики.

Наличие лакун и векторных соответствий, характер их содержания определяется в конечном итоге различиями в семантической структуре и концептуальном объёме лексических единиц. В русском языке практически нет лексем, которые бы нерасчленённо отражали чувственное восприятие, подобно *doux* (небольшая степень чувственного восприятия) или *fade* (без вкуса и запаха); много специальных слов для обозначения всех видов восприятия, абсолютное большинство которых развивает переносные значения, связанные с иными ощущениями. Во французском языке, как правило, моменты перехода от одного вида восприятия к другому, совмещения или утраты сенсорного признака получают отражение в сочетаниях без эмпирийных прилагательных. Например, *кислый запах* – *une odeur aigre* (эмпирийное прилагательное *aigre* - кислый), *кислая улыбка* – *un sourire force* (не эмпирийное прилагательное *force* - натянутая), *кислый вид* – *faire grise mine* (устойчивое словосочетание – букв. сделать серую мину).

Таким образом, сопоставительный анализ случаев синкретизма значений позволяет выявить общий запас наглядно-опытных знаний и национальные особенности ассоциативных впечатлений, сочетаний ощущений, отражённых в русской и французской метафоре с эмпирийными прилагательными.

Литература

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977.

2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
3. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике, вып. У. /Языковые универсалии/. – М.: Прогресс, 1970. – с. 250 -299.

Высочина О.В.

Механизм развития семантики прилагательных горький - *bitter*, сладкий - *sweet* в сопоставительном аспекте

Имя прилагательное выбрано объектом исследования не случайно. За последние десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных анализу семантики глагола и существительного. Имя прилагательное, в отличие от вышеназванных частей речи, характеризуется сравнительно малой семасиологической изученностью.

Объектом сопоставления в нашей работе стали фразеосочетания существительных с прилагательными "горький - *bitter*", "сладкий - *sweet*".

Целью сопоставительного исследования является установление межъязыковых соответствий на основе сходства и различий в использовании исследуемых прилагательных, а также выявление национальной специфики словоупотребления, которую можно установить только при сопоставлении языков.

Из художественных текстов русских и английских авторов нами было выбрано около 300 примеров словосочетаний типа "горький + существительное" - "*bitter* + noun"; "сладкий + существительное" - "*sweet* + noun".

Все примеры были подвергнуты семемной классификации. При выделении семем у прилагательных мы опирались на словарные дефиниции, используя "Словарь русского языка" С. И. Ожегова (СРЯ) и Longman dictionary of contemporary English, 1995. (LD).

В этой статье мы рассмотрим сочетания прилагательных "горький - *bitter*", "сладкий - *sweet*" с существительными типа D_1D_1 .

D_1 – прямое номинативное значение слова. В качестве таковых у рассматриваемых прилагательных мы понимаем следующие: *горький* – «имеющий своеобразный едкий вкус» (СРЯ); *bitter* – «having a strong taste like black coffee without sugar, or very dark chocolate» (LD); *сладкий*

– «имеющий свойственный сахару или меду приятный вкус» (СРЯ); *sweet* – «having a taste like sugar» (LD).

В этих значениях в обоих языках исследуемые прилагательные сочетаются с существительными, обозначающими "вкус" или "воспринимаемое на вкус":

It was *sweet*, strong, very nice and made her gasp. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga.) -- Ликер был *сладкий*, очень вкусный, у нее сразу перехватило дыхание.

The purple *prunes* soften and *sweeten*. (J. Steinbeck. The grapes of Wrath.) – Сизые *сливы* становятся мягкими и *сладкими*.

Little sour *apples* have grown large and *sweet*. (J. Steinbeck. The grapes of Wrath.) – Маленькие кислые *яблоки* стали большими и *сладкими*.

Выделяются случаи, когда при переводе на иностранный язык сочетаний с прилагательным "сладкий" используются специфические фразеосочетания, характерные для данного языка. При этом семанный состав меняется. Если в оригинале мы имеем сочетание Д₁Д₁, то в переводе может быть сочетание типа Д₂Д₁.

...А *взвар* у хозяйки был *сладкий*, на ять! Напрасно ты, товарищ Нагульнов, отказался! (М. Шолохов. Тихий Дон.) – ...That *stewed fruit* of theirs was just *right*. Pity you didn't have some, Comrade Nagulnov.

Как мухи *сладкую каплю*, люди облепили повозку, и всякий совался туда с руками. (И. А. Гончаров. Обыкновенная история.) – They swarmed round the carriage like flies round *a pot of treacle*, each thrusting his hands into it.

Прилагательное "сладкий" может употребляться в значении "вкус" с неопределенными местоимениями в следующих контекстах:

В благодушном настроении иногда посылал со стола мальчишке *чего-нибудь сладенького*. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы.) – When in a good mood, he would sometimes send the boy *something sweet* from the table.

- И что за кушанья? Сначала горячее подадут... После горячего вдруг *чего-то сладкого* дадут, там говядины, а там мороженого, а там травы какой-то, а там жаркое... и не ел ты! (И. А. Гончаров. Обыкновенная история.) – And what food? First day serve soup... After the soup all of a sudden comes the *sweet course*, and then beef and after that ice-cream, and then some sort of green stuff, and then again roast meat... Such a mess!

В последнем примере русское сочетание Д₁Д₁ "что-то сладкое" переводится на английский устойчивым выражением, характерным для этого языка "sweet course" - Д₂Д₁. Кроме того, наблюдается процесс

субстантивации прилагательного "сладкий" и образование новой лексемы, обозначающей "определенную пищу".

Существительные со значением "вкус" также сочетаются с прилагательными "горький - bitter":

Bitter apple. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga.) – ***Горькое яблоко.***

Встречаются примеры, где нет прямого соответствия прилагательных "горький" и "bitter". При переводе они заменяются синонимичными эквивалентами или устойчивыми сочетаниями, характерными только для этого языка, в таких случаях часто сочетания D_1D_1 в оригинале переходят в D_1D_2 при переводе:

Павел немного отрезвел, но все под ним и вокруг него волнообразно качалось, у него отяжелели веки, и, ощущая во рту скверный, ***горький вкус***, он смотрел сквозь ресницы на большое лицо матери и бессвязно думал: «Видно, рано еще мне. Другие пьют и – ничего, а меня тошнит...» (М. Горький. Мать.) – This sobered him somewhat, but his head was still going round and his eyelids were too heavy to lift. With that ugly ***brown taste*** in his mouth he peered through his lashes at his mother's large face and thought: 'I guess I am still too young. Others drink and nothing happens, but I get sick...'

Прилагательное "brown" имеет в своем значении сему "bitter", которая актуализирована в сочетании "brown coffee". С другими существительными в этом значении "brown" выступает как вторичная денотативная семема D_2 .

В русских оригинальных текстах и переводах также часто используется синонимичное «горькому» прилагательное «горьковатый»:

Покойный Петро так любил пирожки с ***горьковатой*** и вяжущей ***калиной***. (М. Шолохов. Тихий Дон.) – How his brother Petro had loved pies filled with the ***tart guelder-rose berries***.

The women worked over the fire, hurrying to get food to the stomach of the family... Side-meat or chops and a can of boiled ***tea***, black and ***bitter***. (J. Steinbeck. The grapes of Wrath.) – Женщины хлопотали у костров, торопились накормить голодную семью ...; свиными ребрышками или отбивными и черным ***горьковатым чаем***, налитым в консервную банку.

Два последних примера показывают нам, что в английском языке нет точного эквивалента прилагательному "горьковатый". В русском языке через лексику с помощью словообразовательного суффикса -***оват***- идет номинация степени выраженности какого-либо признака (в данном случае "горечи"). В английском языке такого процесса не наблюдается.

Прилагательное "горький" может субстантивироваться и приобретать значение "нечто неприятное на вкус":

А он будто и не видит мою руку, сморщился весь, как *горького* хватил, и через зубы этак процеживает: "Ты что, пьяный? Куда ты свою лапу протягиваешь, немывтое рыло?" (М. Шолохов. Поднятая целина.) – So he pretended not to see it, made a face as if he had swallowed *something bitter*, and hissed at me through his teeth: 'Are you drunk? Who are you holding your paw out to, you dirty-faced lout.'

Анализируя все вышеприведенные примеры, мы можем сделать вывод, что фразеосочетания типа D_1D_1 с исследуемыми прилагательными наблюдаются в обоих языках и частично совпадают при переводе (в случае несовпадения D_1D_1 переходит в D_2D_1). Анализ семантики показал, что один и тот же смысл может выражаться не только эквивалентными фразеосочетаниями, но и национально-специфическими номинативными средствами.

Вострикова О.Н.

Антропони́мы *John* и *Иван* в сфере имен нарицательных

Английское личное имя John и русское личное имя Иван произошли от библейского антропонима Иоанн (John < среднев.-лат. *Johannus* (др.-греч. *Ioannes*) < др.-евр. *Yohanan* – букв. бог даровал, Иван > церковнослав. Иоанъ (Иоаннь) < греч. *Iwavn̄s* < др.-евр. *Iohanan* – Ягве (бог) смиростивился (Рыбакин, с.118).

В России церковнославянский вариант антропонима Иоанн в дореволюционное время выступал как обязательная для активгов гражданского состояния форма данного канонического имени. В Библии Иоанн – имя крестителя и апостола.

Английский антропоним John имеет следующие дериваты: Jack, Johnnie, Johnny (употр.гл. образом в США), Jon, Jonny. От личного имени John произошли также следующие фамилии: Johns, Johnes, Johnson, Johnston.

Ввиду широкого распространения, имя John и его дериваты приобрели способность употребляться в различных значениях, а также входить в состав фразеологизмов. Приведем следующие примеры:

John Bull – Джон Буль, насмешливое прозвище англичан, получившее широкое распространение. Впервые употребляется в сатирическом памфлете придворного врача Д. Арбетнота «Тяжба без конца или истории Джона Буля». Отсюда произошли следующие иронические выражения: John Bullish - типично английский; John-

Bullism - типичные черты английского характера; John-Bullist – сторонник всего английского;

John Collins – напиток из содовой воды, джина, сахара, лимонного сока и льда;

John Thomas – ливрейный лакей;

John Trot – неотесанный парень, мужлан, деревенщина;

John (или Tom) long the carrier – человек, медлящий с доставкой чего-либо. В русском языке данному выражению соответствует *его только за смертью посылать*;

Big John – новобранец;

Jack frost – Мороз Красный нос;

Jack in office - самонадеянный, важничающий чиновник, чинуша, бюрократ;

Jack (John, Tom) Drum's entertainment – нелюбезная встреча гостя;

Jack of all trades and master of none – за все браться - ничего не сделать;

jackdaw in peacock's feathers – ворона в павлиньих перьях;

cousin Jack – кузен Джек (прозвище жителя Корнуолла);

Jack's alive – шотландская игра, в которой зажженная бумага или спичка передается по кругу, тот, у кого она потухнет или будет погашена, платит фант (устно эта игра называется «курилка»);

all shall be well, Jack shall have Jill – все будет хорошо, и Джилл достанется Джеку (говорится, например, о счастливом конце книги);

cheap Jack (John) – бродячий разносчик (торгующий дешевыми товарами).

Слово cheap в этом выражении сохранило свое старое значение «рынок, сделка». В американском употреблении cheap-jack и cheap-John в сочетании со словами shop или store означают магазин, торгующий дешевыми изделиями;

Jack (или Tom) o'Bedlam - сумасшедший, безумный (прозвище неизлечимых сумасшедших, которых отпускали из лондонского дома умалишенных Бедлам и которым разрешали собирать милостыню;

Jack (John или Tom) Drum's entertainment — нелюбезная встреча гостя;

Johny Newcome (или Johny Raw) - 1) новичок, молокосос;
2) новобранец;

coal-oil Johny – мот, транжира и т.д .

Обратимся к русскому эквиваленту антропонима John (см. Кунин).

Иван – широко известное русское личное имя. В старой русской деревне имя Иван носили 16-25 процентов всех крестьян – каждый пятый был Иваном. В послереволюционный и послевоенный периоды

степень употребительности этого имени заметно снижается, и в настоящее время оно входит уже в разряд нечастых мужских имен.

Так же как и английское имя John, имя Иван в русском языке приобрело способность употребляться в различных значениях, выступая в функции вторичного, ассоциативно-образного именования людей, чаще русской национальности. Отмечены такие случаи «переносного» употребления имени Иван:

1. русский человек вообще, русский народ (иногда в сочетании с прилагательным русский);

2. простой человек, человек из простонародья; простак; малообразованный человек; недалекий человек;

3. самостоятельный человек, хозяин; вообще – положительно характеризуемый человек. Ср. в народных говорах, пословицах и поговорках: *млад, да Иван, стар, да Иванька; Строить из себя Ивана (т.е. важничать); Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; Ни в городе Иван, ни в селе Селифан;*

4. русский солдат; солдат Советской армии;

5. обобщенное прозвание русского, любого человека из России или СССР, а также самой России у некоторых народов нашей страны или зарубежных стран.

Благодаря широкому кругу своих созначений личное имя Иван часто встречается в русской народной фразеологии. Так, в XIX в. получает распространение условное фразовое имя *Иван, не помнящий родства; Иван Непомнящий*, употреблявшееся в официальных документах для лиц, забывших свое именование или намеренно его скрывающих.

В настоящее время выражение *Иван, не помнящий родства* употребляется в переносном значении – «лишенный чувства родины».

Иваном Елкиным в прошлом назывался кабак, в который по обычаю ставят елку.

Трава кипрей или копорский чай, копорка, назывался еще *Иванчаем* (в вологодских говорах *Иванов чай*). Копорский чай, или иванчай (ср. другие варианты названия: иван кочкин, иван-трава, трава иван) был низкого качества, о чем свидетельствует и приводимая В.И. Далем поговорка: *Иван плох и в чаях*. Таким образом, *Иван (или Иванов) - чай* – это напиток бедняков и простолюдинов – Иванов.

Антропонимичное словосочетание *Иван да Марья* в народной речи, фольклоре выступает со значением «мужчина и женщина», «муж и жена, супружеская пара» (как правило, крестьянская), а также как условное обозначение «мужского» и «женского» начал в народной ботанической терминологии (*иван-да-марья*). Человек высокого роста

в народе получает прозвище *Полтора-Ивана*. В диалектах имеются слова, производные от имени Иван в его переносном значении «самостоятельный, всеми уважаемый человек». Это глаголы *иванить* (превозносить себя, строить из себя Ивана, т.е. важничать), *иваниться* (модничать, форсить, задаваться, превозносить себя, ломаться).

На основе высокочастотного имени Иван сложилось не только отчество *Иванович* и фамилия *Иванов*, но и антропонимные формулы *Иван Иванович* и *Иван Иванович Иванов*, в которых в свою очередь развились различные добавочные значения, за счет которых значительно расширилось предметно-понятийное содержание данных антропонимных единиц.

Антропоним *Иванович* (разговорная форма – *Иваныч*) употребляется как условный заменитель всякого отчества в сочетании с полным личным именем, в современном языке равноценный квазиотчеству (украинского происхождения) *батькович* (*Батькович*). Ср.: «Я тебя, Маргарита батьковна, не для своего, а для твоего удовольствия пригласил» (С. Антонов. Васька); «Хорошо жить, пока ты Кузька. Только станешь Кузьма Иванович – сразу кидает в задумчивость» (В.Белов. Бухтины вологодские).

В дореволюционное время в народной речи *Иванович* (*Иваныч*) выступало и как условное отчество, которое прибавлялось к именам иностранцев, долгое время живших в России. Люди низшего сословия в этом случае могли получать «полуотчество» *Иванов*. Например, возлюбленная А.В. Сухова-Кобылина модистка Луиза Симон-Деманш, убитая в 1850 году ее слугами, крепостными писателя, в следственном полицейском протоколе именовалась как Луиза Иванова Симон-Деманш (она не была дворянкой). «Обобщающее» отчество *Иванович* (*Иваныч*) (вариант: *черт Иванович*) входит в состав фамильярно-пренебрежительного выражения *шут Иванович*, или *Иваныч* (вариант: *черт Иванович*, поскольку в русских говорах слово *шут* употребляется и со значением «черт, нечистая сила»): «Ты что же это, Шут Иванович, на репетицию не приходил?» (А.П. Чехов. Актерская гибель).

Широко распространенная в прошлом двукомпонентная антропонимная формула – *Иван Иванович* в русском языке XIX-XX вв. получила следующие значения:

1. некто; всякий мужчина (чаще русской национальности);
2. уважаемый в определенной социальной среде человек; признанный авторитет: «А есть молодцы: кругом шестнадцать, или кругом Иван Иваныч, значит весь в клеймах» Это созначение и сам фразеологизм *кругом Иван Иваныч* уже утрачены;

3. влиятельное, «значительное» лицо, важная персона (нередко в сочетании с местоимением сам);
4. политический заключенный из интеллигентов, осужденный по 58-й статье (в воровском жаргоне);
5. условное русское имя иностранца, долго проживавшего в России; почетное или шуточное имя и отчество немцев и калмыков;
6. в антропонимной формуле *Иван Иванович Иванов* троекратное повторение типовой основы Иван усиливает ее восприятие как типично русской. Отмечены следующие значения, развившиеся в данной трехсоставной формуле имени: некто из русских (условное именование всякого русского), обыкновенный, ничем не выделяющийся человек.

Кроме того, трехсоставная формула *И.И.И.* в образцах официальных документов может выступать как условное обозначение всякого человека, независимо от его национальности, как, например, в образце избирательного бюллетеня по выборам народного депутата СССР 14 мая 1989 г., опубликованном в печати.

Типичная русская фамилия *Иванов* в сочетании с фамилиями *Петров* и *Сидоров* (или в противопоставлении им) выступает как условное обозначение группы людей чаще русской, реже – нерусской национальности. Данное антропонимное словосочетание может быть трехкомпонентным (*Иванов, Петров и Сидоров*) и двухкомпонентным (*Иванов и Петров, Петров и Иванов*) (Русская ономастика, с.85-92). В английском языке данному сочетанию соответствует антропонимная триада *Brown, Johnes and Robinson*.

В заключение отметим, что, обладая общим существенным признаком быть средством индивидуализации человека, имена собственные John и Иван, входят также в сферу имен нарицательных (часто в составе фразеологических единиц). При этом они трансформируются в национально обусловленные когнитивные концепты, пополняя, таким образом, лексический состав языка.

Литература

1. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. М, 1989.
Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М, 1967
2. Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние, в русском и немецком языках

Как известно, фразеологическая подсистема языка является чрезвычайно важным фактором репрезентации мировосприятия народа, особенностей его менталитета и национального характера. Поскольку национальный характер проявляет себя через эмоционально-психологические особенности поведения, представляется правомерным, что фразеосочетания, обозначающие эмоциональное состояние, могут дать представление об определенных особенностях характера создавшего их народа.

Предметом исследования послужили русские и немецкие фразеологизмы, объединенные семей «эмоциональное состояние». Из Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И. Молоткова и Немецко-русского фразеологического словаря (сост. Э.Ф.Бинович и Н.Н. Гришин) методом сплошной выборки было выделено 198 русских и 184 немецких фразеосочетаний указанной семантики и проведен их сопоставительный анализ.

Исходя из словарных дефиниций, по характеру выражаемого фразеологизмом эмоционального состояния в рамках представленного материала можно выделить следующие восемнадцать семантических подгрупп, которые расположены в порядке убывания количества входящих в их состав единиц:

1. фразеосочетания, объединенные значением «вызывать у кого-либо сильную отрицательную эмоцию»: доводить до белого каления, выводить из себя, выматывать кишки; j-n in Hitze bringen (букв. приводить кого-то в зной), böses Blut machen (букв. делать кровь злой), etw. geht j-m unter die Haut (букв. что-либо идет кому-то под кожу) - 22 русских и 21 немецкий;

2. фразеологизмы, выражающие страх, ужас: душа ушла в пятки, ни жив ни мертв, лица нет /на ком-то/; ich denk, mich kratzt der Affe (я остолбенел от неожиданности, букв. я думаю, меня царапает обезьяна), die Angst sitzt im Nacken (кем-либо овладевает страх, букв. страх сидит в затылке), im Druck sein /sitzen/ (быть в страхе, букв. быть под гнетом) - 15 русских и 24 немецких;

3. фразеологизмы, выражающие страдание, муку, тоску: рвать на себе волосы, кошки скребут, душа разрывается; in geistiger Nacht leben (страдать душой, букв. жить в духовной ночи), etw. wird j-m zu dumm (кто-либо не может вынести, может терпеть что-либо, букв. что-либо делает кого-либо глупым), es ist, um auf die Akazien zu klettern (с ума

сойти можно от чего-либо, букв. взбираться на акацию) - 21 русский и 17 немецких;

4. фразеологизмы, обозначающие сдерживание эмоций: держать себя в руках, скрепя сердце; über sich Herr sein (букв. быть себе господином), auf der Erde bleiben (сохранять спокойствие, самообладание, букв. оставаться на земле) - 20 русских и 13 немецких;

5. фразеологизмы, обозначающие гнев, злость, ярость: сверкать глазами, скрежет зубовой; sich wie ein wilgewordener Affe benehmen (бесноваться, букв. быть как бешеная обезьяна), sich (*Dativ*). die Plätze an den Hals argern (разъяриться, букв. злость доходит до шеи) - 4 русских и 25 немецких;

6. фразеологизмы, обозначающие волнение, беспокойство, тревогу: с замиранием сердца, душа не на месте; mit Hangen und Bangen (с тревогой и страхом), j-m blieb der Bissen im Halse stecken (кусочек в горле застрял от волнения, букв. у кого-либо кусочек остался вставленным в шею) - 13 русских и 16 немецких;

7. фразеологизмы, выражающие демонстративное проявление эмоций: сквозь зубы (говорить с презрением, с неудовольствием), срывать сердце /на ком-нибудь/; sein Gift /ver/spitzen (букв. заострять свой яд), j-m seinen Busen öffnen (излить свои чувства, букв. раскрывать свою пазуху) - 14 русских и 10 немецких;

8. фразеологизмы, выражающие высшую степень положительной эмоции: на вершине блаженства, в ударе; im ersten Rausch (под первым радостным впечатлением, букв. в первом опьянении), seinem Affen Zucker geben (предаваться безудержному веселью, резвиться, букв. давать сахар своим обезьянам) - 8 русских и 12 немецких;

9. фразеологизмы, объединенные семантическим компонентом «плохое настроение, психологический дискомфорт: не в духе, туча тучей; Angeln gerissen sein (быть выбитым из колеи, букв. быть выдернутым удочкой), nicht in guten Schuhen stecken (быть в неважном состоянии, букв. быть не в хорошей обуви) - 10 русских и 10 немецких;

10. фразеологизмы, передающие значение «раздражение, иступление, возбуждение»: вожжа / шлея/ под хвост попала, в сердцах; in die Wolle geraten (раздражаться, букв. попадать в шерсть), da geht j-m der Hut hoch! (кто-либо выходит из себя, букв. вот идет у кого-либо высоко шляпа!) - 14 русских и 4 немецких;

11. фразеологизмы, обозначающие возвращение в нормальное психическое состояние: воспрянуть духом, камень с души свалился; allen Zwang ablegen (перестать стесняться, букв. откладывать все

принуждения), j-d hat Blut belegt (у кого-либо успокоилась кровь) - 11 русских и 5 немецких;

12. фразеологизмы, отражающие степень проявления эмоций: всеми фибрами души, до потери сознания; brennend gern (всей душой, страстно, букв. в высшей степени охотно), mit Schmerzen (страстно или всем сердцем, всей душой, букв. с болью) - 11 русских и три немецких;

13. фразеологизмы, выражающие удивление, недоумение: глаза на лоб лезут, не верить своим ушам; Augen machen wie ein Kalb (выпучить глаза от удивления, букв. делать глаза, как у теленка), wie angenagelt dastehen (букв. стоять, как прибитый гвоздями) - 6 русских и 8 немецких;

14. фразеологизмы, передающие значение «спокойствие, удовлетворение»: присутствие духа, в полном рассудке; in seinem Element sein (чувствовать себя в своей родной стихии), satt und selig sein (чувствовать полное удовлетворение, букв. быть сытым и счастливым) - 4 русских и 7 немецких;

15. фразеологизмы, объединенные значением «стыд»: сгорать от стыда, не знать, куда глаза девать; vor Schande vergehen (сгорать от стыда, букв. пропадать от позора), sich (*Dativ*) die Augen aus dem Kopf schämen (не знать, куда глаза девать от стыда, букв. стыдиться глаз из головы) - 5 русских и 4 немецких;

16. фразеологизмы, имеющие значение «вызывать у кого-либо положительную эмоции»: возвращать к жизни, приводить в себя; gut Wetter machen (улучшать настроение, букв. делать хорошую погоду), j-n in Fahrt bringen (привести в хорошее настроение, взбодрить, букв. приводить кого-либо в поездку) - 3 русских и 2 немецких;

17. фразеологизмы, обозначающие зависть: глотать слюнки, с черной завистью; vor Neid erbleichen (побледнеть от зависти), blass vor Neid werden (становиться бледным от зависти) - 3 русских и 2 немецких;

18. фразеологизмы, выражающие избыток чувств: тесно в груди; j-m wird es eng in der Brust (букв. стало тесно в груди от избытка чувств) - 2 русских и один немецкий.

Сопоставительный анализ представленного материала показал, что основная часть русских и немецких фразеологизмов не имеет соотносимых эквивалентов в другом языке, образуя лакуны (100 русских и 95 немецких фразеологизмов). Это свидетельствует о том, что представители разных народов имеют отличия в психическом складе и в языковой трактовке эмоциональных состояний. Речемыслительная деятельность избирательна. Она вычленила из бесконечного множества признаков объектов и явлений лишь такие,

которые по тем или иным причинам являются релевантными для представителей данной языковой общности. Больше всего лакун в подгруппах, обозначающих раздражение, испуг, возбуждение; возвращение в нормальное состояние; степень проявления эмоций; удивление, недоумение. Практически отсутствуют лакуны в таких семантических группах, как сдерживание эмоций и стыд. Видимо, эти эмоциональные состояния осмысляются в сознании обоих народов сходным образом.

На втором месте по количественным параметрам находятся векторные соответствия, то есть фразеологической единице одного языка соответствует один и более фразеологизмов другого, которые имеют такое же значение, но отличаются или по характеру лежащего в их основе образа, или по структурному оформлению. Векторные соответствия имеют 82 русских фразеологизма и 55 немецких. Больше всего подобных соответствий в семантической подгруппе со значением «вызывать у кого-либо сильную отрицательную эмоцию», а также в подгруппах фразеологизмов, обозначающих страх и ужас, сдерживание эмоций, стыд. Появление и функционирование в сопоставляемых языках фразеологических единиц, имеющих векторные соответствия, можно объяснить наличием общих представлений и ассоциаций. Например, эмоция стыда у обоих народов связана с таким соматическим признаком, как изменение цвета лица, что и фиксируется в соответствующих фразеологических сочетаниях.

Самую малочисленную группу составляют линейные соответствия, когда в немецком языке имеется соотносимый эквивалент русского фразеологизма, аналогичный и по семантике, и по структуре. Подобных соответствий выявлено только 12. Данные фразеосочетания обнаруживаются, в основном, в семантических подгруппах со значением «злость, гнев, ярость» и «спокойствие, удовлетворение». Появление линейных соответствий обусловливается в этом случае общностью соматических реакций и общностью ассоциаций. Например: задыхаться от ярости – vor Wut keuchen /ersticken/ (букв. задыхаться от ярости); как рыба в воде (свободно, непринужденно чувствовать себя где-либо) – sich füllen wie ein Fisch im Wasser (букв. как рыба в воде).

Количественные характеристики русских и немецких фразеологизмов внутри выделенных семантических подгрупп дают основания сделать определенные выводы о чертах национального характера данных народов. Так, у русских по сравнению с немцами более частотными являются фразеологизмы, называющие такие

эмоциональные состояния, как страдание, мука, тоска, раздражение, исступление; больше фразеологизмов, отражающих открытое проявление эмоций и степень проявления эмоций, фразеологизмов, обозначающих процесс возвращения в нормальное психическое состояние.

Это может свидетельствовать о том, что русские более открыты в своих эмоциях и более экспрессивны, чем немцы, но быстрее приходят в нормальное состояние, более отходчивы.

Таким образом, отражая один и тот же участок внеязыковой действительности, сопоставляемые языки имеют отличия в ее членении. Фразеологические единицы не только раскрывают мировосприятие народа, но и дают представление об особенностях психического склада нации и национального характера.

Мамлеева Э.Р.

Русские и английские фразеосочетания с лексемами *бог/god* и *чёрт/devil*

Язык – фиксатор деятельности человека, его исторического опыта и национальных традиций. Как считает академик Б.А. Рыбаков, идиоматика любого языка обладает как бы двойной индивидуальностью. А индивидуальное - как это ни парадоксально - является особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур, ибо именно оно и является национальной «валютой» при культурном взаимообмене народов. Известно, что религия была и остаётся важнейшим пластом в национальном сознании. В связи с этим мы выбрали для исследования фразеосочетания с лексемами *бог/god* и *чёрт/devil*.

После крещения Руси в речь народа вошли такие слова и словосочетания, как *Христос*, *Отец Наш*, *Всевышний*, *Творец*, *Создатель*, которые являются синонимами слова *бог*. Слово "бог" было уже хорошо известно и естественно вошло в новую религию. Это и помогло образоваться симбиозу языческих и христианских представлений о боге, что нашло отражение в таких фразеосочетаниях, как *Бог мой (твой, наш, ваш)*; *Боже мой*; *Счастлив твой бог* и т. д.

Несколько иначе дело обстояло в Англии, где до середины 16 века шла ожесточённая борьба за господство одной из религий в государстве. В итоге, произошло закрепление нескольких самостоятельных ветвей церкви - англиканской, католической и протестантской. В английском языке сохранилось множество идиом с

лексемами *god*, *Lord* и *Christ*, религиозный смысл которых сильнее, чем во фразеосочетаниях русского языка: *God (Christ) be with you* - *бог с тобой*; *the good Lord provided smb with (plenty) of smth* - *хороший бог обеспечил кого-то множеством чего-то (бог дал (кому-то что-то)*).

На Руси вера в русалок, упырей, леших, домовых и водяных продолжала жить. Имена чертей в народном обиходе поистине бесчисленны: *нечистый*, *лихой*, *неладный*, *рогатый*, *вихр* и *морока*... «Демонологический ряд» английского языка более узок и ограничивается нейтральным *devil* и разговорным *dickens*. Поэтому многие русские фразеосочетания не имеют точных эквивалентов.

Интересно отметить, что русские фразеосочетания с лексемами "бог" и "чёрт" многовариантны (*одному богу известно*; *бог знает, что творится*; *бог ведаёт* / *чёрт разберёт*; *чёрт его душу знает*), тогда как в английском языке фразеосочетания с эквивалентами данных лексем *god* и *devil* вариантов не имеют - *God (only) knows* / *devil (only) knows*.

Разнообразные русские фразеосочетания с разными лексемами - *чёрт (бес, леший, шут) его знает* переводятся одинаково, а иногда даже с заменой опорной лексемы на антонимичную - *God (only) knows*). Ср.: *Чёрт его знает, какой реакции он ожидал на свою благодушную отповедь.* - *God (only) knows what kind of reaction he expected from his well-intended lecture.*

Заметим при этом, что порой только контекст влияет на выбор переводного соответствия.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

Топорова В.М.

Пространственная метафора в свете системного подхода (на материале русского и немецкого языков)

Семантические исследования выявляют важную, общую для разных языков, закономерность развития семантики на основе актуализации структурных признаков объектов номинации. Особую роль при этом играет пространственная метафора, описанию которой в рамках когнитивной лингвистики уделяется особое внимание.

Характерно, что при всем разнообразии языковой репрезентации пространственной метафоры – на геометрической или предметно-образной основе – она связана с актуализацией представлений о признаке системной упорядоченности составных частей объекта и определенной структурированности любого явления, наличия отношений связи между его элементами.

О всеобщности системного подхода к рассмотрению явлений действительности, составляющего важнейшую черту стиля мышления в XX веке, свидетельствует факт приобретения понятиями *элемент*, *множество*, *структура*, *система* статуса общенаучных и использования их во всех исследовательских сферах, в том числе при описании языковых явлений самого широкого семантического диапазона, охватывающего разнообразные денотатные сферы.

Соответственно исследовательским системно ориентированным установкам в качестве типологических признаков объектов языковой номинации в лингвистике рассматриваются *топологическая схема*, *топологическая карта предмета*, *топологическая структура*. Следует отметить важную роль геометрических образов и понятий при когнитивном моделировании в лингвистике. При этом объект лингвистического описания рассматривается как некая целостность, некоторое целое, состоящее из совокупности взаимосвязанных элементов. Принято широко использовать различные способы визуально-графической репрезентации внутрисистемных отношений (семантический треугольник, семантическое поле в образе круга с ядром и периферией и т.д.). При этом особую актуализацию и семантическое переосмысление могут получать отдельные элементы фигуры, например, грани куба в модели, предложенной Е.И. Дибровой, представляют определенный аспект исследования и описания текста (см. Диброва).

При описании концептуальных структур в лингвистике используются и менее формализованные понятия. Так, в структуре концепта выделяются *слои*, нарастающие в нем (см. Попова, Стернин). Отметим в качестве примера также структуру, воплощаемую в образе *айсберга* (значение слова уподобляется верхушке айсберга).

В целом можно выделить две функциональные разновидности пространственной метафоры, связанные со стратификацией и упорядочиванием пространства, а также их метафорическим переосмыслением, с одной стороны, и основанные на выделении топологических свойств (топологической схемы) объекта и их переосмыслением, с другой.

В сфере членения пространства можно, видимо, различать «естественную» стратификацию, то есть стратификацию на основе естественных особенностей рельефа (зона вечной мерзлоты, равнина, горная местность и т.д.). Сюда же можно отнести такие пространственные области, как земля и космос, земля и небо, космическое пространство, безвоздушное пространство. Кроме этого можно говорить о стратификации пространства на концептуальной основе при актуализации параметров верх/низ, горизонталь/вертикаль. Важную роль здесь играют геометрические понятия точки, линии, а также понятия, актуализируемые в семантике лексем *пояс, зона, полоса, уровень* (часовой пояс, лесостепная зона, Erdgürtel, Klimazone).

Семантический анализ выявляет некоторые достаточно ярко выраженные тенденции развития производных значений, проявляющие в разных языках наряду с чертами сходства определенную специфику. Одна из таких тенденций – возникновение у названий абстрактных пространственных понятий более конкретных значений, переводящих их в статус обобщенно-родовых наименований определенных классов конкретных объектов действительности, типа *радиоточки, линии электропередач*. Следует отметить, что геометрические номинации играют особую роль при актуализации признака системной упорядоченности объекта (объектов) номинации. В русском языке это, прежде всего, лексема *точка*, денотат которой в терминологическом значении связан с актуализацией *признака системности объекта, принадлежности его определенной системе*. Характерно, что наблюдаются различия в семантике русской лексемы *точка* и немецкой лексемы *Punkt*, связанные, прежде всего с реализацией семантики количества (*Punkt* как обозначение квантитативно маркированной структурной единицы в составе целого, а также счетной единицы - *очко, балл*).

Обозначения линии в русском и немецком языках проявляют большое сходство в аспекте репрезентации признака системной связанности явлений, объектов действительности (*линия родства, Verwandschaftslinie, конвейерные линии, automatisierte Linie*). Однако следует подчеркнуть гораздо большую семантическую производность (при актуализации признака системного упорядочивания элементов объекта обозначения) названия *линии* в русском языке по сравнению с немецким. Большое сходство в рассматриваемом нами аспекте проявляют русское и немецкое названия *круга* (*круг семьи, дипломатические круги, Familienkreis, diplomatische Kreise*).

И в русском, и в немецком языках используется образ *треугольника* в метафорическом преломлении (треугольник как три

взаимосвязанные элемента, образующие некоторое целое): *любовный треугольник*; аналогично в немецком языке *Liebesdreieck*. В рассмотренных примерах лексемы – обозначения геометрических фигур (точка, линия, круг) связаны в производном значении с актуализацией представления о наличии определенных системных отношений между элементами сложного объекта (круг, треугольник, линия) или принадлежности обозначаемого объекта к системе (точка – элемент системы объектов).

Отметим в связи с рассматриваемой темой использование русской лексемы *уровень* и немецкой лексемы *die Ebene* для обозначения степени развития, величины, значимости чего-либо (на уровне современных научных исследований, встреча на высшем уровне, *Verhandlungen auf höchster Ebene*). Примечательно также использование данных лексем в статусе обобщенно-родового наименования для обозначения структурной единицы строения – этажа.

Актуализироваться и создавать основу развития нового значения у лексемы может как образ (схема) целостной структуры объекта, так и отдельные структурные детали этой схемы.

В качестве эталонных топологических структур, наряду с геометрическими фигурами, выступают схематизированно представленные топологические структуры как природных объектов (в том числе человеческое тело), так и артефактов.

Из области натурфактов эталонный характер имеет структура *дерева* в целом (прямая - ствол с расходящимися под углом отрезками-ветвями, ветвящимися, в свою очередь, далее). Эта схема воплощает признаки генетической взаимосвязи и зависимости явлений действительности (родословное дерево, дерево зависимостей, деревограф и т.д.). В русском языке особую семантическую продуктивность получила лексема *елочка*, в семантике которой актуализируется соответствующая схема, репрезентируемая в немецкой и вообще европейской языковой традиции лексемой, обозначающей *рыбью кость* (ср. узор в елочку = *im Fischgrätenmuster*). В данных примерах речь идет об актуализации целостной структуры объекта. Вместе с тем тот же объект *дерево* в схематическом представлении воплощает оппозицию признаков *верх/низ*, играющую важную роль в семантических процессах. Эта оппозиция широко представлена в семантике обозначений объекта *гора*. При этом в топологии горы существенную значимость имеет образ *склона горы*, репрезентируемого схематически понятием *плоскости*, точнее, *наклонной плоскости*. Метафорическое переосмысление перемещения

по плоскости горы вверх или вниз создает основу развития фразеологического употребления (идти по наклонной плоскости), соответственно в немецком языке *Mit dem Geschäft geht es immer mehr bergab*.

Рассмотрим некоторые пространственные схемы, символизирующие определенные типы взаимоотношений групп объектов. Так, лексема *куст* на основе актуализации семы структуры (побеги, растущие обычно пучком у основания стебля) в производном значении обозначает *групповое объединение предприятий, артелей и т.д.* Здесь пространственная структура куста символизирует отношения связи и объединения родственных объектов. У немецких соответствий лексемы *куст* *der Strauch* и *der Busch* не наблюдается семантическая производность на базе актуализации признака данной структурной схемы.

Отношения равноправности объектов воплощает *горизонталь* (связи по горизонтали), иерархические отношения – *вертикаль* (связи по вертикали). Иерархические отношения воплощает структура *лестницы*, актуализирующая признак последовательного подъема вверх (подниматься по служебной лестнице означает *карьерный рост*). В немецком языке это значение развивается у одного из имеющихся названий лестницы – *die Leiter* (*hierarchische Stufenleiter*).

Особый удельный вес имеют лексические единицы, относящиеся к тематической сфере *строительство*, получившие в различных языках широкое употребление в качестве обобщенно-родовых названий, актуализирующих сему *организация структурных элементов* при обозначении самых разнопорядковых явлений: *архитектура отношений, фундамент теории, кирпичики знаний*. Аналогичная тенденция наблюдается в немецком языке: *geistige Architektur, die Architektur eines Musikstückes, die Architektur der Europäischen Union*.

Таким образом, семантические исследования выявляют значимость в сознании человека топологических схем, которые подвергаются метафорическому переосмыслению и активно участвуют в создании коннотативного слоя языковых значений.

Литература

1. Диброва Е.И. Категория художественного текста//Семантика языковых единиц: доклады 6 международной конференции.- М.,1998.- Т. 2.- С. 250-257.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Коннотации пространственных объектов в сказке о Золушке (на материале русского, немецкого и французского языков)

В свете расширения культурологического аспекта лингвистических исследований актуальным является исследование сказки. Несмотря на многочисленность исследований, посвящённых волшебной сказке, её материал продолжает оставаться объектом пристального внимания учёных, как в аспекте возможности реконструкции образов мифологического сознания, так и с точки зрения возможностей исследования концептов сознания на материале языковой репрезентации мифопоэтических образов.

Волшебная сказка предоставляет богатый материал для исследования национальных особенностей картины мира народов. С этой точки зрения особый интерес представляет изучение вариантов сказочного сюжета, преломляемого под углом различных культур.

Предметом исследования в данной статье являются коннотации пространственных объектов в русском, немецком и французском вариантах сказки о Золушке. Структурно - семантический анализ сказки выявляет ряд интересных фактов культурологического плана.

В сказках разных народов о Золушке наблюдается различная иерархизация пространственных объектов. В структуре пространства внутреннего помещения выделяются:

1) чердак; 2) залы, гостиная; 3) кухня и место возле очага. Каждое из этих мест несёт свою смысловую нагрузку. Дом – это то место, где обитает главная героиня Золушка (Aschenputtel - в немецком варианте; Cendrillon - во французском) и её семья: отец и мачеха с двумя дочерьми.

Чердак - это то место, где живёт Золушка из французской сказки (Cendrillon), там у неё колючая солома («...elle couchait tout au haut de la maison- dans un grenier, sur une méchante paille, ...» - «...спала она под самой крышей, на чердаке, на скверной подстилке,...»). Чердак - самое высокое место в доме, оно далеко от глаз других обитателей. Здесь чердак - символ отрешённости, отчуждения, желания не видеть девочку. А колючая подстилка - символ отношения к ней. Описание чердака как места жительства Золушки присутствует лишь во французском варианте, где ярко подчёркнуто отношение к Золушке:

«скверная подстилка» («sur une méchante paille») - скверная, грязная, чужая девчонка.

Залы и гостиная, где всё сияет чистотой (натёртый паркет, шёлк и бархат, кругом великолепные зеркала) - это та часть дома, где Золушке не очень-то и рады: «ses sœurs étaient dans des chambres parquetées, où elles avaient des lits des plus à la mode, et des miroirs où elles se voyaient depuis les pieds jusqu'à la tête...» -...её сёстры жили в комнатах с паркетными полами, где стояли самые модные кровати и большие зеркала, отражавшие их с головы до ног...). Это подтверждает французский вариант сказки. Она бывает там лишь тогда, когда её вызовут или когда она наводит там чистоту, как в русском варианте: «Следуй за мной! ... Они входят в гостиную. В креслах сидят сводные сёстры Золушки...». Её внешний вид и старенькое платьице не вяжутся с тем великолепием, привилегированным местом, где живут отец, мачеха и сестрицы. Вот как решила это мачеха, а с ней и её дочери, в немецкой сказке: «Soll die dumme Gans bei uns in der Stube sitzen! Wer Brot essen will, muß er verdienen: hinaus mit der Küchenmagd!...». Во французской же сказке мачеха поступила так - она поручила ей в доме самую грязную работу: падчерица мыла посуду и подметала лестницу, натирала полы в комнате хозяйки и её дочерей — благородных девиц (Elle la chargea des plus viles occupations de la maison: c'était elle qui nettoyait la vaisselle et les montées, qui frottait la chambre de madame, et celles de mesdemoiselles ses filles;...). В русской же сказке место Золушки определяется косвенно. Местоположение Золушки выбрано мачехой, так как в доме она полноправная хозяйка. Посещение Золушкой великолепных комнат бывает по двум причинам: либо уборка, либо приказ «явиться на глаза».

Кухня и место возле очага, безусловно, самое главное место нахождения Золушки во всех трёх версиях сказки. У Золушки братьев Grimm место у очага чётко обозначено («...Abends, wenn es sich müde gearbeitet hatte, kam es in kein Bett, sondern mußte sich neben den Herd in die Asche legen. Und weil es darum immer staubig und schmutzig aussah, nannte sie es Aschenputtel!...») - другого места в доме ей просто не нашлось, для неё было жаль даже кровати.

А вот у Золушки Шарля Перро другая ситуация. Девочка не была отправлена к очагу, просто большую часть времени она проводила именно там, чистя кухонную утварь. Она была не стряпухой, а служанкой. И Золушкой её прозвали не за грязную одежду, а оттого, что, устав, и не найдя другого места, она садилась прямо в золу. Для неё это было и удобно, и тепло, но спала она на чердаке: «...Lorsqu'elle avait fait son ouvrage, elle salait mettre au coin de la cheminée, et s'asseoir

dans les cendres, ce qui faisait qu'on l'appelait communément dans le logis Cucendron ...» (...Справив работу, она забивалась в уголок камина, садилась прямо в золу, отчего домашние называли ей обычно Замарашкой. Младшая сестра, не такая злая, называла её Золушкой...»).

Но самый подробный взгляд на место у очага как на местонахождение Золушки - в русском варианте сказки Шварца, где не только описан очаг, кухня, но и «друзья» девушки - кастрюли, сковороды, звенящие - разговаривающие с ней. Кочерга и метла движутся. Даже огонь, её друг, отзываясь на её голос, вспыхивает. А вот происхождение её имени не указано, она лишь сравнивается с маленьким угольком, её дразнят Золушкой:

« Дразнят Золушкой меня,
Оттого что у огня,
Силы не жалея,
В кухне я тружусь, тружусь,
С печкой я вожусь, вожусь,
И всегда в золе я...
... Оттого, что я кротка
Я чернее уголька.
Ах, я беленькой была!
Ах. Я миленькой слыла
Но давно когда-то!...»

Итак, особенно важно то, что во всех трёх вариантах сказки очаг - это её место, то, где она находится почти всегда. Очаг - символ семьи, дома, семейных отношений. И то, что имя девушки Золушка - символично. Ведь зола это всё, что остаётся от огня, даже не часть очага, а продукт распада. Огонь — символ счастья, тепла и богатства. А зола - холодная, мягкая, но лёгкая, опять же и полезна для удобрения земли. Так и дела Золушки бескорыстны и плодотворны. Одежда её сера, но сердце горячее и доброе. А внешний блеск мачехи и её дочерей не заменит им доброе сердце. Огонь может быть колокол и холоден, как их сердца, зола уютна и тепла.

Особую смысловую нагрузку несет в сказке о Золушке окно - ее любимое местечко на кухне. Оно здесь как переход, как символ границы между страданием и уединением и местом совершения чуда.

В сказке Гримм окно - место, у которого она любит природой, ждёт голубей. У Шарля Перро окно и его описание отсутствуют. А вот в сказке Шварца оно даже с обитателем — плющом, который, общаясь с Золушкой, вздыхает («...и листья плюща вздыхают с нею ещё

громче»). В окно она выпрыгивает в сад, где работает и встречается с крёстной.

Это позволяет нам предположить, что и в русском, и в немецком вариантах сказки окно – это символ не только перехода границы, изменения некоторых пространственных рамок, но и символ перемен, или, точнее, ожидания перемен. У окна девушка наблюдает смену времени суток, чудеса, совершаемые крёстной, или волшебство птиц-помощниц. Она чувствует перемены, что-то должно случиться.

Итак, Золушка в иерархии пространства дома занимает либо верхнюю, либо нижнюю позицию, а не среднюю, предназначенную для элиты, что говорит о её отринутости от семьи.

Анализ местоположения Золушки выявляет ярко выраженную символическую нагруженность иерархизированного пространства дома. При этом рассмотренный материал выявляет, наряду с чертами общности, довольно существенные различия по коннотативно маркированным пространственным объектам, представленным во французском, немецком и русском вариантах сказки о Золушке.

Малюгина А. В.

Семантические варианты концепта-схемы (на материале русского и английского языков)

В фокусе внимания современного направления в языкознании – когнитивной семантики – оказываются не только значения лексических единиц, но и план содержания фразеологических единиц, (работы Н.Ф. Алиференко, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, В.Н. Телия и других авторов).

Проблема, давно привлекавшая внимания исследователей, – передаёт ли фразеологизм понятие – приняла форму рассуждений о соотношении вербальных средств выражения идиомы и стоящего за ним концепта.

Известно, что фразеологические единицы (ФЕ) служат для образной и оценочной характеристики предметов и явлений окружающего мира. Их особенности, природа «фактуры», схваченная языковым знаком, и определяют типы концептов.

Существующие типы «фразеологических» концептов подразделяются на мыслительные картинки, схемы и сценарии. Например, *сонная муха* – концепт-картинка; *с булавочную головку* – концепт-схема; *молочные реки <и> кисельные берега* – концепт-фрейм; *ломать комедию* – концепт-сценарий.

Богатство и разнообразие фразеологии по форме, семантике и образности позволяют предположить существование в каждой группе концептов своих вариантов.

Цель настоящей статьи заключается в анализе только одного типа фразеологических концептов – концепта-схемы. По определению, «схема», выраженная фразеосочетанием, как метафорический эталон «мер и весов» употребляется для образных, с одной стороны, весьма приблизительных, а с другой – довольно точных (в результате «картинного» представления) оценок предметов и явлений окружающего мира по их параметрам, открытым для сравнения и сопоставления (см. Бабушкин).

Нас интересуют его различные варианты концепта-схемы, содержащие следующие уточнения:

- сему «пространственная вертикаль»;
- сему «пространственная горизонталь»;
- сему «геометрическая форма»;
- сему «мера объёма»;
- сему «мера времени».

Подробно рассмотрим каждую из упомянутых позиций на материале русского языка. Сему **«пространственная вертикаль»** содержат такие фразеологизмы как, *от горшка два вершка, на голову выше, от земли не видать, пожарная каланча, рукой не достанешь, коломенская верста* и другие. Подобные выражения имеют одну и ту же ассоциативную связь, находясь на мыслительной вертикальной оси «низкий/низко, маленький (в значении «невысокий») – высокий/высоко». Точкой отсчета («снизу-вверх») или заданным ориентиром выступает компонент фразеологизма. Во фразеологизме *аршин с шапкой (очень маленький)* этим ориентиром является аршин, в выражении *море по колено (всё нипочём, ничего не страшно)* – колено. Например:

Да деньги-то всему сила. С ними, брат, теперь нам море по колено будет, а счастье в ноги нам будет кланяться! (Данилевский. Беглые в Новороссию.)

Фразеологизмы *не видеть дальше своего носа, короче воробыного носа, загнать куда Макар телят гонял, за семь верст киселя хлебать, куда ворон костей не заносил, не за горами* и другие актуализируют сему **«пространственная горизонталь»**:

А ты все-таки сходи! [Марфа:] Я мигом. Не за горами, тут близко. (Островский. Невольницы.)

В этом случае «умозрительный» отсчет осуществляется «влево-право»/ «вперед-назад».

Фразеологизмы *семь пятниц на неделе; ещё не вечер; не по дням, а по часам; в час по <чайной> ложке; после дождичка в четверг; до морковкина заговенья; когда рак на горе свистнет; как по мановению волшебного жезла/ палочки* и другие реализуют сему «мера времени» концепта-схемы:

[Прохор Гаврилыч:] Я сам женюсь на ней.

[Татьяна Николаевна:] А когда это случится? После дождичка в четверг? (Островский. Старый друг лучше новых двух.)

С булавочную головку, капля в море, короче воробыиного носа, с три короба и другие – примеры «фразеологического» концепта-схемы, актуализирующего сему «мера объёма»:

Я проживаю тысячу целковых в месяц, так для меня, право, всякого рода наследство капля в море. (Писемский. Раздел.)

Сема «**геометрическая форма**» представлена в плане содержания фразеологизмов *заколдованный круг, хоть шаром покати, гнуть свою линию, проводить грань, сквозь призму, дойти до точки* и других. В данную подгруппу входят фразеологизмы, компонентами которых являются лексические единицы, обозначающие геометрические объекты, обладающие специфическими характеристиками и передающие соответствующие свойства всему фразеологизму:

Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество – вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти. (Л. Толстой. Война и мир.)

Арифметическую сему имеют фразеологизмы: *пятое колесо в телеге/колеснице, седьмая /десятая вода на киселе, ноль без палочки, нужен как собаке пятая нога, как дважды два четыре, на два фронта, в три шеи, жить в четырех стенах, знать, как свои пять пальцев* и другие. Фразеологизмы выделенной группы отличаются тем, что имеют в своем составе арифметическую сему, выраженную цифрой, числом или действием, которая при расхождении в сопоставлении с «истинным», действительным арифметическим показателем предмета или явления окружающего мира придает всему фразеологизму то или иное значение. Так, например, известно, что у телеги 4 колеса, поэтому цифра 5 во фразеологизме *пятое колесо в телеге* указывает на бесполезность, ненужность этого колеса. Данные семы присутствуют и в значении всего выражения (*лишний, ненужный в каком-либо деле человек*):

Я- то тут к чему примешался?...что за глупое, пятое колесо в телеге! (Тургенев. Дневник лишнего человека.)

Очевидно, принципы выявления типов концептов на материале русского языка могут быть применены и для анализа плана содержания фразеологизмов других языков, в частности, английского.

Например, *(as) naked as I was born* – букв. (такой) голый, как при рождении, ср. в чём мать родила – концепт-картинка; *tip (или turn) the balance* – букв. переворачивать весы, ср. склонить чашу весов – концепт-схема; *still in swaddling clothes* – букв. все еще в пеленках, ср. молоко на губах не обсохло – концепт-фрейм; *keep a firm (или tight) hand on* – букв. держать твёрдую руку на ком-то, ср. держать в чёрном теле – концепт-сценарий.

Выделенные варианты концепта-схемы можно наблюдать и в английском языке. Так сема «**пространственная вертикаль**» представлена фразеологизмами: *in the seventh heaven* – ср. на седьмом небе, *to praise smb (или smth) to the skies* – букв. расхваливать до небес, ср. перевозносить до небес, *rolling mountains* – букв. колышющиеся горы, ср. огромные волны, волны (высотой) с гору, *tall as a maypole (или as a steeple)* – букв. такой высокий как майское дерево, ср. верзила, «каланча».

Выражения *over the hills and far away* – букв. над холмами и дальше, ср. за тридевять земель, за горами, долами; *a stone 's throw from* – букв. на расстоянии броска камнем, ср. рукой подать и другие содержат сему «**пространственная горизонталь**»:

- *Just the night for Fleur to walk, and turn her eyes, and lead on-over the hills and far away.* (J.Galsworthy. *To Let.*)

В такую ночь Флер могла бы идти и идти, уводя спутников далеко, за тридевять земель.

Фразеологизмы *at smb 's whistle* – букв. по свистку, ср. по первому зову; *(as) slow as a snail* – букв. медленный, как улитка, ср. ползет как черепаха; *at a moment 's notice* – букв. в любой момент, ср. по первому требованию; *in the twinkling of an eye* – букв. за мигание глаза, ср. в мгновение ока и другие актуализируют сему «**мера времени**», а выражения *every little makes a mickle* – букв. каждое малое делает мир, ср. с миру по нитке, голому – рубаха; *dribs and drabs* – букв. кот наплакал и другие – сему «**мера объема**».

Сема «**геометрическая форма**» представлена в плане содержания таких фразеологизмов как *hit the bird in the eye* – букв. ударить птичку в глаз, ср. попасть в точку; *get a new angle on something* – букв. получить новый ракурс чего-либо, ср. стать на новую точку зрения по какому-либо вопросу; *the eternal triangle* – букв. «извечный» треугольник, ср. любовный треугольник и других.

Арифметическую сему имеют фразеологизмы *cousin seven* (или *several*) *times removed* – букв. кузен, семь раз удаленный, ср. дальний родственник, \approx седьмая вода на киселе; *certain* (или *clear*) *as (that) two and two make four* – букв. точно, ясно, как дважды два четыре и др.

Выделенные варианты концепта-схемы имеют универсальный характер, так как их можно проследить на материале разных языков, в том числе таких, как русский и английский.

Очевидно, подобная категоризация может быть осуществлена и в других типах концептов, что говорит о перспективности такого рода исследований.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.

Лаврентьева Е.В., Воеводская О.М.

Анализ художественных текстов как способ выявления концептуальных признаков (на материале русских и английских художественных текстов)

В предлагаемом исследовании мы рассматриваем художественные тексты, содержащие авторские интерпретации концептов «**жизнь**» и «**смерть**» в русском и английском языках. Разумеется, признаки, извлеченные из интерпретационного поля (термин заимствован у З.Д. Поповой и И.А. Стернина), образуют периферию концепта и предлагают во многом субъективные и противоречивые его оценки. Однако, анализ авторских трактовок того или иного концепта позволяет проследить развитие признаков концепта по мере его осмысления в разных обстоятельствах, в разные эпохи, разными людьми, высвечивая то одну его грань, то другую. Кроме того, многие признаки интерпретационного поля оказываются в определенные периоды весьма яркими в сознании народа и определяют его мышление и поведение.

Рассмотрим сначала авторские трактовки исследуемых концептов на материале художественных произведений русскоязычных авторов. И.С.Тургенев в одном из стихотворений в прозе, говоря о краткости и скоротечности человеческой жизни, сравнивает ее с водным потоком или сонмом песчинок, утекающих сквозь песочные часы:

День за днем уходит без следа однообразно и быстро.

Страшно скоро промчалась жизнь,- скоро и без шума, как речное стремя перед водопадом.

Сыплется она ровно и гладко, как песок в тех часах, которые держит в костлявой руке фигура Смерти.

Когда я лежу в постели и мрак облегает меня со всех сторон – мне постоянно чудится этот слабый шелест утекающей жизни.

Любопытно проследить, как А.П.Чехов в рассказе «Страх» описывает героя, панически боящегося жизни, условия которой заключили его в тесный круг лжи, и той обыденности, от которой невозможно спрятаться:

...Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни...Есть болезнь – боязнь пространства, так вот и я болен боязнью жизни. Когда я лежу на траве и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то мне кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса, и в ней я вижу самого себя.

В рассказе «Дух века» А.И. Куприн описывает смерть как «самый отвратительный акт в мире»:

Хорошая собака никогда не умрет дома. Она убежит в укромное местечко и там содохнет... Потому что она инстинктом понимает, что смерть представляет собой явление самое противоестественное и гнусное, зрелище самое грязное и омерзительное....

В рассказах И.Бунина «Исход» и «Суета Сует» мы встречаем ряд перифраз, используемых в качестве альтернативы глаголу «умереть»:

Впрочем, подумал Бестужев, она говорила о князе с той же свободой - как о человеке, уже вышедшем из круга живых...

Вольтер испустил последний вздох в 11 часов..

Тем самым автор стремиться не травмировать читателей упоминанием о неизбежности конца всего земного, уберечь их от страха и отчаяния.

Неожиданный взгляд на смерть отмечен у А.С. Грибоедова в комедии «Горе от ума». Выражая свою неприязнь и ненависть к учебе, один из героев восклицает:

На басни бы налег. Ох, басни – смерть моя!

Как нет ничего страшнее смерти, так нет ничего хуже и отвратительнее учения для этого противника просвещения.

В романе «Плаха» Чингиз Айтматов представляет на суд читателя собственную трактовку вышеозначенных понятий. Жизнь человека в представлении писателя представляет собой клубок сложных, запутанных отношений, разобраться в которых порой не под силу даже высшему разуму:

Трудно установить, что такое людская жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной компьютерной системе не под силу синтезировать общую кривую самых обычных человеческих натур.

Продолжая эту мысль, автор привлекает и понятие смерти:

...не бывает изолированных судеб, нет отделяющей судьбу от судьбы грани, кроме рождения и смерти. А между рождением и смертью мы все переплетены как нити в пряже.

Дмитрий Балашов в романе «Святая Русь» сравнивает жизнь человека с жизнью листа на дереве, подчеркивая ее скоротечность и кажущуюся ничтожность всякой отдельно взятой жизни, за которой, однако, скрывается великая единая сила, сложенная из бесчисленных постоянных усилий каждого человека:

...жизнь человеческая – это жизнь листа на дереве. Отпадет и умрет лист, и нарастут новые в непрерывной череде и смене весен и осеней, умрет лист, но не перестанет жить дерево, доколе и оно не исполнит назначения своего. Но и без кратких, с весны до осени, жизней листьев не живет, умирает дерево.

Василий Розанов прибегает к упоминанию смерти как чего-то бессмысленного и неосуществимого с позиции мыслящего человека:

Какая же чепуха эти «Солнечный город» и «Утопия», суть коих – вечное счастье. Тут есть окончательное «устойчивое равновесие». Это не «будущее», а смерть.

Обратимся к трактовке данных концептов на материале художественных произведений англоязычных авторов.

В романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» человеческая жизнь приравнивается к высшему искусству:

...to him (Dorian) Life itself was the first, the greatest, of the arts, and for it all other arts seemed to be but a preparation.

Говоря о смерти, автор прибегает к одному из своих любимых приемов – иронии, чтобы скрыть страх перед этим непостижимым явлением:

Death is the only thing that ever terrifies me. I hate it...one can survive everything nowadays except that. Death and vulgarity are the only two facts in the nineteenth century that one cannot explain away.

Самюэль Батлер в романе «Жизненный путь» сравнивает жизнь и смерть с памятью и забвением:

Memory and forgetfulness are as life and death to one another. To live is to remember and to remember is to live. To die is to forget and to forget is to die.

В стихотворении «Смерть» Уоллас Стивенс проводит параллель между смертью и осенью, временем, когда природа умирает:

Life contracts and death is expected, As in a season of autumn. The soldier falls.

Мюриэль Спарк в романе «Memento mori» рассматривает проблему печального и неизбежного угасания человеческой жизни, подчеркивая важность мысли о грядущем конце:

...as it were, the remembrance of death. There is no other practice which so intensifies life. Death, when it approaches, ought not to take one by surprise.

Эдвард Янг в стихотворении «Реванш» говорит об одиночестве, преследующем человека на всем протяжении жизни, трактуя смерть как способ избавления, обретения родственной души:

Life is the desert, life the solitude, Death joins us to the great majority.

Аналогичную идею высказывает американский поэт Робинсон Джефферс в стихотворении «Ночь»:

Life is grown sweeter and lonelier, And death is no evil.

Филлип Мессингер в произведении «Та самая женщина» представляет жизнь как некое закрытое пространство, в котором человек вынужден томиться на всем протяжении своего земного существования, и единственным выходом для него является смерть:

Death hath had a thousand doors to let out life, I shall find one. From a loathed life, I'll not an hour outlive.

В произведении Т.Э.Лоуренса «Мята» герой также тяготится жизнью:

Many men would take the death-sentence without a whimper to escape the life-sentence, which fate carries in her other hand.

Александр Поуп в «Послании доктору Арбутноту» говорит о жизни как о нескончаемой болезни:

*The Muse but served to ease some friend, not wife,
To help me through this long disease, my life.*

Проведенный анализ ряда произведений русско- и англоязычных авторов позволяет говорить о различном отношении представителей данных народов к осмыслению рассматриваемых концептов. Любопытно заметить, что в большинстве проанализированных произведений английских и американских поэтов и писателей отмечено негативное отношение к жизни, стремление искать выход в смерти, понимание жизни как явления, неподвластного воле человека, тогда как в произведениях русскоязычных авторов подчеркивается ценность и уникальность человеческой жизни, а смерть, напротив, рассматривается как «самый отвратительный акт в мире».

Глаголы пространственного перемещения и семантические доминанты пространственной картины мира в испанском и русском языках

Языковая картина мира представляет собою «комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира» (Рылов, с. 3). Языковые средства каждого этноса свидетельствуют об индивидуальности восприятия окружающего мира. В различных языках имеются разные системы средств выражения одинаковых, казалось бы, феноменов объективной реальности; системы, отражающие «совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» (Попова, Стернин, с. 6).

Актуальность изучения пространственного аспекта языковой картины мира не вызывает сомнений, так как пространство, наряду со временем, является основополагающей категорией бытия, во многом предопределяющей жизнедеятельность человека. Пространственная терминология различных языков отражает способы восприятия и обозначения пространства, существующие у разных народов, выработанные в их практике. Анализ выражения пространственных отношений позволяет выделить доминанты пространственного мышления различных языков (см., например, Корнева, с. 162).

Пространство может рассматриваться в двух основных аспектах: динамическом и статическом. Динамический аспект предполагает анализ движения, перемещения в пространстве. Термин «движение» является многозначным (о возможностях трактовки движения см. Оношко, с. 65)), поэтому при изучении того аспекта движения, который предусматривает изменение местоположения предмета, более предпочтительным представляется использование термина «(пространственное) перемещение».

Об основополагающей роли пространственного перемещения в жизнедеятельности человека (и, соответственно, в языковой картине мира любого этноса), свидетельствуют работы многочисленных лингвистов - А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, А.И. Смирницкого, В.Г. Гака, Т.А. Репиной, Г.А. Золотовой, Б. Блажева, О.Г. Кузнецовой, В.Н. Оношко). Языковое выражение пространственного перемещения может быть представлено в виде концепта *дирекциональности*, включающего субъект и/или объект перемещения,

мотус (движение определенного свойства) и дирекционал (пространственный ориентир, отражающий один из трех аспектов направления перемещения – начальный, конечный, промежуточный). (Подробнее об этом см. Андреев 2002, 2001.)

Мотус – элемент концепта дирекциональности, обозначающий само движение, перемещение в пространстве. Поскольку всякое перемещение представляет собой процесс, вполне закономерно то, что для его выражения наиболее часто используется такая часть речи, как глагол. «...Глагол представляет собой нечто вроде метонимического обозначения тех когнитивных характеристик, которые были получены при наблюдении за разными видами движения и которые сами отразили репрезентацию и осмысление протекания движения во времени и в пространстве» (Кубрякова, с. 89-90). Глаголы, служащие для обозначения перемещения в пространстве, уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Учитывая важность перемещения для формирования пространственной картины мира, представляется возможным рассмотрение этих глаголов в качестве семантических доминант пространственной картины мира рассматриваемых языков (в данном случае – русского и испанского).

Для обозначения таких глаголов используются термины «глаголы движения», «глаголы перемещения», «глаголы направления». При этом разные авторы предлагают различные определения и критерии выделения интересующей нас группы глаголов.

Традиционно русские глаголы движения определяются как устойчивая структурно-семантическая группа попарно соотнесенных глаголов несовершенного вида (*идти-ходить, ехать-ездить, бежать-бегать, везти-возить, вести-водить и т.д.*). Критериями противопоставления глаголов в парах являются:

1) однонаправленность – неоднаправленность: *Я иду на стадион* (только туда)/ *Я хожу на стадион* (туда и обратно);

2) некрatность – кратность: *Я иду в библиотеку* (сейчас)/ *Я хожу в библиотеку* (регулярно)

Отмечается, что «...в лингвистическом обиходе эти две группы именуются неодинаково: глаголы кратные/некратные, многократные/однократные, определенно-кратные/неопределенно-кратные, ненаправленного/направленного движения, однонаправленного/разнонаправленного движения, однонаправленного/неоднонаправленного движения» (Волохина, Попова, с. 5).

Т.К. Донская понимает глаголы движения как «лексико-семантическую группу глаголов, обозначающих обратимое перемещение субъекта или объекта в пространстве» (Донская, с. 121).

Здесь главным критерием является семантический, и ЛСГ глаголов движения трактуется намного шире: сюда включаются такие глаголы, как *скользить, пересекать, двигаться, нырнуть, спуститься*, и т.д., то есть все глаголы, содержащие сему перемещения в пространстве.

Другие исследователи предпочитают использовать термин «глаголы перемещения». При этом различаются глаголы однонаправленного и разнонаправленного перемещения. Л. Ферм, в частности, отказывается сделать принципом выделения интересующего нас класса глаголов их «вторичные грамматические свойства производных» (см. Милославский, с. 126). К данной группе она относит «... глаголы, в состав семантических валентностей которых входят три семантические валентности перемещения: начальной точки, конечной точки и пути...» (ibid.).

В русском языке часто используются глаголы перемещения с приставками пространственного значения, которые могут сообщать глаголу тот или иной оттенок общей направленности (нести: *внести, донести, поднести, вынести, занести, отнести* и т.д.).

Л. Ферм предлагает свою классификацию приставок с семантикой «направление движения» и делит все направительные глагольные приставки на следующие группы: 1) аллативную (со значением *куда?*); 2) аблативную (*откуда?*); 3) аллативно-аблативную (*куда? - откуда?*); 4) перлативную (*через что?*) (ibid.).

Это деление позволяет понять, какая из семантических групп приставок может модифицировать глагол, после которого выступает заданная предложно-падежная форма. Форма (как имени, так и глагольной приставки) выступает как ограничитель семантической ясности. При этом направительное значение приставки оставляет открытым весьма разнообразный круг позиций для предложно-падежных форм: например, **выходить** не только *из дома*, но и *в поле*, и *на поляну*, и *к гостям*, и *от приятеля*, и *из-под навеса* и т.д. В этой связи нельзя считать, что приставка при глаголе движения однозначно предопределяет предложно-падежную форму имени, управляемого таким глаголом (т.е. если **вы-**, то *из...*, если **под-**, то *к...*, если **от-**, то *от...* и т.д.) Данное положение справедливо лишь для тех случаев, когда имя дублирует указание на направление, представленное в глаголе (ibid., 126-127). Помимо критериев общей направленности и однонаправленности/неоднонаправленности русские глаголы перемещения можно классифицировать по признакам самостоятельности/несамостоятельности движения (*идти-ехать, нести-везти*), среды перемещения (*идти – плыть - лететь*), а также «по способу ориентации начальной и/или конечной точки движения:

приближение к или удаление от дейктического центра (ПРИХОДИТЬ vs УХОДИТЬ), движение вверх или вниз относительно исходной точки (ПОДНИМАТЬСЯ vs СПУСКАТЬСЯ), движение внутрь или изнутри замкнутого пространства (ВХОДИТЬ vs ВЫХОДИТЬ) и т.п.» (Майсак, с. 13).

Одно из наиболее детальных и точных определений рассматриваемой группы глаголов дается М.Г. Пресняковой. «Объединение глаголов в одну группу определяется общностью семантики, словообразовательных и синтаксических признаков. Все члены данной группы обозначают движение предмета в пространстве, соединяются с типовыми вопросами *куда?* / *откуда?* и сочетаются с конструкциями пространственно-временного значения. Лексическое значение глаголов данной группы включает в свой состав несколько семантических признаков: пространственного перемещения, самостоятельности-несамостоятельности движения предмета, направления, среды, в которой перемещается предмет, и способа движения» (см. Преснякова).

Принимая во внимание все вышеизложенные точки зрения, при определении данного класса глаголов предлагаем руководствоваться как семантическим, так и синтаксическим критериями. Поэтому мы включаем в него глаголы, которые, с одной стороны, имеют сему перемещения, с другой – способны сочетаться с конструкциями с пространственно-направительным значением (дирекционалом в его трех разновидностях). В связи с этим наиболее однозначным и исчерпывающим термином для обозначения этого класса глаголов будет являться, на наш взгляд, «глаголы направленного перемещения».

Итак, **глаголы направленного перемещения** – это глаголы, имеющие сему перемещения в пространстве и имеющие способность сочетаться с пространственно-направительными конструкциями.

Классификация глаголов направленного перемещения испанского языка будет подчиняться несколько иным критериям ввиду специфики их семантики.

Прежде всего, отметим две пары глаголов: непереходные *ir* и *venir* и соответствующие им переходные *llevar* и *traer*. Это – гиперонимы, «глаголы, в наиболее общей форме выражающие идею движения» (см. Преснякова). В отличие от русских глаголов перемещения, для этих двух пар глаголов не являются релевантными ни однонаправленность / неоднаправленность движения, ни роль транспортного средства в его осуществлении. Эти глаголы употребляются безотносительно среды перемещения. Кроме того, они не образуют большого

количества производных приставочных глаголов, что столь характерно для русского языка.

Единственным критерием противопоставления глаголов в парах *ir* – *venir* и *llevar* – *traer* является направленность движения.

Основное значение глагола *ir* – перемещаться, передвигаться из одного места в другое. Он противопоставляется глаголу *venir* по критерию направленности движения относительно места, где находится говорящий. «*Venir* es el movimiento en dirección contraria de *ir*: lo que *viene* se acerca, lo que *va* se aleja (*Venir* – это движение в направлении, противоположном выражаемому глаголом *ir*)» (Esbozo, с. 106). Направленность движения – неотъемлемый элемент семантики этих глаголов. В толковом словаре «Vox» отмечается: «*ir* y *venir* llevan asociada la idea de dirección del movimiento» (глаголы *ir* и *venir* содержат идею направления движения) (Vox, с. 108).

Частотность и универсальность употребления данных глаголов, несомненно, повлияли на то, что они нередко подвергаются грамматикализации (подробнее об этом см. Esbozo, с. 104–113, Майсак, с. 10–33).

Все вышесказанное можно отнести и к паре переходных глаголов – *llevar* и *traer*. Первый употребляется при обозначении удаления от говорящего, второй, соответственно, при обозначении приближения. Ср.: (1) Durante muchos días estuve sin poder *ir* a Cádiz (Galdós) – (2) Dime: cuando *vienes* a Cádiz, ¿paras en casa de la Condesa? (Galdós). В первом случае говорящий находится вне города Кадис, во втором случае – в пределах этого города. Это отражается в выборе глагола перемещения: употребляются глаголы *ir* и *venir* соответственно. Рассмотрим еще несколько ситуаций.

Pensaba *ir* a buscarla para casarse con ella y *traerla* a Italia (Llamazares). – ¿Y dónde? – preguntó ella, – temiendo que quisiera *llevarla* a Italia (Llamazares).

В первом предложении глагол *ir* выражает движение, направленное в сторону от местонахождения говорящего, а глагол *traer* – движение, направленное к говорящему. В обоих предложениях речь идет об одной и той же ситуации: итальянец любит женщину-гречанку и хочет увезти ее к себе в Италию. Однако в первом предложении говорящий находится в Италии, а во втором – в Греции. Этим и обусловлен выбор глагола: в первом предложении – *llevar*, во втором – *traer*.

Таким образом, глаголы *venir* и *traer* актуализируют, прежде всего, местонахождение говорящего. «Поскольку оттенок приближения «ко мне» чаще всего может реализоваться в прямой речи, то можно сказать, что область преимущественного употребления *venir* – прямая

речь» (Крымова, с. 82). Действительно, анализ фактического материала показывает высокую частотность употребления этих глаголов в прямой речи с присущими ей особенностями, такими, как использование местоимений первого и второго лица, наречия места *aquí*, также связанного с местонахождением говорящего.

Zurita dispuso: “*Venga mi cadena y traigan al hombre de la bodega*” (Beliáev).

– ¿*Él te ha traído aquí*? – No, *he venido* con don Diego (Galdós).

Y créeme, si logras *traerle a mi casa*, si le haces mi hijo, será como si sale al fin el sol en mi alma... (Unamuno).

¡*Ven aquí* ahora mismo! ¿Me oyes? (Neuschafer).

Следует также отметить, что семантика данных глаголов-гиперонимов настолько четко детерминирует направленность движения, что в некоторых случаях употребление конечного дирекционала с мотусом, выраженным этими глаголами, является излишним. Рассмотрим следующие примеры.

1. Pero *mi madre viene*; y si te ve aquí en acecho... (Galdós) – Да ведь сюда идет матушка, и если она застанет тебя в этом укромном месте... (Гальдос).

2. Ictiandro vio *venir caminando a un hombre grueso*, en uniforme blanco con brillantes botones, gorra blanca y revólver al cinto (Beliáev) – Навстречу Иктиандру шел, заложив руки за спину, толстый человек, в белом кителе с блестящими пуговицами, в белой фуражке, с кобурой на поясе (Беляев).

3. Lo *he traído* una vez, pero usted no estaba ... (Beliáev) – Один раз удалось привести его сюда – вас не было... (Беляев).

Во всех трех случаях в испанском варианте глаголы *venir* и *traer* употребляются без дополнительного указания направления движения, достаточно определенно обозначающего их семантикой. Вместе с тем, в русских вариантах направление движение имеет эксплицитное выражение – используются локативы *сюда* и *навстречу* + *дат. падеж*.

Напротив, глаголы *ir* и *llevar* преимущественно употребляются с наречиями места *allí* (*allá*), обозначающими наибольшую удаленность от говорящего.

¿*A qué iba yo allí o quién me llevaba?* (Jiménez).

Cada día se inventaba a sí mismo un pretexto para *ir allá* (Unamuno).

Ya sé que se divirtió usted en el Puente de Suazo con las buenas piezas que *llevó allí* el señor Poenco hace ocho días... (Galdós).

Зачастую пары гиперонимов *ir* - *venir* и *llevar* - *traer* употребляются в одном контексте:

Iba yo hacia la era, cuando *él venía* ya vereda abajo... (Jiménez).

Pasaba la medianoche e iba habiendo menos tráfico, *faros que iban y venían*, luces rojas en el retrovisor (Pérez-Reverte).

La otra con su santidad es *quien les lleva y trae los recaditos* (Galdós).

Иногда эти глаголы подвергаются субстантивации:

Hay aquí un *traer y llevar de papeletas* que es señal de votación (Galdós).

Таким образом, четыре испанских глагола-гиперонима направленного перемещения характеризуются импликацией направленности движения относительно местонахождения говорящего и имеют свои отличительные особенности, которые следует принимать во внимание при переводе с испанского и на испанский. Эти глаголы можно считать одним из наиболее ярких проявлений своеобразия средств выражения пространственных отношений испанского языка.

Остальные испанские глаголы направленного перемещения используются для более точной характеристики движения, его направленности, особенностей его протекания, среды и способа перемещения.

Глаголы, содержащие сему направленности перемещения, можно условно разделить на четыре группы (здесь мы пользуемся классификацией, предложенной Л. Ферм для русских глагольных приставок направительного значения):

- 1) аллативные (со значением *¿a dónde?*): *acercarse, aproximarse, avanzar, destinar, dirigir(se), encaminar(se), enfilarse, entrar, llegar*;
- 2) аблативные (*¿de dónde?*) *alejarse, expulsar, partir, salir*;
- 3) аллативно-аблативные (*¿de dónde? – ¿a dónde?*) *regresar, retornar, trasladar(se), volver*;
- 4) перлативные (*¿por dónde?*) *pasar, pasear, transitar; cruzar, atravesar, recorrer*.

Конечно, предлагаемая классификация не является исчерпывающей, поскольку каждый глагол имеет свои особенности значения и употребления. Мы лишь попытались выделить наиболее общие классы глаголов в зависимости от выражаемого ими оттенка направления движения.

Отдельно следует отметить глаголы *subir* и *bajar* и их синонимы, обозначающие направленность движения вверх или вниз относительно какого-либо пространственного ориентира (ср. русские *опускаться/подниматься*).

Некоторые испанские глаголы направленного перемещения не имеют семы того или иного оттенка направленности, по которым мы классифицировали приведенные выше глаголы. Они могут обозначать

направленное движение на любом из его этапов при использовании соответствующих разновидностей дирекционала.

Эти глаголы могут быть классифицированы по другим принципам, в частности, по принципу среды обозначаемого перемещения. Так, глаголы *nadar*, *navegar* обозначают перемещение в водной среде; *andar*, *caminar*, *correr*, *saltar* - перемещение по суше; *volar* – по воздуху (ср. русские *плавать*, *ходить*, *летать*).

При сравнении русских и испанских глаголов пространственного перемещения можно сделать следующие выводы, представленные в таблице.

Критерий классификации	Наличие в русском языке	Наличие в испанском языке
Однонаправленность/неоднонаправленность	+	-
Кратность / некрatность	+	-
Направленность движения (куда, откуда, через что)	+(выражена приставкой, поэтому присутствует только у приставочных глаголов)	+(содержится в семантике глагола)
Среда перемещения	+	+
Направление движения относительно местоположения говорящего	-	+(присутствует у глаголов-гиперонимов <i>ir-venir</i> , <i>llevar-traer</i>)
Наличие / отсутствие транспортного средства	+	-

Таким образом, отсутствие или наличие того или иного классификационного критерия маркирует сходства и различия в пространственной картине мира сравниваемых языков, позволяет выявить специфику их семантических доминант. Так, семантической доминантой испанской пространственной картины мира будет являться направленность действия относительно говорящего; в русском же языке подробная семантическая доминанта отсутствует.

Вместе с тем, русской пространственной картине мира присущи другие доминанты, такие, как кратность/некратность перемещения, отсутствие/наличие транспортного средства при осуществлении перемещения. Из всего изложенного следует, что анализ семантических доминант пространственной картины мира русского и испанского языков свидетельствует о различиях в восприятии различных аспектов пространственных отношений носителями русского и испанского языков.

Литература

1. Андреев О.А. Дирекциональность в испанском языке (грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты). АКД. – Воронеж, 2002.
2. Андреев О.А. Специфика концепта дирекциональности в испанском языковом сознании // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001. – С.50-55.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж, 1993.
4. Донская Т.К. Textoобразующая роль глагола и методика ее изучения // Глагол в лексической системе современного русского языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1981. – С. 120-125.
5. Корнева В.В. Предлоги испанского языка и их роль в формировании пространственной картины мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 7, Ч. 1. – Белгород, 2003. – С. 158-162.
6. Крымова И.В. О синонимичности значений испанских глаголов *venir* и *llegar* // Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. – Ч. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. – С. 79-86.
7. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через когнитивные характеристики // Логический анализ языка: модели действия. – М, 1992. – С. 84-89.
8. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – №1. – С. 10-33.
9. Милославский И.Г.: Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 126 - 128.

10. Оношко В.Н. Семантическая структура простых предложений с семантикой направленного движения в современном немецком языке // Вопросы романо-германской филологии. – Киров, 2000. – С. 65-69.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.
12. Преснякова М.Г. Формы вербализации концепта «путь» в древнерусской письменности (1998) (<http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/p2/presniakova.shtm>).
13. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – Воронеж, 2003.
14. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española, Madrid // Современная грамматика испанского языка – СПб., 1997. – В 2-х частях. – Ч. 2: Синтаксис.
15. Vox. Diccionario general ilustrado de la lengua española. – Barcelona, 1964. – 1816 p.

Костенко Н.В., Карпенко И.С.

**Общее и отдельное в семантическом пространстве
русских и английских глаголов
с общим значением «звук/звуки, возникающие при
взаимодействии артефактов»**

В наше время стало уже почти аксиомой признание наличия субъективного компонента в классификации и категоризации мира. Как отмечает Е.С. Кубрякова, категоризация как процесс носит субъективный характер (см. Кубрякова). Сопоставительные исследования позволяют глубже проникнуть в когнитивные процессы концептуализации и категоризации объектов и явлений действительности представителями разных языковых кодов.

В семантическом пространстве каждого языка наборы концептов и их структурная организация своеобразны и неповторимы. Как отмечает З.Д. Попова, «Что-то важное для одного этноса оказывается совершенно безразлично для другого. Это ведет к образованию разных концептов в языках. Даже при наличии тождественных концептов у разных народов в семантическом пространстве их языков эти концепты могут быть по-разному сгруппированы, объединены по разным признакам» (Попова, с. 4).

В настоящей статье предпринята попытка выявить и описать общие и отличительные черты семантического пространства, репрезентируемого глаголами с общим значением «звук/звуки, возникающие при взаимодействии артефактов» на материале двух неблизкородственных языков - английского и русского. Под семантическим пространством исследуемой лексико-семантической группы мы понимаем набор семантических признаков, выражаемых семемами английских глаголов – *to bang, to bleep, to boom, to grate, to rattle, to jingle, to squeak* и т.п., и семемами русских глаголов - *гудеть, свистеть, жужжать, шипеть, скрипеть, звенеть, бряцать, грохотать* и т.п. У всех глаголов данной группы выделяется общий компонент значения «производить звук/звуки», выражающий основную сущность семантического содержания глаголов.

Данная ЛСГ представляет собой объемную группировку, которая подразделяется на ряд подгрупп. Основанием для выделения подгрупп служит наличие общих семантических признаков в семантике ее конститuentов. Такими общими признаками оказываются «источник звука», «вид движения», «акустические аспекты звука», «сопутствующие характеристики звука», «материал звучащего предмета» и некоторые признаки, которые выступают в функции детерминантов действия. Мы представляем их как родовые семантические, которые играют главную роль в характеристике действий, описываемых данными глаголами, и выступают в качестве смысловразличительных, дифференцирующих компонентов. Для исследуемой ЛСГ характерно взаимопересечение указанных родовых семантических признаков.

Реализация родовых семантических признаков происходит неодинаково. Одни из них выступают в виде конкретных дифференциальных сем, отличающих значение слова, как его индивидуальную сущность от других противопоставляемых ему значений. Другие реализуются в конкретных семах не сразу, а через еще одну ступень обобщения, распадаясь на видовые семантические признаки. Данные семантические признаки также являются интегральными, но сфера охвата ими семем значительно уже.

Ситуация звучания обычно предполагает каузатор действия, являющийся причиной тех или иных явлений. Исследуемые глаголы звучания реализуют свое значение в синтаксической структуре «субъект – действие» или реже «субъект – действие – объект». В позиции субъекта выступают неодушевленные существительные, способные стать источником звука:

1) металлические, стеклянные и деревянные предметы (coins, chain, glasses, a tea-pot, a door, floor-boards, a rocking chair; мелочь, цепь, кольчуга, тарелки, стулья, половицы, паркет, двери),

2) машины и механизмы (the machinery, the train, the elevator, power-hammers; двигатель, самолет, трансформатор, шестеренки, водяная помпа),

3) электромеханические приборы (the computer screen, the timer, the pager, phone lines; пейджер, принтер, таймер, факс, телефон),

4) колокола различной величины (the church bells, the bell of a fire engine, the door bell; колокол (а), колокольчик, бубенцы),

5) различные виды оружия и снаряды, выпускаемые ими (guns, cannon, shell, bomb, bullet; пулемет, винтовка, пуля, граната).

Позиция субъекта реализует семантический признак «источник звука». Наполняемость отмеченных выше семантических рядов, фактически совпадает. Однако сопоставительный анализ выявил некоторое расхождение в семантике единиц данной подгруппы.

Так, кодируя звуки, вызванные соприкосновением нескольких, нетяжелых металлических или стеклянных предметов, русский язык выделяет такие признаки, как «издавать бренчащий звук, т.е. тихо, время от времени позванивать» (*звякать, бренчать*). Сопоставляемые английские лексемы *to chink, to clink* не являются полностью соотносимыми эквивалентами, так как актуализируют лишь акустический компонент «*тихо*» и оставляют вне фокуса временной детерминатор «время от времени» в семантике своих единиц.

Аналогично звон колокола несколько по-разному воспринимается носителями сопоставляемых языков. Кроме нейтральных *to ring the bell(s)* и *звонить в колокол (а)* в обоих языках отмечены единицы со «своими» признаками. В сферу внимания русского языка, например, попал признак «звонить во все колокола, т.е. одновременно, издавая частые, сильные звуки» (*трезвонить*).

Для английского языка более значительным оказался временной детерминатор «следовать один за другим», закрепленный в семантике глагола *to peal* – *When bells peal they ring one after another*, а также такие акустические аспекты производимых звуков, как «громкий, высокий» (*to chime, to peal*), «громкий, низкий, долгий» (*to clang*).

Обозначение звучания различных видов оружия и снарядов, выпускаемых ими, более детально дифференцировано в русском языке, где имеются лексические единицы для обозначения признаков «издавать резкий, высокий звук» (о пулях, гранатах, минах) – *свистеть, выть*, «издавать однообразный, дребезжащий звук» (о пуле) – *жужжать*, «издавать резкие и короткие, частые звуки,

напоминающие треск» (о пулеметных снарядах) - *стрекотать*, «производить резкий, отрывистый низкий звук» (об орудии, выстреле) - *бахать, бухать*, «звучать раскатисто, с большой силой» (о выстрелах пушек, танках) - *бабахать, грохотать*, «громко, сильно» (о выстрелах, взрывах) - *греметь, грохать*, «издавать резкие повторяющиеся звуки» (о пальбе, канонаде) - *трещать*, «издавать короткие звуки» (о выстрелах, гранатах) - *хлопать*.

В сопоставляемом английском языке отмеченные признаки не получили универбального выражения, за исключением признака «звучать громко, сильно, раскатисто» (о пушках) - *to boom*.

Сравнение показывает, что восприятие звуков при столкновении и ударе вызывает разные ассоциации в языковом сознании русского и английского народа. В английском языке детализация признаков касается источника движения и материала звучащего предмета. Например, звучание от столкновения тяжелых металлических предметов обозначается глаголом *to clank*, тяжелых металлических или деревянных предметов *to boom, to bang*, причем, как правило, лексема *to bang* применяется для описания звука захлопывающихся *дверей, калитки, ворот*.

Признак «тяжелый предмет» нейтрализуется в семантике лексем *to clang, to clash*, которые также обозначают звук(и), производимые металлическими предметами.

Лексемы *to clatter, to chink, to clink, to rattle, to jingle* и *to tinkle* могут употребляться для обозначения столкновения или удара и сопровождающих их звуков не дифференцированно по отношению к материалу звучащих предметов. Это могут быть металлические, стеклянные, или деревянные предметы. Для семантики этих единиц более релевантными являются акустические и сопутствующие характеристики звука, а также количественной и временной детерминаторы. Звук, обозначаемый глаголом *to clatter* – громкий, низкий, краткий; глаголом *to rattle* – громкий, низкий, повторяющийся; глаголами *to clink, to chink* - тихий, краткий; глаголом *to tinkle* – негромкий, напоминающий звон маленьких колокольчиков; глаголом *to jingle* – негромкий, повторяющийся, возникающий при соприкосновении нескольких металлических или стеклянных предметов.

В русском языке этот аспект не получил такой детальной разработки и представлен меньшим по сравнению с английским количеством единиц. Например, глагол *стучать* обозначает звук, производимый ударами металлических или стеклянных предметов. За

глаголом *хлопать* закреплено значение «производить резкие звуки, ударяя чем-нибудь».

В сферу внимания русского языка попал признак, не отмеченный в английском языке, а именно «издавать звуки ударом о камень чем-нибудь металлическим» – *цокать*. Для русского менталитета более важным оказалось вербализовать прикосновение предметов как вид движения, сопровождаемое звуком. Количество сем, соотносимых с этим видовым признаком, заметно превалирует в семемах таких русских глаголов, как *звенеть, звякать, трезвонить, бречать, брякать, бряцать, лязгать, цокаться, шипеть*.

Трение как вид движения предмета по тесно соприкасающейся с ним поверхности другого предмета представлено в обоих языках признаками «производить скрип, т.е. резкий, неприятный звук, возникающий при трении» – *скрипеть, to creak*; «издавать резкий, неприятный звук, возникающий при соприкосновении двух неровных поверхностей» – *тереть, to grate*.

Актуализация других семантических признаков проходит по-разному в сопоставляемых языках. Одни признаки находят отражение только в семантике английского языка, другие – в семантике русского языка. В отличие от русского, в английском языке вербализуются признаки «издавать короткий, высокий звук при трении» – *to squeak*, «производить громкий, визжащий, неприятный звук, вызванный резким торможением автомобиля» – *to screech*.

Русский язык выбирает «свои» признаки, к которым относятся: «издавать резкий, скрипящий звук трением (о тормозах и несмазанных деталях)» – *скрежетать*, «издавать легкие, тихие звуки при трении» – *шуршать, шелестеть*.

Таким образом, даже при беглом рассмотрении, очевидно наличие общего и отдельного в языковой семантике исследуемых глаголов. Семантическое сходство отдельных лексем, входящих в рассматриваемую ЛСГ, сходство большинства семантических признаков и аналогичная структурная организация характеризуют исследованный фрагмент лексических систем английского и русского языка.

Анализ фактического материала выявил также некоторое расхождение в семантическом пространстве исследуемых единиц. Сам факт выбора разных, но равных по объективной значимости признаков, отражающих один и тот же денотат в языковой семантике, неодинаковая группировка этих признаков, указывает на момент субъективности, на проявление принципа прагматической релевантности в кодировании данного фрагмента действительности.

1. Кубрякова Е.С. О двойной сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении [Вступ. слово]//Общие проблемы строения и организации языковых категорий: материалы науч. конф. 23-25 апр., 1998.- М., 1998, с.7-12.
2. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики//Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.1, Гуманит.науки – 1996.- № 2.- с.65-71.

Цапович Н.В.

Глаголы рисования в лексико-семантической системе русского и немецкого языков

В когнитивной лингвистике особой актуальностью отмечена общая теория образа. Исследования в рамках когнитивной психологии показали, что образы обладают возможностью замещать действительное восприятие, благодаря законам пространственных структур и преобразований, управляющим зрительной перцепцией. В свете когнитивной лингвистики образ рассматривается как один из важных видов ментальных репрезентаций, заключающий в себе некую информацию и являющийся определенной структурой знания (Кубрякова).

С точки зрения когнитивного подхода в психологии постулируются три основных теоретических позиции, рассматривающие кодирование информации. Это радикальная, концептуально-пропозициональная и гипотеза двойного кодирования. Согласно радикальной гипотезе образов (Бугельски, Шепард, Подгорный), зрительный и вербальный материал преобразуется человеком в образы, которые затем хранятся в памяти; концептуально-пропозициональная гипотеза (Андерсон, Бауэр, Пилишин) утверждает, что и зрительная и вербальная информация представлены в виде абстрактных «высказываний» об объектах и их отношениях, и, наконец, гипотеза двойного кодирования постулирует две системы кодирования и хранения – вербальную и образную, информация может кодироваться и храниться в одной из них или в обеих системах. Эта позиция наиболее реалистична и подтверждается неврологическими и поведенческими данными.

Несовместимость образа к мыслительной «картинке» подтверждается исследованиями зрительного восприятия. Именно зрительному представлению принадлежит решающая роль в формировании

языкового образа. Языковой образ представляет собой перцептивную реакцию на языковое воплощение предметов и выражений, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта (Гаспаров).

Образ формируется на основе привязанности к конкретным языковым выражениям. Существует языковая укоренённость образных реакций. Это подтверждается тем фактом, что один и тот же денотат в разных языках моделирует различные образы в сознании субъекта.

Доказательством причастности языка к актам восприятия является широкое использование учёными изобразительных форм представления знания - так называемых «визуальных дискурсных форм». Рисунки являются неотъемлемой частью как творческой деятельности человека, так и научной аргументации.

В лексико-семантическую группу глаголов рисования в русском языке входят следующие лексемы: **рисовать, рисоваться, зарисовать, запечатлеть, чертить, гравировать, татуировать, писать, вывести, выписать, набросать**, в том числе, лексемы, несущие отрицательную коннотацию: **царапать, марать, малевать, мазать**. Лексико-семантическую группу немецких глаголов составляют лексемы **malen, scheinen, schildern, herumstolzieren, aufzeichnen, prägen, zeichnen, gravieren, tätowieren, schreiben, ausschreiben, skizzieren**, из которых: **schmieren, pinseln, klecksen** – отрицательно маркированы.

В структуру семантемы ядерной лексемы **рисовать** входит семема Д1 «изображать предметы на плоскости карандашом, пером, углем и т.п.», например: *Рисовать с натуры. Рисовать портрет*. В немецком языке данной семеме соответствует семема Д1 лексемы **malen** - «mit Farbe ein Bild herstellen» (изготавливать рисунок при помощи краски), например: *In einem Kloster sah er ein neugemaltes Wandbild, das musste er lange betrachten. Es war da der Totentanz an eine Mauer gemalt.* (Н. Hesse) - *(В одном монастыре он увидел свежую стенную роспись, он долго её рассматривал. На стене была нарисована «Пляска смерти»)*. Семема К1 лексемы **рисовать** реализует значение «изображать, представлять в образах»; например: *Писатель рисует в романе передовых людей нашего времени*. Данной семеме соответствует семема Д1 немецкой лексемы **schildern** – «etwas so erzählen, dass sich der Leser die Situation gut vorstellen kann» (*что-либо рассказывать так, чтобы читателю могла хорошо представиться ситуация*).

У русской лексемы **рисоваться** реализуется семема Д1 «виднеться, казаться», например: *Вдали рисовались очертания гор*; в качестве семемы К1 лексема **рисоваться** реализует значение

«представляться в воображении», например: *Воображением рисуются мирные картины*. В состав семантемы лексемы **рисоваться** входит также семема К1 «вести себя жеманно, стараясь показать себя с выгодно стороны», например: *Рисоваться на людях*. Лексеме **рисоваться** в этом значении ставится в соответствие в немецком языке лексема **herumstolzieren** - «гордо, с чопорным видом ходить от одного места к другому (туда и сюда)».

Русская лексема **зарисовать** обнаруживает семему Д1 «сделать рисунок, запечатлеть рисунком». Данной семеме соответствует семема Д1 немецкой лексемы **aufzeichnen** – «сделать рисунок или эскиз», например: *Ich zeichne dir den Weg auf (Я нарисую тебе схему дороги)*.

Русская лексема **запечатлеть** несет семему Д1 «изобразить, воплотить что-либо в чём-либо». В немецком языке лексема **prägen** имеет частично совпадающую семему Д1 «ein Bild oder eine Schrift in festes Material pressen» (*Тиснить рисунок или надпись на твёрдом материале*), например: *Er hatte auf sein Briefpapier sein Wappen prägen lassen (Он велел сделать на бумаге для писем оттиски своего герба)*.

Русская лексема **чертить** актуализирует семему Д1 «изготавливать чертёж». Соответствующая ей немецкая лексема **zeichnen** несет семему Д1 «ein Bild, einen Plan, einen Entwurf machen» (*Изготавливать рисунок, план, набросок*).

Русская лексема **гравировать** имеет семему Д1 «воспроизводить рисунок, надпись, вырезывая их на твёрдом материале». В немецком языке ей соответствует лексема **gravieren**, обнаруживающая семему Д1 «Ornamente oder eine Schrift in ein hartes Material schneiden» (*Вырезать орнамент или надпись на твёрдом материале*).

У русской лексемы **татуировать** реализуется семема Д1 «накалывать на теле рисунок особой краской». Соответствующая ей немецкая лексема **tätowieren** имеет семему Д1 «mit einer Nadel und Farbe Zeichnungen auf die Haut machen» (*Делать рисунки на коже при помощи иглы и красок*).

Русская лексема **писать** имеет следующие семемы: Д1 «изображать какие -нибудь графические знаки на чём –нибудь», например: *Писать разборчиво. Хорошо писать по-русски*; Д2 «составлять какой-нибудь текст, сочинять, создавать словесное произведение», например: *Писали раньше хлебом и октавой. / Классическая форма умерла ... (С. Есенин)*; Д2 «сообщать или выражать письменно», например: *В газетах пишут о последних событиях*; Д2 «обращаться к кому-нибудь письменно, писать письма», например: *Пишут мне, что ты, тая тревогу, / Загрустила шибко обо*

мне ...(С. Есенин); Д2 «создавать произведение живописи», например: *Писать акварелью. Писать портрет*; семема К1 реализуется в устойчивых сочетаниях: *Закон не писан* - «кто-либо действует как ему заблагорассудится»; *Не про нас написано* - «недоступно нашему пониманию»; *Пиши пропало* - «о чём-нибудь безвозвратно пропавшем, неудавшемся». В немецком языке данной лексеме соответствует лексема **schreiben**, обнаруживающая семему Д1 «Zeichen auf Papier machen» (наносить знаки на бумагу), например: *Ein paar Worte schreiben* (написать несколько слов), Д2 «einen schriftlichen Text verfassen» (составлять письменный текст); например: *Er schreibt mir alles, was er erlebt* (Он пишет мне обо всём, что с ним происходит), «etwas in einem Brief mitteilen» (сообщать что-нибудь в письме), например: *Schreibst du mir mal wieder?* (Ты мне ещё напишешь?); Д2 «Texte in einem bestimmten Stil verfassen» (досл. составлять тексты определённым стилем), например, *Ein Arzt schreibt jemanden arbeitsunfähig* (ein Arzt bestätigt, dass jemand nicht arbeiten kann) (заключение врача о нетрудоспособности); например: *Heute schreiben wir den zehnten Mai* (Сегодня 9 Мая); Д2 «einen relativ langen Text zu produzieren» (Работать над сравнительно большим текстом); например: *Er schreibt schon seit Jahren an seiner Doktorarbeit* (Он уже несколько лет пишет докторскую диссертацию).

Русская лексема **вывести** реализует семему К1 «старательно изобразить», например: *Как клинописи жёсткие страницы / Страдание выводит на щеках ...* (А.Ахматова). В этом значении лексеме **вывести** соответствует в немецком языке лексема **malen** в значении «ganz langsam und konzentriert schreiben» (медленно и сконцентрированно писать).

Русская лексема **черкнуть** имеет семему Д1 «написать немного», например: *черкни мне пару строк*; немецкое соответствие – *schnell (füchtig) schreiben* (быстро (бегло) писать); например: *ein paar Worte schreiben* (черкнуть пару слов).

Русская лексема **выписать** обнаруживает семему Д2 «тщательно написать, нарисовать». В немецком языке ей соответствует семема Д1 лексемы **ausschreiben** - *ein Wort mit allen Buchstaben, nicht abgekürzt schreiben* (писать слово полностью, без сокращений).

Русская лексема **набросать** реализует семему К1 «бегло, в общих чертах изобразить» (нарисовать, написать). В немецком языке лексеме **набросать** с этим значением соответствует лексема **skizzieren**, актуализирующая значение «einfache, schnelle Zeichnung, die mit wenigsten Strichen das Wichtigste zeigt, machen» (сделать простой и

быстрый рисунок, показывающий самое важное в общих чертах, например: Seine Überlegungen skizzieren (Набросать свои размышления).

Русская лексема **царапать** обнаруживает семему Д1 «делать царапины на чём-либо», например: *Перо царапает (задевает за бумагу).* В К1 данная лексема означает «плохо писать». Немецкая лексема **kritzeln** актуализирует семемы: Д1 «so hastig oder mit kleinen Buchstaben schreiben, dass es schwer zu lesen ist» (*писать наспех или мелкими буквами так, что трудно разобрать*), например: *Schnell kritzelte sie noch einen Nachricht für ihn auf einen Zettel (Она быстро нацарапала ему ещё одно сообщение на листке);* семему Д2 «etwas aus Langeweile oder Nervosität auf einen Zettel zeichnen» (*нервно или от скуки рисовать, чертить на листке*).

Русская лексема **марать** несет семему Д1 «пачкать, грязнить», например: *марать платье.* В статусе К1 данная лексема развивает отрицательно маркированное значение «плохо, неряшливо писать, рисовать, сочинять», например: ... *Бумаги даже замарать / И то, как надо не умеют ... (С. Есенин).* В немецком языке в подобном значении употребляется лексема **schmieren** «so schreiben, dass es schwer zu lesen ist» (*писать так, что невозможно разобрать*).

Русская лексема **малевать** несет семему Д1 «раскрашивать, рисовать красками» и развивает семему К1 «плохо, неумело рисовать». Немецкая лексема **pinseln** обнаруживает семему Д1 «mit dem Pinsel malen oder schreiben» (*рисовать или писать кистью*) и развивает отрицательно оценочную семему К1 «nicht gut malen» (*неумело рисовать*), например: *Nun hat er ein paar Bilder gepinselt und nennt sich bereits Kunstmaler (Намалевал пару картинок и уже называет себя художником).*

Русская лексема **мазать** (в Д1 «покрывать слоем жидкого или жирного») несет семему Д2 «пачкать», например: *мазать грязными руками скатерть*; она также развивает отрицательно маркированное значение «плохо рисовать». Немецкая лексема **klecksen** актуализирует семему Д1 «eine Flüssigkeit in Tropfen fallen lassen (und so Flecken machen)» (досл. *позволять капать жидкости (и таким образом делать пятна)*), например: *Er hat beim Schreiben (ins Heft) gekleckst (Он наставил клякс (в тетради), когда писал).* На основе этого значения развивается семема К1 «schlecht malen» (*плохо рисовать*), например: *Für das Bild, das er auf diese Leinwand gekleckst hat, verlangt er 100 Mark (За мазню на этом холсте он требует 100 марок).*

Таким образом, рассмотренный нами материал свидетельствует о том, что важная роль в языковой репрезентации образа отводится глаголам *рисования*, анализ которых даёт возможность выявить факт актуализации образа на основе графического изображения.

Косачева А.Ю., Воевудская О.М.

Концепт «время» в семантическом пространстве языка (на материале русского и английского языков)

Разные языковые коллективы, закрепляя различный общественный опыт, из всего многообразия признаков, присущих какому-либо явлению реальной действительности, отбирают для характеристики этого явления лишь некоторые, актуальные с их точки зрения, и при этом часто не совпадающие в разных языках.

С целью выявления национального своеобразия семантических пространств русского и английского языков нами был проведен контрастивный анализ семантем ключевых лексем, вербализующих такой общечеловеческий концепт как **«время»**. Основными источниками исследования послужили Словарь современного литературного языка в 17 томах, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А.Кузнецова и Webster's Third New International Dictionary of the English Language.

Основное номинативное значение (Д1) лексемы **время** трактуется довольно широко:

1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.: *На позеленевших от времени стенах висели портреты предков. (Чехов, Кривое зеркало);*
2. *Мера длительности всего происходящего:* среднее солнечное время;
3. Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.п.: *время летит.*

Кроме прямого денотативного значения Д1, у существительного **время** отмечено несколько производно-номинативных значений Д2:

1. Какой-то отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т.д.: *терять время, провести время;*

2. Часть дня, недели, года и т.д., характеризующаяся чем-либо или в которую что-либо происходит: *вечернее время, дождливое время*;
3. Свободные от обычных занятий часы, дни и т.д., досуг: *Должность и дела отнимают у меня и время, и здоровье. (Гончаров, Обыкновенная история)*;
4. Определенный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т.п.: *засечь время, указать время заседания*;
5. Благоприятная пора, подходящий момент для чего-либо: *время спать*
6. Период, эпоха в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества и т.п.: *Во времена Екатерины слава русского флота прозрела на Черном море. (А.Н.Толстой. Гордо реет советский флаг)*;
7. (филос.) Всеобщая объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения;
8. (в простореч.) Счастье: *Когда будешь во времени, и нас вспомни (посл.)*;
9. (грамм.) Форма глагола, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи или к какому-либо другому моменту: *настоящее время*.

Для наглядности представим схематично структуру семантемы лексемы **время**:

- Д1 - измеряемая длительность существования всего происходящего
 - мера длительности всего существующего
 - последовательная смена минут, часов, дней и т.д.
- Д2 - какой-то отрезок в последовательной смене минут, часов и т.д.
 - часть дня, в которую что-либо происходит
 - досуг
 - определенный момент в последовательной смене часов, дней, лет
 - благоприятная для чего-либо пора
 - период, эпоха
 - (филос.) всеобщая объективная форма существования материи
 - (простореч.) счастье
 - (грамм.) категория времени, форма глагола, выражающая отношение действия к какому-либо моменту

Рассмотрим семантическую структуру лексемы **time** в английском языке. Основное номинативное значение Д1 данной лексемы трактуется следующим образом:

1. The period during which an action, process, condition, or the like, continues; the interval between leaving and returning, beginning and ending, etc; measured or measurable duration – период, в течение которого протекает действие, процесс, состояние и т.п.; промежуток между уходом и возвращением, началом и концом; измеряемая продолжительность: *written in three hours' time*;
2. The point or period when something occurs; the moment of an event, process, etc. – момент или период, когда что-то происходит; момент происхождения события, процесса и т.п.: *There was no one present at the time.*

Кроме прямого номинативного значения Д1, у существительного **time** отмечено большое количество производно-номинативных значений Д2:

1. The allotted, appointed, fixed or customary moment or hour for something to happen, begin or end; the natural, normal, or expected terminus of a period – отведенный, назначенный, установленный, привычный момент или час для происхождения, начала, окончания чего-либо; естественное, нормальное или ожидаемое окончание периода: *He died before his time*;
2. Fitting moment, proper or due season; favourable opportunity – подходящий момент; благоприятная, подходящая возможность: *Now is the time to buy this book*;
3. The known, fixed or anticipated period during which a person or thing exists, or a condition persists; variously, a lifetime or the duration of gestation, a prison sentence, compulsory military service, apprenticeship or like – известный, установленный или предполагаемый период, в течение которого человек или вещь существует или сохраняет свое состояние; различают такие периоды, как продолжительность жизни, внутриутробного развития, тюремного заключения, воинской повинности, учебы и т.п.: *One man in his time plays many parts. Shakespeare*;
4. A period set apart in some specified or implied way from others in a day, year, lifetime, or the course of history; variously, a spell, a moment, a generation, an age, an era, an epoch, etc. – период, выделенный специально, отличный от других событий, происходивших в течение дня, года, жизни или исторической эпохи; различают: миг, момент, поколение, век, эра, эпоха и т.д. : *at the time of Elizabeth*;

5. A definite moment, hour, day, or year, as indicated or fixed by clock or calendar; the precise instant, date or the like – определенный момент, час, день, год, обозначенный или зафиксированный на часах или календаре; определенное мгновение, дата и т.п.: *the time was midnight; in the summertime;*
6. One of a number of recurring or multiplied instances, or repeated acts; a recurrent occasion – один из повторяющихся, многократных примеров или действий; повторяющееся событие: *Write this ten times;*
7. Finite, as contrasted with infinite, the duration of one's life or of the material universe; often the present life, as distinguished from the future life – ограниченная, по сравнению с неограниченной, продолжительность; продолжительность жизни или материальной вселенной; часто настоящая жизнь в отличие от будущей: *When time shall be no more;*
8. The uninterrupted succession of days, years, or of events; duration without reference to point or period; the passing of hours, etc. , often personified or objectified – непрерывная последовательность дней, лет, событий; продолжительность, не относящаяся к какому-либо моменту или периоду; пролетающие часы, обычно олицетворенные или овеществленные: *Time left its marks on his face;*
9. A period sufficiently or conveniently long; often specific leisure; opportunity – достаточно долгий период; часто определенный досуг; возможность: *It is hard to find time for reading your book;*
10. Also in debt settlements, an extension of the customary term or point of credit – кроме того, в долговых соглашениях, продолжительность обычного срока или периода кредита: *to buy goods on time;*
11. (*usually pl.*) Conditions prevalent at present or in a specified or implied period; often specifying the present state of advancement – (*обычно во мн.*) обстоятельство или условия, существующие в настоящем или каком-либо определенном периоде; часто определяющие состояние прогресса: *His doctrines did not fit in with the times;*
12. Reckoning of time; system of reckoning the lapse or progress of time – подсчет времени; система подсчета ошибок и успехов, происшедших за определенный период времени: *astronomical or standard time;*
13. (*drama*) The unity of time – (*театр.*) принцип единства времени;

14. (*geol.*) Any division of geologic chronology – любое деление в геологической хронологии;
15. (*labour*) a) The hours, days, etc, given to, or due to be given to; one's work – (*труд.*) часы, дни и т.д., предназначенные для исполнения определенной работы: *to make up time*; b) The period allotted for a job – период времени, предназначенный для работы: *task time*;
16. (*philos.*) That character and relation of all events and things with respect to which they are distinguished as simultaneous or successive, and as becoming, enduring, or passing away – (*филос.*) такое свойство и соотношение всех событий и вещей, в соответствии с которыми они распределены на одновременные, следующие друг за другом, могущие произойти, происходящие, происшедшие: *space and time*; *absolute [relative, objective] time*;
17. (*photogr.*) The shutter setting on any camera for making a time exposure – (*фотогр.*) ставень, закрепленный на любом фотоаппарате, для создания временной выдержки;
18. (*physics*) a) The number that represents the duration of a phenomenon, or the duration between two events – (*физич.*) число, которое означает продолжительность времени между двумя событиями); b) The number, or date, that represents the instant of occurrence of an event – число, дата, которая обозначает мгновенность происходящего события;
19. A unit of duration, as a basis for meter; esp. the primary or least unit of quantity – единица продолжительности как основа размера, особенно наибольшая или наименьшая единица количества;
20. (*phrenol.*) The capacity for judging or measuring intervals, esp. of time – (*френол.*) способность оценивать, измерять временные промежутки;
21. The length of the period required for, or consumed in performing an action or going over a course, as in railroad journey or race – продолжительность периода, необходимая для того, чтобы выполнить действие, пройти курс, например, в железнодорожном путешествии, скачках: *The winner's time in the race was 1.20.*

Кроме того, у лексемы **time** отмечено наличие нескольких коннотативных семем K1:

1. One's experience during a specified period, or on a definite occasion; the way in which one is affected by an event, a

condition, etc. – опыт человека за определенный промежуток времени или событие; то, как этот случай или обстоятельство повлияли на человека: *to have a hard time in an examination or a good time at a dance*;

2. Rate of speed in marching, dancing, speaking, etc, tempo – скорость в маршировании, танце, разговоре; темп: *to march in quick time; an actor's sense of time*;
3. (*music*) The grouping of the successive rhythmic beats or pulses into equal measures; called also meter, and rhythm – (*муз.*) объединение последовательных ритмических ударов, биение в одинаковые размеры, называемые также размер и ритм: *quadruple time*;
4. Fuss, demonstration – суета, демонстрация: *to make a time over a person*;
5. (*labour*) a) Amount of pay due, esp. according to the hourly rate – (*труд.*) размер жалования в соответствии с почасовой оплатой: *to get one's time or back time*; b) Payment for overtime with reference to the regular rate or time – размер жалования за сверхурочную работу в соответствии с обычной ставкой или временем: *double time; time and a half*.

Как показал проведенный анализ, семантическая структура лексемы **time** достаточно сложная. Схематически ее можно представить следующим образом:

- Д1 - период, в течение которого протекает действие
 - момент происхождения события, процесса
- Д2 - установленный момент, час для происхождения чего-либо
 - период, в течение которого человек или вещь существуют; продолжительность жизни
 - период, отличный от других событий: миг, поколение, век, эпоха
 - момент, обозначенный на часах, календаре, точная дата
 - один из числа повторяющихся примеров
 - ограниченная, по сравнению с неограниченной, продолжительность чего-либо
 - непрерывная последовательность дней, лет, обычно олицетворенная или овеществленная
 - период досуга, отдыха
 - продолжительность обычного срока кредита
 - обстоятельства, условия, характерные для определенного периода
 - система подсчета ошибок и успехов за определенный период

времени

- (*театр.*) единство времени
- любое деление (в геологической хронологии)
- часы, дни, данные для исполнения определенной работы
 - период времени, предназначенный для работы
 - (*филос.*) свойство и соотношение всех событий
- ставень на фотоаппарате для создания временной выдержки
- число, обозначающее продолжительность времени между событиями
- дата, число, обозначающее мгновенность происходящего события
- единица продолжительности как основа размера
- (*френол.*) способность оценивать временные промежутки
- продолжительность периода выполнения действия

K1 - опыт человека за определенный промежуток времени

- темп
- размер, ритм
- суета, демонстрация
- размер жалования в соответствии с почасовой оплатой
- сверхурочное жалование в соответствии с обычной ставкой

Таким образом, сравнивая семантические структуры лексем, репрезентирующих такой абстрактный, но такой конкретный для каждого индивидуума концепт, как «**время**», мы пришли к выводу, что семантическое наполнение обеих лексем чрезвычайно емкое. Носители обоих языков во многом схожи в своей трактовке времени. И для русских, и для англичан **время** – это период, в течение которого происходит какое-либо событие; это измеряемая продолжительность какого-либо события; это последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.д., это точная дата какого-либо события; это эпоха; это время отдыха; наконец, это философская трактовка времени как одной из форм существования материи.

Но в английском языке отмечен целый ряд значений, не зафиксированных в русском языке. Это свидетельствует о большей разработанности и большей значимости исследуемого концепта для носителей английского языка. Они чаще используют его в различных сферах деятельности: например, в финансовой – для обозначения обычного срока или периода кредита; в геологии – как основа хронологического деления; в музыке – для обозначения единицы темпа; в спорте – как продолжительность части спортивной игры или соревнования; в театре – как основополагающий принцип единства времени; в фотографии – ставень для определения требуемой по

условиям съёмки временной выдержки; в трудовом законодательстве – время, предназначенное для работы, а также размер жалования в соответствии с часовой оплатой; в статистике – система подсчета успехов и промахов кого-либо за определенный период времени (рейтинг); в медицине – как психическая способность человека оценивать и измерять временные промежутки; а также для обозначения ажиотажа и суеты вокруг какой-нибудь знаменитости с целью повышения к ней общественного интереса.

Науменко Н.Л.

Концепт «плата» в семантическом пространстве русского и немецкого языков

В нашем исследовании мы опираемся на определение, данное З.Д.Поповой: «Лексико-семантическая группа основана на внутриязыковых связях слов, идентификатор (доминанта) – слово, которое входит в состав группы. Отдельные единицы находятся с идентификатором в отношениях синонимии. ЛСГ выделяется по нескольким общим семам, включает единицы одной части речи». (Полевые структуры..., с.33)

В сфере обозначений товарно-денежных отношений можно выделить ЛСГ, где словом-идентификатором (доминантой) выступает слово «плата». В данную ЛСГ входят слова *цена, плата, стоимость*, а также *месть, возмездие, покаяние*.

Слово *плата* – славянского происхождения, к примеру, укр., сербохорв. *плата*, словен. *plat*. Этимологический словарь даёт производные лексемы *платить, плачу*. Считаются родственными лексемы *платок, плат* – потому что куски ткани применялись как средства платежа.

В статусе семемы Д1 лексема *плата* реализует значение «денежное вознаграждение, возмещение за что-н.»: *Заработная плата. Плата за услуги. Выходная плата. Квартплата*.

В статусе семемы К1 лексема *плата* означает – «награда, или кара, воздаяние»: *Плата за предательство. Плата за легкомыслие*. Эта семема реализуется также лексемой *расплата*: *Вас не постигнула расплата, затем, что в Вас – дремала кровь. (М. Цветаева) Но... всё грёзы! Настанет миг расплаты (М. Цветаева) Горькой расплаты, забвенья ль вино, - чащу мы выпьем до дна! (М. Цветаева)*.

В ЛСГ «плата» входит лексема *цена*. Согласно словарю С.И. Ожегова, лексема *цена* в статусе семемы Д1 означает «денежное выражение стоимости товара, плата»: *На аукционе лот №3 достигнул цены в 200 тыс. долларов.*

В статусе семемы К1 лексема *цена* означает «то, чем окупается, возмещается что-н.»: *Хорошо, я расскажу тебе одну историю, только цена за это – откровенность. (х/ф «Гардемарины – вперёд!»)*

Лексема «стоимость» также относится к данной ЛСГ. Лексема *стоимость* несёт семему Д1 «количество общественно-необходимого труда, затраченного на производство товара и овеществлённого в этом товаре». В качестве семемы Д2 данная лексема означает «денежное выражение стоимости вещи, цена», «стоимость купленной вещи».

К данной ЛСГ относятся лексемы *возмездие*, *месть* и *воздаяние*, несущие общую семему «плата, кара за преступление», которая реализуется и лексемой *плата* в коннотативном употреблении.

На основе общности сем мы можем отнести и слово *месть* к той же ЛСГ, здесь присутствует и общий корень. Лексема *месть* в статусе семемы Д1 означает «действие в отплату за причинённое зло, возмездие за что-н.». Здесь актуализируется сема «возмещение». Сама лексема *месть* употребляется только в негативном значении, как ответное и, непременно, злое действие. Ярко актуализируется диспозициональная сема «неодобрительное».

Сопоставление сем позволяет нам отнести к указанной ЛСГ и лексему «покаяние». В ходе семного анализа выделяются общие семы: «попеременно», «чередующься», «возмещение», «в ответ».

В немецком языке лексеме «плата» ставятся в соответствие лексемы: *die Zahlung – платеж, выплата*: *die Zahlung des Gehaltes – выдача зарплаты (выплата)*; *der Lohn – заработная плата*: *Wie die Arbeit, so der Lohn – по работе и плата*; *Der Senator stellte ihnen eine beträchtliche Lohnerhöhung für diese Woche in Aussicht und entließ sie. (Th. Mann)*

В статусе семемы К1 лексема *der Lohn* означает – «награда, вознаграждение»: *Verdammt noch mal, man pläzt sich von morgens bis abends und verkauft glänzend, und dann wird man als Lohn in dieser Bude mit Vorwürfen empfangen. (E.M.Remarque)*

Толковые немецкие словари приводит ряд синонимов к лексеме *der Preis*: *Auszeichnung – награда, знак отличия*; *Belohnung – вознаграждение*; *Gewinn – выигрыш в лотерею, прибыль*; *Medaille – медаль*; *Orden – орден, знак отличия*; *Trophäe – трофей*, *Friedenspreis – премия мира*, *Nobelpreis – нобелевская премия*.

Лексема *der Preis* в статусе семемы Д1 означает «цена»: *hohe Preise* – *высокие цены*, *vergleichbare Preise* – *составимые цены* и т.д. Семема Д2 *der Preis* означает «награда, вознаграждение». Как видно, русская лексема *цена* как «стоимость товара» даже на уровне коннотативных семем не покрывает значения «приз, награда».

Русская лексема «цена» и немецкая лексема *der Preis* развивают общие семемы К1. Лексема «цена» в статусе К1 означает – «то, чем окупается, возмещается за что-н.»: *любой ценой добиться чего-н.* Аналогично в немецком языке: *Er vollendete das Werk um den Preis seiner Gesundheit* – *он завершил дело ценой своего здоровья*; *um jeden Preis* – *любой ценой, во что бы то ни стало*.

Этимологический словарь возводит *Preis* к *pris* – «Wert, Ruhm; Herrlichkeit, Glück, Verdienst, Kampfpreis», появилось в немецком языке до 1200 года и было заимствовано из латинского языка для религиозных текстов. Начало 2-го тысячелетия – это годы становления христианства и в данном случае католической его ветви. На протяжении первого тысячелетия на Вселенских соборах происходило становление и выкристаллизовывание церковных постулатов, но в 1054г. произошло разделение христианского мира. И как православная Русь черпала терминологию из греческого языка, так и формирующаяся Европа брала необходимое из латыни.

В немецком языке значение «выраженный в деньгах эквивалент вещи» имеет также лексема *der Wert*: *Das Haus hat einen Wert von 200000 Mark*. В статусе семемы Д2 эта лексема означает «ценность» (материальные, духовные ценности): *Der Krieg hat viele Werte zerstört*. Лексема употребляется также для обозначения ценных бумаг, а в статусе коннотативной семемы К1 означает «ценность, значение ч.-л.»: *Wert auf etw.A. legen* – *придавать чему-л. (большое) значение*.

В соответствие русской лексеме «возмездие» ставится лексема *die Vergeltung* (в статусе семемы Д1 означает «возмездие, расплата за что-н.»).

Русской лексеме *месть* соответствует в немецком языке *die Rache*. Лексеме *покаяние* соответствует *die Buße*, которая в статусе семемы Д1 сохраняет значение «добровольное признание в совершённом проступке». В статусе семемы К1 лексема *die Buße* реализует значение «наказание, штраф, религиозная епитимья».

Проведённое исследование показывает, что лексические единицы, связанные с языковой репрезентацией товарно-денежных отношений, находят широкое применение при характеристике этической сферы межличностных отношений.

1. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.

Калугина В.А.

Лексическая репрезентация концепта «холод» в русском и английском языках

Предметом изучения явились существительные, передающие значение «холод» в русском и английском языках, так как именно данная часть речи, обладая наибольшей чувствительно-наглядной конкретностью и воплощая первичные наиболее яркие образы, составляет ядро исследуемого концепта.

Идея «холода» может передаваться следующими субстантивными синонимами: **coldness, frost, chill, холод, coolness, стужа, мороз, прохлада, холодок, свежесть**. Анализ словарных дефиниций позволяет выявить различия в семантике исследуемых лексем. В данных синонимических рядах выделяются две группы слов: связанные с идеей очень низкой температуры (**coldness, frost, chill/холод, стужа, мороз**) и связанные с идеей сравнительно низкой температуры (**coolness/прохлада, холодок, свежесть**). К первой группе относятся слова, обозначающие такую низкую температуру, что ее трудно переносить. Вторую группу формируют слова, обозначающие температуру, достаточно низкую, чтобы человек чувствовал себя комфортно или, во всяком случае, мог переносить ее без больших усилий.

Слова **холод, coldness** имеют наиболее общее значение и могут указывать на температуру как ниже, так и выше нуля. Ср.: *Аглашке приказали не ходить в одном платье по осеннему холоду; Что ты, какое гулянье – холод собачий; He was more himself now, shaking off the languor which the bone-chilling cold had brought; The coldness pleased her, like the chill of the water in her pool.*

Chill/стужа предполагают температуру ниже нуля, особенно при сильном ветре, но могут, как и **холод/coldness**, также обозначать температуру, которая немного выше нуля, но при которой субъект ощущает холод: ср. *There was a chill in the air this morning; осенняя стужа*. Лексемы **мороз/frost** описывают погоду с температурой существенно ниже нуля, самую низкую температуру: ср. *Стоял 40-градусный мороз. The frost has killed everything in my garden.*

Лексемы **coolness/прохлада/холодок/свежесть**, в отличие от **холода, мороза, стужи, coldness, frost**, обычно предполагают, что достаточно низкая температура воздуха приятна, особенно по контрасту с утомительно жарой: *Quickly she slipped out of her clothes and into refreshing coolness*. При этом **свежесть** предполагает не только приятную прохладу, но и такое состояние воздуха, когда дышится легко (как, например, после грозы) - воздух чист и прохладен и имеет особый живой и бодрящий аромат: ср. *Отворив дверь на площадку вагона, Кузьма с отрадой вздохнул холодной и душистой дождевой свежестью*.

Существительное **прохлада**, почти всегда предполагающее приятные ощущения, в этом отношении отличается от наречия **прохладно** и прилагательного **прохладный**, которые такой идеи не выражают: ср. *Не хочется гулять, сегодня что-то прохладно; Не простудись, воздух еще прохладный*.

Холодок и свежесть, в отличие от **прохлады**, не всегда указывают на приятные ощущения. От **холодка** или **свежести** человеку может быть и немного зябко, однако не мучительно холодно: *В окно было видно, как граждане, поживаясь от весеннего холодка, разбрелись по своим делам*.

Лексемы **chill/стужа, мороз/frost** и **coolness/прохлада/холодок/свежесть** служат для объективной оценки. **Холод** в отличие от других синонимов, часто используются для описания субъективных ощущений. Если, например, человек рассчитывал на тридцатиградусную жару, то о температуре в десять градусов он может сказать: «Ну и холод!» О холоде иногда говорят и тогда, когда кто-либо мерзнет просто потому, что недостаточно тепло одет или плохо себя чувствует. *Старики часто даже в теплую погоду страдают от холода*.

Важным представляется выяснение характера субъективных ощущений. Как показывает анализ, только существительные **chill/стужа и frost** всегда связываются с неприятными ощущениями, тогда как при **морозе, холоде/coldness** низкая температура может быть приятной. Ср.: *Была лютая стужа, снега по колено; Мороз и солнце, день чудесный! The coldness pleased her, like the chill of the water in her pool*.

Холода, мороз/frost и стужа/chill описывают только температуру вне помещения, т.е. погоду, а **холод/coldness** может описывать и температуру в помещении: *Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают и не дают развернуться. Прохлада и холодок, coolness* бывают как на улице, так

и в помещении, **свежесть** — только на открытом воздухе: *Когда мать выходила на улицу и открывала дверь, с улицы тянуло свежестью; Неужели же целый час я думал ... над снимком в странной прохладе спальни? The inviting coolness of the stone house tempted her inside.*

Холода всегда описывают погоду в определенный, относительно длинный период времени. **Мороз/frost** и **холод** могут указывать как на температуру воздуха в конкретный момент, так и на погоду в какой-то относительно длинный период - ср. Антонина Васильевна оставалась на даче — сентябрь стоял ясный, грибной, решили пожить **до холодов**, ребятам последний вольный годик до школы; Тем временем дожди прекратились, и совершенно неожиданно **ударил мороз**; *The late spring frost; The frost has killed everything in my garden.* Английское **coldness** не передает идею «долго держащейся такой погоды». Существительные **coolness/прохлада/холодок/свежесть** могут указывать на температуру воздуха только в конкретный момент: *I was sitting under the tree in the evening coolness and I watched her; В окно было видно, как граждане, поеживаясь от весеннего холода, разбрелись по своим делам.*

Холод/coldness, стужа/chill и **прохлада/холодок/свежесть** могут обозначать не только низкую температуру воздуха, но и сам холодный воздух: ср. Слева повеяло **холодом**, там, в огромном мерцающем пространстве угадывалось море; *In spite of his warm coat coldness reached him; There was a chill in the air this morning; В поезд по плотине на князя Андрея пахло тиной и свежестью пруда.*

Мороз, как и **холод/coldness**, очень часто указывает на «место, где холодно». **Выйти на мороз** означает «выйти на улицу, где мороз»: **выйти/ вынести на холод; оставить на холоде**; *Erika and Karl got out of the warmth of the car into a crystalline coldness, walked up an avenue lined with bare trees and came to an enclosed garden.*

Для русского языкового сознания при определении понятия **мороз** принципиально важным является указание на особое состояние всей природы: обычно он сопровождается снегом, инеем и льдом. В связи с этим морозу часто приписывается способность восприниматься зрительно и связываться с характерным запахом: *Стекла в одной половине наружных дверей не было, на площадке разгуливал холодный ветер, ... резко пахло морозом, железом.* В то же время для английского менталитета более релевантным оказывается не качественная характеристика мороза, а то действие, которое он оказывает на живые организмы: *Many gardeners will argue that there is a risk in pruning very early, that frost can burn and shrivel young foliage that unfolds as the buds expand.*

Таким образом, синонимы **coldness, frost, chill/холод, стужа, мороз** и **coolness, прохлада, холодок, свежесть** различаются по следующим смысловым признакам: 1) величина температуры; 2) характер ее оценки; 3) характер субъективных ощущений; 4) локализация; 5) временные характеристики; 6) способность обозначать место с низкой температурой; 7) способность описывать особое состояние природы.

Проведенное исследование семантики английских и русских субстантивных лексических единиц с общей идеей «холод» с целью выявления содержания концептуальной области «холод» в сознании русских и англичан позволило выявить наличие как общих, так и национально специфических температурных представлений. Среда обитания того или иного этноса, безусловно, накладывает свой отпечаток на его мировосприятие и мироощущение, и, в конечном счете, на языковую картину мира. Суровый русский климат, резкие перепады температуры сделали весьма актуальным для русского языкового сознания разграничение таких понятий, как «приятные/неприятные ощущения», «относительно длинный период времени/конкретный момент», «объективная/субъективная оценка ощущений» и т.д., что нашло свое отражение в многообразных средствах вербализации концепта «холод». Для англичан, живущих на острове в условиях мягкого умеренного климата и не испытывающих на себе воздействия очень низкой температуры воздуха, разграничение данных понятий является нерелевантным. Поэтому для русских и англичан концептуализация феномена «холод» детерминирована различным диапазоном температуры (английский мороз, в частности, не является морозом в русском понимании этого слова).

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области грамматики и словообразования

Копров В. Ю.

Английская видовременная система в зеркале русской

В числе грамматических категорий английского языка особое место занимают категории вида и времени глагола. Эти две грамматические

категории настолько тесно связаны между собой, что образуют единую видовременную систему: в ее составе видовые морфологические показатели одновременно служат временными показателями и наоборот, а в семантическом отношении видовые значения наслаиваются на временные значения. Такое положение вызывает известные трудности при изучении английского языка русскими учащимися. Однако следует отметить, что в русском и английском языках в разные периоды их существования вид и время по-разному соотносились друг с другом и имели далеко не одинаковый морфологический состав.

Категория вида обычно определяется как такая лексико-грамматическая категория, которая передает характеристику протекания действия или процесса, обозначенного глаголом, – повторяемость, длительность, многократность, мгновенность, результативность, завершенность – незавершенность или предельность действия, то есть отношение действия к его внутреннему пределу (см. об этом подробнее Бондарко) .

В древнерусском языке категория вида была значительно менее развита, чем в современном, благодаря чему древнерусский язык имел более широкую номенклатуру временных форм. Развитие языковых средств выражения вида началось с возникновения и постепенного роста числа приставочных глаголов, в которых приставки, присоединяясь к основе глагола с общим значением действия или процесса, придавали ему дополнительное значение перфективности. Постепенно этот приём получал все более широкое распространение, а использование синонимичных временных форм (аориста и имперфекта) становилось ненужным. Сохранился только перфект, выражавший совершенное действие, например *ходить есмь*, *ходилъ еси*, *ходилъ (есть)*, который впоследствии в результате отпадения вспомогательного глагола превратился в форму прошедшего времени современного русского языка.

В качестве грамматической категории вид сложился только в конце XVI – начале XVII в. В современном русском языке основные видовые различия проходят по линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу, в связи с чем выделяются два вида: несовершенный и совершенный. Несовершенный вид выражает действие в его течении, в процессе совершения, без какого-либо указания на его предел (*писать*, *читать*, *говорить* и т. д.). Совершенный вид выражает действие, ограниченное пределом совершения в какой-либо момент его осуществления или же сообщающее результат данного действия или процесса (*написать*,

прийти, сказать и т. д.).

При этом система вида в русском языке имеет соотносительные пары глаголов с тождественным лексическим значением; ср.: *носить – нести*; *носил – нёс*; *давать – дать*; *давай – дай*; *давал – дал* и т. д., а также ограниченное число видовых пар, образованных от разных основ; ср.: *брать – взять*; *говорить – сказать*; *класть – положить*.

В древнеанглийском языке, как и в древнерусском языке, категория вида была представлена двумя видами – несовершенным, выражавшимся основой глагола, обычно не осложненной приставками, например *wyrcaþ – делать, работать*; *settaþ – ставить, класть*, и совершенным, образовывавшимся с помощью приставок, преимущественно с помощью приставки *ge-* и некоторых других, например *gewyrcaþ – сделать*; *gesettaþ – поставить, положить*. Так же, как в русском языке глаголы несовершенного вида имели соотносительные глаголы совершенного вида, как правило, с тем же лексическим значением, например: *sellan – давать – gesellan дать*; *bindan – связывать – gebindan – связать* и т. д.

Однако такая видовая система оказалась здесь неустойчивой. С одной стороны, видовые приставки постепенно приобретали значение словообразовательных морфем, например: *to come – приходит*, *to become – становится*; *to lie – лгать*; *to belie – оклеветать*; с другой стороны, в течение среднеанглийского периода происходило постепенное отмирание приставок, вследствие чего морфологические средства выражения видов постепенно утратились. Это привело к тому, что в современном английском языке русским видовым соотносительным парам глаголов обычно соответствует один глагол; ср.: *получать и получить – to receive*; *вставать и встать – to get up* (Аракин, с. 129-132).

На смену исчезнувшей категории вида пришла сложная система временных форм, которая в новоанглийский период дала начало новым видовым характеристикам действия. Итоги этого длительного процесса получили в современной англистике неоднозначное толкование.

Так, исходя из понимания вида как грамматической категории, характеризующей действие по признакам его протекания и имеющей закрепленные морфологические показатели, А. И. Смирницкий выделил в системе категорий современного английского языка категорию вида, состоящую из общего вида, представленного в настоящем времени нулевыми морфемами и *-(e)s* (3-е лицо ед. ч.), в прошедшем времени морфемой *-ed (-t)* или формами с чередованием гласных типа *sit – sat, speak – spoke* и т. д., в будущем времени *shall*

(*will*) + *V* и обозначающего сам факт совершения действия, и длительного вида, представленного глаголом *to be* в форме соответствующего времени или формой на *-ing*, например: *I am sitting, he is standing, they are walking* и т. д. (Смирницкий, с. 321 и след.). Но, в отличие от русского языка, где глаголы несовершенного и совершенного вида образуют соотносительные пары лексических единиц, обладающих каждая своими морфологическими признаками и характеристиками и вследствие этого образующих два ряда соотносительных форм, в английском языке глаголы общего и длительного вида подобных пар не образуют. Каждый глагол в английском языке, за немногими исключениями, может принимать как форму общего, так и форму длительного вида.

Иную точку зрения на проблему существования категории вида в английском языке высказывает И. П. Иванова. Она считает, что вида как особой грамматической категории в современном английском языке нет. Группы основной, длительной, перфектной и перфектно-длительной временных форм исследователь называет разрядами. Основной разряд – *Indefinite* – это единственная форма, способная передавать динамику, смену событий. Другие разряды детализируют действие в плане одновременности или предшествования, но не используются для передачи смены действий во времени. И. П. Иванова также считает, что основной разряд безразличен к категории вида. Видовое содержание длительного разряда – это процесс в его протекании, а видовое содержание перфекта – действие в его выполненности. Как длительный, так и перфектный разряд, по мнению автора, не являются собственно видовыми, а лишь имеют значения вида, тесно переплетающиеся с категорией времени, которая выступает в видовременной системе как ведущая (Иванова, с. 200).

Категория времени, которая выражает отношение действия к моменту речи, принимаемому за точку отсчета, эволюционировала в сопоставляемых языках в прямо противоположных направлениях.

В рамках темпоральности различаются абсолютные и относительные формы времени. Абсолютные формы не зависят от других временных форм в предложении и определяются соотношением с моментом речи: форма настоящего времени обозначает действие, совпадающее с моментом речи; форма прошедшего времени выражает действие, совершившееся до момента речи; форма будущего времени передает действие, которое совершится после момента речи.

Относительные формы времени обозначают действия, рассматриваемые не с точки зрения момента речи, а с точки зрения другой временной формы или момента, принятого за точку отсчета.

В древнерусском языке категория времени характеризовалась большим числом форм, чем в современном языке, что объясняется слабым развитием категории вида в тот период. Категория времени складывалась из следующих форм: настоящего времени – *веду, ведеши, веде(ть)* и т. д.; имперфекта – *ведяхъ, ведяше, ведяше* и т. д., выражавшего действие длительное или повторяющееся в прошлом; аориста – *ведохъ, ведё, ведё* и т. д., выражавшего мгновенное действие в прошлом; перфекта – *есмь велъ, есмь вела, еси велъ, еси вела* и т. д., передававшего результативный характер действия; давнопрошедшего – *бяхъ велъ, бях вела, бяше велъ, бяше вела* и т. д.; будущего, которое ранее было простым, и преждебудущего – *буду велъ, буду вела* и т. д., называвшего действие, которое произойдет до другого действия в будущем и соотносено с ним (ср с временной системой современного английского языка!).

Последующее развитие форм категории вида привело к постепенному отмиранию имперфекта и аориста и к расширению семантики форм перфекта, который приобрел способность выражать значение совершенного вида, если глагол имел приставку, например: *принес, отвел* и т. д., и значение несовершенного вида, если глагол не имел приставки, например: *нес, вел* и т. д.

Таким образом, в отношении категорий вида и времени русский язык изменил свою типологию за счет развития форм категории вида, которая пронизывает все формы глагола, с одной стороны, и за счет исчезновения ряда форм категории времени – с другой. В результате в современном русском языке видовременная система представлена всего пятью формами: тремя формами времени в глаголах несовершенного вида и двумя формами в глаголах совершенного вида.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в английском языке.

В древнеанглийский период, как уже отмечалось, у глагола также существовало два вида – несовершенный и совершенный. Категория времени была выражена формами всего двух времен – настоящего и прошедшего; ср.: *ic cume* – *я прихожу*, *ic com* – *я приходил, я пришел*. Кроме того, все глаголы распадались на два класса – класс глаголов с чередованием гласных (*ic bide* – *ic bad* – *ждать, ожидать*, *ic fare* – *ic for* – *ехать* и т. д.) и класс глаголов с дентальным суффиксом (*ic laere* – *ic laerde* – *учить, обучать*) (Аракин, с. 133-135).

В ходе дальнейшего развития языка категория вида была утрачена, в связи с чем развилась и усложнилась категория времени. В

настоящее время английская видовременная система представлена 16 активными и 10 пассивными глагольными формами. Анализ структуры данной системы показывает, что она состоит из следующих соотносительных форм:

- трех рядов абсолютных временных форм, к которым относятся формы Present, Past, Future (как и в русском языке);
- одного ряда таксисных форм Future-in-the-Past (отсутствующего в русском языке);
- четырех рядов относительных временных форм: Indefinite, Continuous, Perfect, Perfect Continuous, пересекающихся с перечисленными выше рядами.

При этом собственно видовые значения (законченности/незаконченности, длительности или многократности действия и т. д.), не образуя отдельной морфологически выраженной категории, как это имеет место в русском языке, накладываются здесь на временные значения; см. об этом также (Гуревич, с 151-157).

Наложение русской пятичленной видовременной системы на английскую шестнадцатичленную позволяет, с одной стороны, выявить их сходные черты, на которые целесообразно опираться при изучении данного традиционно трудного материала, и, с другой стороны, дает возможность сосредоточить внимание студентов на существенных различиях, являющихся следствием разнонаправленного развития языков.

Таким образом, системное сопоставление видовременных форм в родном и в изучаемом языках способствует не только их более глубокому теоретическому осмыслению, но и облегчает их практическое использование за счет эффективного преодоления межъязыковой интерференции в данной сфере.

Литература

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., Просвещение, 1979..
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. М., 1971
3. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие. М., Флинта: Наука, 2003.
4. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. М., 1961.
5. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Способы языкового выражения объективных признаков глагольного действия (состояния) в английском и русском языках

Результаты познания человеком окружающего мира фиксируются в языке. Язык отражает объективный мир своеобразно – через промежуточное звено свойственных его системе значений, исторически сложившихся в практике общения и закрепленных за определенными языковыми средствами.

Всякое действие (состояние) как объективный факт может обладать разнообразными признаками, характеризующими его с точки зрения содержания, времени, способа и условий протекания, его отношения к моменту речи, к другим действиям, субъекту и объекту действия и т.д.

Язык, обозначая действие с помощью соответствующей системы средств, передает все те его характеристики, которые являются существенными для реализации процесса коммуникации. Наиболее значимыми характеристиками глагольного действия с этой точки зрения являются его временные признаки (абсолютное и относительное время протекания), аспектуальные (способ протекания и распределения во времени), залоговые (активность или пассивность субъекта по отношению к действию) и некоторые другие.

Исходя из речевой функции, все средства языка (как в русском, так и в английском языке), содержащие в своей семантике указание на характер протекания и распределения глагольного действия во времени, объединяются в функционально-семантическую категорию аспектуальности (ФСКА).

В английском языке такая категория представлена следующим набором средств:

1. Морфологические средства (категория глагольного вида);
2. Синтаксические средства (аналитические способы действия, выраженные глагольными сочетаниями и аспектуальными конструкциями);
3. Лексические средства (лексические способы действия);
4. Лексико-грамматические средства (категория предельности/непредельности);
5. Контекстуальные средства (неглагольные показатели характера протекания действия).

Ядром данной функционально-семантической категории является категория вида, представляющая собой наиболее специализированное средство выражения аспектуальных значений, систематически используемое в речи (обязательное в каждом случае употребления глагола).

Функционально-семантические категории отличаются более высокой степенью абстракции по сравнению с категориями отдельных языковых уровней: грамматическими, лексическими и т.д.

Абстракция грамматических (морфологических, синтаксических) категорий, как правило, строится на формальных показателях слов и отношений между ними в составе предложения. Значение этих категорий раскрывается в противопоставлении категориальных форм одного и того же слова или синтаксических конфигураций одного и того же предложения. В русском языке грамматические категории являются основным средством выражения объективных признаков глагольного действия (как и в других языках синтетического строя).

В основе абстракции лексических категорий лежат конкретные значения слов. Данные категории реализуют себя противопоставлением по определенному семантическому признаку двух или нескольких слов (при условии, что противопоставления подобного рода наблюдаются и в других парах или группах слов). Степень абстракции этих категорий в силу ограниченного охвата языковых единиц является более низкой по сравнению со степенью абстракции грамматических категорий. К числу лексических категорий, выражающих акциональную сторону и связанных с указанием на способ протекания и распределение действия во времени относятся, например, лексические способы действия. Способы действия объединяют глагольную лексику языка в группы, исходя из общности акционального признака, заключенного в лексическом значении слова. Так, в английском языке начинательный способ действия объединяет глаголы, содержащие в своем лексическом значении указание на начало действия (*begin, start*), финитивный способ действия включает глаголы, обозначающие конечную фазу в развитии действия (*finish, stop, give up*) и т.д.

В английском языке, языке аналитического строя, способы действия являются важным средством выражения аспектуальных значений.

В том случае, когда семантические различия между словами носят системный характер, т. е. охватывают не отдельные группы слов, а все языковые единицы класса или большинство из них, противопоставляемые значения образуют лексико-грамматическую

категорию (катеорию маргинального уровня – лексическую по форме выражения, грамматическую по характеру абстракции передаваемого значения). К таким категориям в английском языке относится категория предельности/непредельности. Предельность/непредельность является особым лексико-семантическим признаком, присущим всем глаголам данного языка.

Что же касается уровня абстракции функционально-семантических категорий, то он выходит за рамки лексического значения слова и его формальных показателей. Этот уровень определяется функциональной семантикой языковых единиц, их одноплановостью в речи. Одноплановость функциональной семантики перечисленных выше аспектуальных средств проявляется в том, что все они указывают на характер протекания и распределения действия во времени.

В процессе речи, как на русском, так и на английском языке, исходя из задач коммуникации, требующих представления действия в определенном аспектуальном плане, говорящий использует средства разных уровней языка с учетом их взаимной совместимости и нормативной сочетаемости в условиях конкретного речевого контекста. Контекст, в свою очередь, может не только способствовать усилению или ослаблению определенных аспектуальных значений, передаваемых другими средствами, но и выражать их самостоятельно.

В зависимости от строя языка (аналитический / синтетический), роль тех или иных аспектуальных средств будет главной или дополняющей.

Остановимся кратко на характеристике компонентов функционально-семантической категории аспектуальности.

Категория глагольного вида (морфологическое средство)

Основными признаками вида как морфологической категории являются:

1. Строго парадигматический характер – выражение категориальных значений через определенную систему форм;
2. Соотнесенность вида со всеми глаголами данного языка или с большинством из них;
3. Выражение видового противопоставления в пределах одного и того же лексического значения глагола.

Морфологическая система видовых противопоставлений в английском языке во многом отличается от соответствующей системы русского языка.

Во всех языках, содержащих категорию вида, видовые формы функционируют в тесной связи с временными формами, так как

выражаемое глаголом действие всегда совершается во времени. В английском языке категория вида наряду с тесным взаимодействием с категорией времени не менее тесно сопряжена и с другой свойственной данному языку категорией – категорией временной отнесенности (которая в русском языке совершенно отсутствует). Значения трех указанных категорий (времени, вида, временной отнесенности) в английском языке реализуют себя формально в рамках единой видовременной системы. Видовременная система форм английского глагола, таким образом, сочетает в себе значения трех разных категорий: времени, вида, временной отнесенности. Данное обстоятельство приводит к необходимости при анализе одной из указанных категорий противопоставлять друг другу не отдельные видовые формы, а целые ряды форм, включающие в себя и две другие категории. В соответствии с этим, говоря о категориальных противопоставлениях длительного/недлительного вида в системе английского глагола, мы должны иметь в виду два следующих ряда форм:

1. Ряд форм длительного вида (Present Continuous, Past Continuous, Future Continuous, Present Perfect Continuous, Past Perfect Continuous, Future Perfect Continuous).
2. Ряд форм недлительного вида (Present Indefinite, Past Indefinite, Future Indefinite, Present Perfect, Past Perfect, Future Perfect).

Категориальное значение ряда форм длительного вида сводится к двум основным схемам: 1) длительность действия (его протяженность во времени); 2) конкретность действия (действие фиксируется как длящееся в ограниченном промежутке времени).

Форма недлительного вида в своем основном значении не дает действию указанной видовой характеристики. Ее категориальное значение определяется негативно – как указание на отсутствие значения, выражаемого формой длительного вида.

Таким образом, в основе противопоставления категориальных рядов форм длительного/недлительного вида в английском языке лежит общий признак указания на способ протекания и распределения действия во времени. Противопоставление строится по принципу привативной оппозиции, в которой один член (маркированный) характеризуется наличием определенного семантического признака, а другой (немаркированный) – его отсутствием. В данном случае конкретная длительность действия находится на одной стороне оппозиции, отсутствие конкретной длительности – на другой. Проиллюстрируем данную оппозицию на примере глагола *to write*.

Ряд форм длительного вида

- 1) am writing
- 2) was writing
- 3) shall be writing
- 4) have been writing
- 5) had been writing
- 6) shall have been writing

Ряд форм недлительного вида

- write
- wrote
- shall write
- have written
- had written
- shall have written

Любая из форм приведенного ряда левой колонки является сама по себе (без каких – либо дополнительных контекстуальных показателей) носителем значения конкретной длительности. Ряд форм правой колонки такого значения не выражает.

Аналитические способы действия (синтаксические средства)

Аналитические способы действия как средство ФСКА представлены в английском языке в виде свободных глагольных сочетаний и особых аспектуальных конструкций. К глагольным сочетаниям, выражающим аспектуальные значения (способ протекания и распределения глагольного действия во времени), относятся сочетания фазовых глаголов (обозначающих фазу действия: его начало, продолжение или конец) с инфинитивом или герундием. Например: *begin to sing, continue to read, finish writing*. Значение свободных глагольных сочетаний складывается из значений входящих в их состав компонентов. Первый компонент выступает носителем аспектуального значения фазовости действия, выраженного вторым компонентом.

Аспектуальные конструкции, в отличие от свободных глагольных сочетаний, содержат полностью или частично десемантизированный глагол в качестве первого компонента и форму инфинитива или герундия – в качестве второго. Номинативное и акциональное значения [Термин «акциональное значение» включает в себя значение способа протекания и распределения действия во времени, выраженное на уровне семантики глагольного слова, словосочетания аспектуальной конструкции. Термин «видовое значение», в отличие от последнего, соотносится с характеристикой глагольного действия, передаваемой с помощью морфологических показателей – видовой

формы глагола. Понятие «аспектуальное значение» покрывает собой оба из указанных видов значений и в дополнение к этому включает значение аспектиального контекста] этих конструкций не представляют собой суммы значений входящих в них единиц. Лексическим ядром конструкции является второй компонент, а ее акциональное значение вытекает из сочетания в целом.

Аспектиальные конструкции могут передавать такие акциональные значения, как начинательность действия или состояния (*come to believe*), его акцентированную продолженность (*keep smiling*), регулярность (привычность) действия или состояния в прошлом (*used to sleep*) и некоторые другие.

Названные выше типы синтаксических образований представляют собой аналитические способы действия, которые являются более важным компонентом ФСКА в английском языке, чем в русском, в силу его конструктивных особенностей. Аналитические способы действия так же, как и морфологическая категория вида (ее маркированный член), дают действию однозначную аспектиальную характеристику без какого-либо дополнительного контекстуального уточнения.

Лексические способы действия (лексические средства)

Лексические способы действия (ЛСД) являются неотъемлемым компонентом ФСКА. По своей функции в речи ЛСД имеют определенное сходство с морфологической категорией вида, составляющей ядро ФСКА. Они так же, как и категория вида, связаны с аспектиальной характеристикой действия и охватывают всю глагольную систему языка. Однако, в отличие от названной категории, ЛСД не единообразны в своих значениях и не выражают этих значений через определенный набор грамматических форм (парадигму), а проявляют себя лишь на семантическом уровне. Глаголы, различающиеся по денотативному значению, объединяются в ЛСД на базе общности выражаемых ими акциональных признаков действия: способа протекания и распределения действия во времени.

Как английский, так и русский язык характеризуется большим разнообразием ЛСД. В основе классификации глаголов по способам действия могут лежать разноплановые акциональные признаки, что позволяет некоторым глаголам одновременно входить в состав разных группировок.

Различают приставочные и бесприставочные способы действия. Приставочные способы действия характерны для языков флексивного типа, к которым относятся славянские языки. Так, например, в русском

языке начинательный способ действия образуется при помощи приставки за- (запеть, заплесать, засмеяться). Английскому языку, языку аналитического строя, в основном свойственны бесприставочные способы действия, а также способы действия, образуемые с помощью послелогов.

Категория предельности/непредельности (лексико-грамматическое средство)

Лексические группы глаголов, различающиеся по способу действия, могут быть, в свою очередь, сведены в более крупные классы предельных и непредельных глаголов, реализующих значение категории предельности/непредельности. Значение категории предельности/непредельности связано с указанием на наличие или отсутствие в лексическом значении глагола внутреннего предела действия – такой критической точки, с достижением которой действие должно себя полностью исчерпать (прекратиться естественным образом, а не просто приостановиться или прерваться). Предел, таким образом, есть точка, за которой начинается новое действие или состояние.

В зависимости от того, содержит в себе лексическое значение глагола внутренний предел действия или нет, вся глагольная лексика языка членится на предельные глаголы и непредельные глаголы, например: come/go, bring/carry, find/look for, get/have, seize/hold, stop/stay, etc.

По степени абстракции (обобщенности признаков, лежащих в основе оппозиции предельных/непредельных глаголов) в системе средств выражения аспектуальных признаков действия категория предельности/непредельности стоит близко к морфологической категории вида, так как выражаемое ею противопоставление охватывает всю глагольную лексику языка.

Аспектуальный контекст

В понятие аспектуального контекста включаются те неглагольные элементы текста, которые оказывают влияние на характер информации об аспектуальных признаках действия. К ним относятся обстоятельственные слова, союзы и так называемые фигуры аспектуального контекста. Последние представляют собой особые синтаксические конфигурации частей предложения (текста).

Среди фигур аспектуального контекста, свойственных английскому языку, можно назвать:

1. Фигуру объекта одноактности, представленную синтаксической моделью «глагол + прямое дополнение в единственном числе», в которой название единичного объекта само по себе указывает на одноактность связанного с ним действия, например: She touched a chair and moved it a little. (Дополнения chair, it в данном случае конкретизируют аспектуальные значения глаголов touch, move, придавая им оттенок завершенности);
2. Фигуру сопряженности действий в последовательности, благодаря которой глаголы могут полностью менять свое аспектуальное значение в речи, например: She got up from the chair, tip-toed to the door and opened it. (В приведенном примере неопределенный глагол tip-toe приобретает значение предельности под влиянием предшествующего ему предельного глагола get up и следующего за ним глагола open);
3. Фигуру синхронии (параллелизма) действий, например: As we continued to laugh, his surprise gave way to an air of annoyance and indignation. (В данном примере предельность фразового глагола give way нейтрализуется за счет его параллельного употребления с глагольным сочетанием continue to laugh, выражающим продолженное действие.)

Перечисленные средства аспектуального контекста тесно взаимодействуют с другими средствами ФСКА и, прежде всего, с морфологической категорией вида. Роль контекста в аспектуальной характеристике глагольного действия в любом языке зависит от степени информативности видовой формы глагола. В том случае, когда английский глагол употребляется в форме длительного вида с четко выраженным аспектуальным значением, перечисленные контекстуальные средства, как правило, уточняют это значение. При употреблении глагола в форме недлительного вида, нейтральной в аспектуальном плане, аспектуальный контекст выступает в качестве основного показателя видовых признаков глагольного действия.

Глагольная кумулятивность в русском и английском языках

При определении объёма кумулятивности исходят либо из широкого его понимания (Русская грамматика, с. 603), либо из узкого (Шелякин, с. 114). Широкое понимание рассматриваемого явления, на наш взгляд, некорректно, поскольку оно противоречит самой внутренней форме термина «кумулятивный» (накопительный). Называя кумулятивными глаголы типа *исстрелять* (все патроны), *исчиркать* (коробок спичек), *скормить* (весь корм), *сцедить* (всё молоко), мы тем самым игнорируем то существенно важное обстоятельство, что последние предполагают не накопление предметов, а расходование, уничтожение, существенное преобразование уже готовой суммы предметов или частей одного и того же вещественного предмета. Поэтому целесообразным представляется исходить из того, что кумулятивная количественность имеет место только в тех случаях, когда соответствующий глагол фиксирует созидание множества предметов, причём последние могут быть как объектами: *надоить* молока, *начеканить* монеты, *настричь* шерсти, *наколоть* дров; *снести* весь инвентарь (в одно место), *свезти* всё оружие (на один склад), так и субъектами: *налететь* (комары налетели), *набиться* (пассажиры набились в электричку), *накопиться* (письма накопились); *съехаться* (бывшие однокурсники съехались на юбилейную встречу), *слететься* (птицы слетелись), *нападать* (яблоки напали).

Чаще всего кумулятивные глаголы передают признак последовательной реализации действия, и в этом смысле сближаются с целым рядом дистрибутивных глаголов. Но это не общее правило. Анализируя глаголы *нарожать* (детей), *наштамповать* (изделий), *настрелять* (дичи), *нахватать* (двоек), легко заметить, что соответствующие кумулятивные действия распадаются на ряд составляющих, каждое из которых отлагает в объекте (объектах) свой фрагмент результата. Наоборот, у таких глаголов как *наткать* (ткани), *намолоть* (муки), *настричь* (шерсти) признак последовательной распределённости существенным образом ослабевает, поскольку называемые ими действия, направленные на вещественный объект, практически исключают какую-либо дискретность, и воспринимаются нами как дискретные лишь благодаря

тому, что они состоят из некоторой суммы повторяющихся действий (Теория функциональной грамматики, с.231).

Кумулятивное значение реализуется в результате взаимодействия специализированного префикса и производящей основы. При этом последняя может быть либо простой: *глушить рыбу – наглушить рыбы, дубить кожу – надубить кож, коптить мясо – накоптить мяса, квасить капусту – наквасить капусты*, либо производной, префигированной: *сбивать яблоки – насбивать яблок, выдумывать небылицы – навдумывать небылиц, вылавливать контрабандистов – навывлавливать контрабандистов*. Характер этого взаимодействия неоднозначен. В тех случаях, когда в качестве производящей основы используется переходный глагол, общее значение результата создаётся действием этого глагола, а его множественность, т.е. собственно кумулятивное значение передаётся приставкой (что особенно хорошо видно при сравнении глаголов, образованных от одной и той же основы, но с разными префиксами – кумулятивными и некумулятивными: *намолоть муки – смолоть муку, надробить породы – раздробить породу, наварить щей – сварить щи, настроить домов – построить дом*). Напротив, если производящий глагол является непереходным, характер его взаимодействия с префиксом оказывается другим. В этом случае общее значение накопления фиксируется непосредственно приставкой, тогда как указание на способ этого накопления (т.е. на периферийную сему) идёт от производящей основы: *порошить – напорошить (снега), топтать – натоптать (грязи)*.

В кумулятивном значении используются только две приставки: *на-* и *с-*. Первая из них продуктивная: *на-рвать (цветов), на-варить (варенья), на-сбивать (ишишек), на-месить(теста), на-дарить (подарков), на-коптить (рыбы)* и т.д., вторая, наоборот, непродуктивна: *с-лететься (насекомые слетелись), с-тащить (все предметы в одно место), с-везти (весь товар на один склад)*. Общее различие между ними просматривается довольно хорошо: если глаголы с приставкой *на-* указывают на простое накопление предметов (объектов или субъектов), то глаголы с приставкой *с-* фиксируют, что это накопление (опять-таки объектов или субъектов) осуществляется в определённом пространстве.

Набор производящих основ достаточно компактен. С приставкой *на-* контактируют (преимущественно, хотя и не исключительно) предельно результативные глаголы, а с приставкой *с-*, как правило, - глаголы перемещения.

Кумулятивная характеристика соответствующих глагольных действий осуществляется, как правило, двумя путями. В одном случае указание на специальный характер результата (со стороны приставки *на-*) дополняется за счёт контекста, включающего количественно квалифицированные имена предметов, в другом оно как бы замыкается в рамках самого действия. В соответствии с этим целесообразно различать два основных типа кумулятивности: синсемантическую, т.е. содержащую проекцию на количественный контекст и автосемантическую, такой проекции не содержащую.

По общему правилу, контекст оказывается значимым для кумулятивов и как средство моносемантизации многозначных глаголов, которые разрешают реализацию кумулятивных приставок далеко не во всех своих лексико-семантических вариантах. Ср., например, глагол *рвать*, способный употребляться в значениях: 1) Выдёргивать резким движением, с силой отделяя от чего-нибудь; 2) Брать, отделяя от корня, обламывая стебель, ветку и т.п.; 3) Разделять на части резким движением; 4) Производить взрыв чего-нибудь; 5) Прекращать, порывать; 6) Причинять острую боль. Из всех этих ЛСВ кумулятивная приставка *на-* взаимодействует только со вторым: *нарвать цветов, яблоч.*

Синсемантический тип кумулятивности в свою очередь представлен двумя разновидностями.

В первой разновидности кумулятивная характеристика наличного результата получает поддержку со стороны объекта, который обычно выражается существительными в родительном падеже: *накромсить хлеба, насобирать металлолома, закупить подарков, наколоть дров, наварить варенья, натесать брёвен, намариновать огурцов* или же разного рода нумерально-именными сочетаниями типа: *накоптить два десятка килограммов белорыбицы, накачать четверть фляги мёду, наквасить целую бочку капусты, намыть полкилограмма золотого песка, натащить полный погреб продуктов, набить целый холодильник дичи* и т.п. Как видно из приведённых примеров, соответствующие существительные обозначают либо множество отдельно взятых предметов, либо ту или иную меру вещества. Характер субъекта, осуществляющего действие, при этом оказывается не релевантным в том смысле, что кумулятивное действие может быть произведено как множеством субъектов, так и отдельно взятым субъектом. Ср.: *они насажали (кустов) – он насажал (кустов), они нарубили (много мяса) – он нарубил (много мяса), они настругали (досок) – он настругал (досок).*

Вторая разновидность синсемантической кумулятивности, напротив, оказывается поставленной в прямую связь с созиданием множества субъектов: *набежать* (*покупатели набежали*), *набиться* (*пассажиры набились в электричку*), *наползти* (*насекомые наползли*), *нападать* (*яблоки напали*), *натолкаться* (*слушатели натолкались в аудиторию*), *налететь* (*птицы налетели*), причём ориентация на субъект, как видно из приведённых примеров, в одних случаях предполагает употребление постфикса – *ся*, в других – обходится без него.

Автосемантическая кумулятивность характеризуется тем, что соответствующее действие как бы концентрирует количественный результат в себе, т.е. фиксирует накопление меры действия, и в этом смысле оказывается своего рода промежуточным явлением между собственно кумулятивностью и глаголами других квантитативных разрядов. Это промежуточное положение обнаруживается в том, что некоторые из кумулятивных глаголов с приставкой *на-* способны как к объектному, так и безобъектному употреблению: *напотать* (*грязи*) – *напотать на лестничной площадке*, а некоторые вообще не допускают использования объекта: *напроказить*, *насплетничать*, *надышать*, *напылить*, *надымить*, *намусорить*, *наследить* т.д.

Противопоставление синсемантического и автосемантического типов кумулятивности не носит абсолютного характера, о чём свидетельствует многочисленная группа глаголов типа *нагулять* (*вес*), *насластить* (*чай*), *намагнитить* (*пластину*), *насытить* (*раствор*), *набрать* (*газетную полосу*) и т.д. Такого рода глаголы обыкновенно не допускаются в безобъектном употреблении и, по логике вещей, должны быть отнесены к синсемантическому типу кумулятивности. Но в то же время они, подобно автосемантическим кумулятивам, указывают на накопление меры самого действия, и это накопление не сопровождается какими-либо внешними количественными преобразованиями в объекте (о чём свидетельствует употребление соответствующих существительных не в родительном, а в винительном падеже).

Общее для русского и английского языков понятие кумулятивности, принимаемое в настоящей статье, не исключает наличия различий частного порядка. Так, английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить кумулятивное значение: реализация кумулятивной семантики здесь целиком и полностью осуществляется за счёт специализированного контекста. По этой причине в английском языке не только отсутствует автосемантический

тип кумулятивности, но и никак не обнаруживает себя признак последовательной реализации действия, представленный в содержательной структуре ряда русских глаголов. Как и в русском языке, специализированный английский контекст дифференцирует количественный результат соответствующих действий по двум функционально равнозначным элементам значения: признаку «чистой» квантитативности и признаку количественной меры действия. Ср.: *a lot of, a number of, a quantity of, much, many, some, etc.* Наряду с этим повышается роль грамматических средств английского языка, акцентирующих внимание либо на достигнутой степени действия, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Русская грамматика. Т.1. М., 1980.
2. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
3. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия: (Теоретические основы). Таллин, 1983.

Селезнева Е.С.

О разноуровневых средствах выражения модальности уверенности (на материале русского и английского языков)

Функционально-семантическое поле достоверности представляет собой систему языковых средств, характеризующих степень соответствия содержания высказывания отражаемой в нем действительности с точки зрения субъекта мысли (говорящего, думающего или пишущего). Как отмечает В.Н. Бондаренко, количество степеней достоверности в языках различно. Во всех языках находят свое выражение как минимум три степени достоверности содержания предложения: простая, проблематическая и категорическая. Однако во многих языках различается несколько степеней достоверности в пределах проблематической и категорической достоверности. Исключением в этом отношении является простая достоверность, не имеющая степеней. (Бондаренко, с. 58)

Если представить на одном полюсе модальное значение проблематической достоверности с оттенком наибольшего сомнения, а на другом – модальное значение категорической достоверности с оттенком наибольшей уверенности говорящего в сообщаемом, получим некую модальную шкалу степеней достоверности.

В данной статье рассматриваются средства выражения категорической достоверности, т.е. уверенности говорящего в сообщаемом. Значение уверенности в наличии связи между объектом предикации и его признаком накладывается на объективное модальное значение действительности и усиливает его за счет субъективной оценки действительности этой связи.

Средства выражения модальности уверенности принадлежат различным языковым уровням: лексическому, грамматическому, морфологическому, синтаксическому. Одним из основных средств выражения модальности данного типа являются модальные слова, функционирующие, как правило, в качестве вводных элементов предложения. В.В. Виноградов, говоря о модальных словах, справедливо замечает, что в живом процессе речи они не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они выражают модальность высказывания и иногда «выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения». Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего на отношение речи к действительности. (Виноградов, с. 594)

Наиболее частотными элементами поля уверенности являются модальные слова *конечно, несомненно, наверняка, разумеется, безусловно, само собой* в русском языке и *of course, surely, certainly, undoubtedly, indeed* в английском языке. Уверенность, выражаемая при помощи *конечно, of course*, обычно основана на знании очевидных фактов. Кроме того, как отмечает Е.И. Беляева, выражая свою уверенность, говорящий рассчитывает на наличие такой же убежденности у адресата, что следует из их общего социального опыта. (Беляева, с.162)

Ср.: *Конечно, возрастом я постарше их, но не настолько старше с виду, чтобы это настораживало* (Ч. Айтматов).

I could do a little drinking all by myself, of course. There's always that (D. Parker).

В английском языке использование *surely, certainly* является категорическим способом выражения уверенности говорящего в достоверности содержания высказывания. В предложении данные

модальные слова в основном занимают начальную или медиальную позиции.

***Certainly** I parked outside the door* (БАРС).

*"All by yourself!" said her mother. "Well, **surely** the boys will help you – and **certainly** George must."* (Е. Blyton)

В русском языке для выражения уверенности в утвердительных предложениях используются *безусловно, разумеется, несомненно*.

*Прежде всего, это были люди бездомные, перекаати-поле, кроме, **разумеется**, Кепы: у троих из низ ушли жены, все они были в той или иной степени неудачниками, а, следовательно, были по большей части озлоблены на мир* (Ч. Айтматов).

*Пропускаемые при этом на страницы газеты его несколько непривычные размышления, **безусловно**, привлекали читателей*.

Необходимо отметить различную позицию в предложении некоторых модальных слов в русском и английском языках. Это можно увидеть при сравнении параллельных переводов предложений. Так, английское *indeed* обычно занимает финальную позицию в предложении, тогда как русские аналоги достаточно часто находятся в начальной позиции. Ср.:

*So the men, especially those no longer young, were very nice to her **indeed*** (D.H. Lawrence).

***Разумеется**, гости – мужчины, в основном немолодые, - относились к ней распрекрасно.*

Следующим средством выражения модальности уверенности являются модальные фразы, которые представляют собой конструкции *личное местоимение + глагол с последующим придаточным дополнительным предложением, выражающим пропозицию*. В русском языке данные конструкции немногочисленны. Самые частотные из них – *Я уверен, что...*, *Я не сомневаюсь (в том), что...*, *Я убежден (в том), что...* -

*Узнаем, что возможно, и потом улетим в Атлантический океан, к месту нашей экспедиции. **Я уверен**, что вы не пожалеете.* (А. Беляев)

***Я не сомневаюсь** в том, что он поступил правильно.*

В английском языке Е.И. Беляева (см. Беляева) выделяет модальные фразы, представленные следующими конструкциями:

- 1) личное местоимение + глагол-связка + модальное слово со значением уверенности – *I'm sure that..., I'm certain that...;*
- 2) личное местоимение + глагол-связка + модальное слово (отрицание сомнения) – *I have no doubt that..., There is no doubt that...;*

3) личное местоимение + глагол – *I bet*.

К перечисленным модальным фразам можно также добавить конструкцию с глаголом знания – *I know that...*

Семантически близкие модальные фразы английского языка *I'm sure...*, *I'm certain...* отличаются регистром употребления. Последнее более характерно для формального или нейтрального регистра. Ср. примеры:

I'm sure he was a very nice young man, but I could not make him understand a word I said (E. Waugh).

I'm quite certain that there is nothing which might link the four together (A. Christie).

Модальные фразы с *no doubt* нередко используются в формальном или нейтральном регистре.

There is no doubt that we were wrong from the start (БАРС).

"I'd like to visit that". "Well, I've no doubt you will", said Mother. (E. Blyton)

Интересно отметить, что со словом *doubt* ('сомнение') в английском языке существует целый ряд выражений, выражающих уверенность. Например, *no doubt* ('конечно', 'несомненно'), *beyond doubt* ('несомненно', 'бесспорно'), *beyond all doubt* ('вне всякого сомнения'), *beyond the shadow of doubt* ('ни тени сомнения'), *beyond the shadow of a shade of doubt* ('ни малейшей тени сомнения'), *not the slightest doubt* ('ни малейшего сомнения'), *not a particle of doubt* ('ни тени / ни грани сомнения'), *no manner of doubt* ('никакого сомнения'), *doubtless* ('несомненно') и т.д.

Модальная фраза *I bet*, как правило, используется в разговорном стиле при общении равных по статусу коммуникантов -

"He looked a nasty bit of work. I bet he makes Nobby toe the Mark and do what he's told" (E. Blyton)

Модальные фразы с глаголом знания, имеющие значение уверенности, в предложении находятся в основном в начальной позиции:

Everyone knew that her marriage with Michael was exemplary (W.S. Maugham).

Иногда конструкция *личное местоимение + know* используется в одном предложении несколько раз (в главном и придаточном предложениях).

He knew that she knew that they both knew there was no love between them, but he still expected her not to admit in words or conduct such a thing, and he could never understand what she meant when she talked of the hypocrisy of the English. (J. Galsworthy)

Грамматическим средством выражения модальности уверенности в английском и русском языках является использование будущего времени.

There'll be a heavy bill for tonight; just you see! (E. Waugh)

Во взоре Акбары, однако, сквозило свое понятие вещей: пусть удаляются сейчас сайгаки, **придет** день удачный, все, что есть в саванне, никуда от нее **не уйдет**. (Ч. Айтматов)

Еще одним средством передачи значения уверенности в английском языке являются эмфатические конструкции.

***"I do think** sufficient civilization ought to eliminate a lot of the physical disabilities," said Clifford* (D.H. Lawrence).

*Julia laughed bitterly when she remembered that **it was she who** had accustomed him to them* (W.S. Maugham).

Значение модальности уверенности может передаваться и с помощью фразеологических единиц, таких как, например: *Верно, как дважды два четыре – as sure as eggs are eggs; Знать как свои пять пальцев – to have at one's fingertips / to know a place like the back / palm of one's hand; Ясно как Божий день – as open as day; And no mistake / Any day – несомненно, разумеется, бесспорно, действительно -*

*You are always sneering at me... But I am as good as you **any day***. (J. Joyce)

*И Скотту все **стало "ясно как день"**, когда над поверхностью океана появился "паук"*. (А. Беляев)

Существуют графические пунктуационные средства выделения значения уверенности (выделение части сообщаемой информации различными шрифтами). Использование таких средств более характерно для английского языка. При переводе на русский язык они часто передаются лексическими средствами. Ср. примеры:

*I think Kay ought to have first choice. After all, it's **her** birthday – and you know how she adores charades.* (J.B. Priestley) /курсив J.B.Pr./

(По-моему, Кей должна выбирать первая. Все-таки сегодня ее день рождения, и ты же знаешь, она обожает шарады.)

*Isn't she **exactly** like Mr. Pennyman at the paper shop, the one who hates Lloyd George?* (J.B. Priestley) /шрифт выделен J.B.Pr./

(Правда, Хейзл сейчас – вылитый мистер Пеннимен из писчебумажного магазина? Он еще всегда ругает Ллойда Джорджа.)

Для усиления значения уверенности нередко используется несколько модальных модификаторов в одном высказывании. Так, в приведенном ниже примере, мы видим использование модальной фразы, модального слова и графического средства – выделения курсивом. Таким образом, в одном высказывании сочетаются

лексические, грамматические и синтаксические средства выражения модальности уверенности.

I very much doubt whether he could pay. I understand he is not well off. *Without trousers, indeed!* And at that time of night! (E. Waugh) /курсив Е.В./

Анализ средств выражения модальности уверенности в русском и английском языках показывает, что синтаксическое членение в обоих языках одинаково, модальность данного типа передается единицами разных языковых уровней, а именно: лексического, лексико-грамматического и синтаксического. Различия между языками заключается в количественном соотношении средств выражения и частотности их употребления. В английском языке больше грамматических средств выражения уверенности (модальных фраз, временных форм), в то время как в русском языке для выражения тех же значений используются в основном лексические средства.

Литература

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
2. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. №2.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.

Миронова М.В.

Современные тенденции употребления двоеточия в газетных заголовках (на материале англоязычных и русскоязычных газет)

В газетных и журнальных заголовках с их многообразными функциями (номинативно-информативной, рекламно-экспрессивной, побудительно-убеждающей, графически-выделительной) используются почти все пунктуационные знаки (см. Розенталь). Однако в последнее время отмечается функциональная динамика в использовании двоеточия. Сравним употребление двоеточия в газетных заголовках современных русскоязычных и англоязычных газет.

Специфика газетных заголовков проявляется в самой сути заголовка – в том, что он является как коммуникативной единицей (информирует читателя о содержании газетного материала), так и средством привлечения внимания к тексту публикации (т.е. выполняет еще две функции – рекламно-экспрессивную и графически-выделительную). Знаки препинания помогают смысловому выделению частей заголовка, так называемому актуальному членению предложения (т.е. движению мысли от известного, знакомого – к неизвестному, новому). Одним из средств актуализации (актуального членения) является использование парцеллированных конструкций. В таких конструкциях содержание высказывания расчленяется на отдельные части, которые следуют друг за другом после разделительной паузы. В заголовках такого типа к базовой части (теме) примыкает парцеллированная (актуализированная) синтагма с общим значением распространения членов предложения, которая отделяется двоеточием (см. Развитие синтаксиса...). Например: *“Distance Shopping”: Keep a Safe Distance* (Moscow News, 2003, №44).

Этот знак вошел в активное употребление в данной функции более 30 лет назад. В пособии Н.С. Валгиной. по русской пунктуации отмечалось, что «современная пресса активно использует этот знак, хотя правилами он не предусмотрен... [Двоеточие] начинает появляться в совсем неожиданных местах, приобретая новое функциональное качество – ритмико-эмфатическое: СССР – ВНР : *крепнет сотрудничество*» (Валгина, с.108)

Известный пунктолог Д.Э. Розенталь пишет: «Двоеточие ставится в заголовках, распадающихся на две части с четким интонационным делением, отличающиеся смысловой насыщенностью, предельной краткостью, нередко и эмоциональной выразительностью. Первая часть называет общую проблему, место действия, лицо, а вторая – содержит конкретизацию названного в первой части». (Розенталь, с.211) Автор подчеркивает, что в таких случаях двоеточие оправдано своим собственным значением, как знак, сигнализирующий разъяснение.

Приведем примеры, когда базовая часть парцеллированной конструкции содержит пояснение, т.е. называет города, страны, континенты, международные организации, политические союзы, определенные области человеческой деятельности, а парцеллированная часть детализирует, конкретизирует тему, названную в базовой части: *Россия – Уэльс: детали* («Известия», 2003, 18 ноября); *Conservation in Cambodia: Crusaders of lost art* (International Gerald Tribune, 2003, Aug. 30); *Союзное государство: взаимодействие*

или интеграция? («Лит. газ.», 2003, № 46); *Окно в Европу: распахнем или закроем?* («Правда», 2003, 4 ноября); *Южане: испанцы, португальцы и греки – сразятся с русским медведем* (КП, 2003, 2 декабря); *U.S. Business in Russia: Pros and Cons* (Moscow News, 2003, № 43); *Научкоград: ставка больше, чем инвестиции* («Известия», 2003, 1 ноября); *Historian: King Arthur Was Russian* (The Moscow Times, 2001, April 10); *Lawsuit: IBM Aided Nazi Data Processing* (The Moscow Times, 2001, February 12); *Вивьен Ли: жизнь, унесенная ветром* («Российская газета», 2003, 1 ноября).

В базовой части также может содержаться собственное имя, называющее автора, а в парцелированной части – строки этого автора. Например: *Борис Луценко: «Москва – театральная Мекка...»* («Лит. газ.», 2003, № 46); *Эймунтас Някрошюс: Живу без театральной мечты* («Лит. газ.», 2003, № 45); *Kudrin: 2004 Budget Is Fair* (Moscow News, 2003, № 31); *Alexei Kazannik: "I was seen as a Yeltsin-appointed executioner"* (Moscow News, 2003, №39).

Парцелированная часть может содержать целое предложение, которое является суждением по поводу темы, названной в базовой части или вопрос по поводу существа этой темы. Например: *Joining WTO: Do We Gain or Lose?* (Moscow News, 2003, № 43); *Chechnya: When Will Aid Return?* (The Moscow Times, 2001, February 12); *Грузия: что нам всем будет от «бархатной революции»?* (КП, 2003, 28 ноября); *«Последний герой – 4»: это нам не показывают!* (КП, 2003, 28 ноября); *Агропром: как преодолеть кризис* («Правда», 2003, 4 ноября).

Следует подчеркнуть, что в графически-выделительной функции заголовка используется потенциал двоеточия как сильного разделителя в заголовках с первой частью – собственным названием места, а также собственным именем, называющим автора следующих затем строк. По словам Н.С. Валгиной, «в таких случаях двоеточие употребляется не столько как традиционный знак препинания, сколько как условный графический отграничитель, недаром после такого двоеточия вторая часть высказывания нередко оформляется с прописной буквы, т.е. она не воспринимается как продолжение предложения» (Валгина, с. 108). Например: *Москва: От Селезнева остался только пиджак* (КП, 2003, 4 декабря); *Germany: Unified but not yet united* (US News and World Report, 1990, Dec.3); *Iran 'romance': One who loves and society that can't* (Daily news, 2001, Sept. 5); *Россия и США: Веха в истории отношений* («Известия», 2003, 1 ноября).

Для русского языка характерно употребление двоеточия в качестве знака середины предложения. При своем появлении и в ходе своего

исторического развития оно употреблялось преимущественно как знак внутрифразового членения (см. Орехова) и после него слова писались со строчной буквы (до XIX века иногда двоеточие было аналогом точки). Иная картина наблюдается в развитии двоеточия в английском языке. Исторически его функционирование не так стабильно, как в русском языке. Вплоть до XVIII века наблюдалось функциональное сближение двоеточия и точки, что поддерживалось орфографически, заглавным написанием последующего слова, несмотря на то, что некоторые грамматисты (например, К.Купер) возражали против такого использования двоеточия, что отмечала Н.Н. Орехова (см. Орехова). В английском языке в настоящее время исследователи относят двоеточие к знакам середины предложения. Однако и в художественных произведениях, и в произведениях сценического жанра современных англоязычных авторов встречаются примеры использования прописной буквы после двоеточия. В грамматиках не даются правила, предписывающие подобное употребление. Грамматисты в своих работах лишь дают объяснения такому явлению. Так, например, А.Г. Сиукаева объясняет использование прописной буквы после двоеточия с позиции грамматики речи. Знаки препинания, выступающие в грамматике языка внешними символами, могут приобретать в грамматике речи характер внутренних и наоборот. Двоеточие в грамматике речи проявляет существенные отклонения от своего употребления в условиях грамматики языка. Объясняется это различиями между речевым комплексом, как структурной единицей грамматики языка, и предложением, как структурной единицей грамматики речи (см. Сиукаева).

Отметим, что в русском языке после двоеточия правилами предписывается использовать строчную букву, хотя в газетных заголовках встречается и прописная буква, но не так часто, как в заголовках англоязычных газет, где прописная буква используется не только в случае, если после двоеточия стоит самостоятельное предложение, но и в парцелированных конструкциях. Например: *Ответ на вопрос: Почему мы бодем?* (КП, 2003, 28 ноября); *After the fall: Testing a legacy* (US News and World Report, 1990, Dec. 3); *Tourist Mecca: Easy access, island pleasures and cultural riches* (Newsweek, 1998, Dec. 21); *ALOFT: European airlines cut services and add fees to trim costs* (International Herald Tribune, 2003, Aug. 30-31). Заметим также, что для повышения эффективности восприятия, в целях усиления графически-выделительной функции заголовка, либо его базовая часть, либо парцелированная может выделяться шрифтом. Например: *Физкультура в школе: ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ?* (КП, 2003,

2 декабря); *Бюджет 2004: ГОТОВИМСЯ К ВОЙНЕ?* (КП, 2003, 3 декабря); *RESIGN: Aid to Blair says he will quit* (International Herald Tribune, 2003, Aug. 30).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что, во-первых, употребление двоеточия в газетных заголовках в ритмико-эмфатической функции и функции конкретизирующей стало нормой, во-вторых, это явление характерно как для русского, так и для английского языка. Наблюдается также устойчивая тенденция употребления прописной буквы после двоеточия, а это означает, что оно усиливает свою графически-выделительную функцию.

Литература

1. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М., 1979.
2. Орехова Н.Н. Пунктуация и письмо. Ижевск, 2000.
3. Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М., 2002.
5. Сиукаева А. Г. Семантические основы пунктуации в английском языке. Дис. ... докт. фил. наук. М. 2000.

Ульянова Н.П., Гибало Е.Н.

Способы образования научных фитонимов в русской и английской ботанической номенклатуре

Сопоставительный анализ научных наименований растений в английском и русском языках показал, что, кроме общих для научной и народной номенклатур растений принципов номинации, ботаническому метаязыку присущ ряд специфических способов образования научных фитонимов. Прежде всего это касается выбора внутренних, скрытых от непосредственного наблюдения признаков растений, отражающих тонкости морфологического строения листа, цветка, особенности стебля, корня, плода, строение клеток, химические свойства и др. Познание подобных биологически существенных свойств растений предполагает более глубокое проникновение в суть объекта. Сюда можно отнести такие наименования, как рус. - *двулистник*, *разнолепестка*, *пыльцеголовник*, *трехреберник*; англ. - *zigademus*, *poligonatum*, *platantera*, etc.

Чаще всего такие номены заимствуются в другие языки, подвергаясь лишь незначительным ассимилятивным изменениям и, таким образом, способствуют взаимному общению между ботаниками.

Кроме названий, основанных на биологически существенных признаках растений, отражающих в своем строении важные для таксономии особенности морфологии растений, в научной номенклатуре растений отмечается еще одна номинативная модель, свойственная по преимуществу ботаническому метаязыку. Имеются в виду отантропонимические названия, отражающие связь растения с определенным лицом. При намеренном создании фамильных терминов реализуется установка номинатора на создание нейтрально-ориентирующего фитонима, не вызывающего сторонних ассоциаций и имеющего ряд других преимуществ. Так, чрезвычайно актуальной для классификационной упорядоченности номенклатур является способность фамильных номенов образовывать регулярные номинативные модели. Они легко подчиняются принятым в ботанической номенклатуре способам образования при помощи дедикативных суффиксов женского рода **-ia**, **-ea**, **-a** в соответствии с советом 20-а Международного кодекса ботанической номенклатуры, предписывающим давать женский род всем родовым названиям от личных имен независимо от того, посвящены они мужчине или женщине (см. Международный кодекс ...).

Наблюдения над подобными фитонимами в других языках показывают, что они легко заимствуются, не претерпевая почти никаких формальных изменений, что способствует формированию национальной номенклатуры, близкой к международной.

Ср. рус. **гайлардия** (название дано в честь французского покровителя ботаники 18 в. M.Gaillarda de Charentonneau); англ.- **gaillardia**; нем.- **Gaillardia**, франц.- **gaillarde**, итальян. – **gaillardia**; также: рус. **бегония** (в честь губернатора Санто-Доминго М.Бегона); англ.- **begonia**, нем.- **Begonie**, франц.- **begonia**, итальянс.- **begonia** и мн.др.

Для научной номенклатуры характерен также способ изобретения произвольного фонетического комплекса, возведенного в ранг слова и, таким образом, несущего номинативную функцию. В результате личного творчества ботаников Амегхино, Грея и Латасте появились такие наименования, как англ. **Blarina**, **Azema**, **Deгонia**, **Kogia** etc.

Чаще, однако, искусственная номинация в этой области проявляется в изменении компонования фонетических элементов слова. Подобная перестановка фонем в пределах слова /анаграмма/ приводит к образованию нового звукового комплекса. Так появились

такие наименования, как *Senodon (Nesodon)*, *Teonoma (Neotoma)*, *Xotoprodon (Protodoxon)*, *Mitella (Tilemma)* etc. Применял этот метод и ботаник Лич, который дал ряду родов названия, являющиеся анаграммами имени его жены Каролины: *Cirolana*, *Nerocila*, *Conilera*, *Colinera*.

При сознательном создании произвольных единиц отсутствует этап выбора мотивировочного признака, предваряющий остальные способы номинации. Основное внимание именуемого субъекта направлено здесь на поиск подходящего звукового комплекса, способного репрезентировать весь класс обозначаемых объектов. При этом подбирается краткая и благозвучная комбинация фонем, оформленная типичными для определенной терминосферы словообразовательными формантами. Допустимыми в сфере научной номенклатуры признаются такие звукокомплексы, которые образуются в результате сознательной транспозиции фонем в пределах одного и того же слова с целью обозначения разных родов одного семейства или разных видов, принадлежащих к одному роду. Перестановка фонем является значимой в том плане, что она указывает на существование различий между растениями, обозначаемыми исходным и новым словами. Сохранение постоянного набора фонем, с другой стороны, свидетельствует о сходстве именуемых объектов. Воля номинатора при создании подобных звукокомплексов ограничена необходимостью оперировать постоянным составом фонем, входящих в опорное слово, а также тем фактом, что перестановка фонем может осуществляться в пределах, допускающих возможность возникновения фонетических ассоциаций новообразования с исходным словом.

Произвольные наименования, составленные из фонем *ad libitum* вызывают возражения по той причине, что не несут мнемонической ценности, оказываясь бременем для человеческой памяти, а также потому, что порождают пренебрежительное отношение к флористической номинации как к простому этикетированию.

Несмотря на то, что при назывании объектов флоры номинатор пользуется большой свободой в рамках лишь незначительных ограничений, накладываемых на него правилами ботанического кодекса, и волен создавать даже абсолютно произвольные наименования родов и видов, таких названий обнаруживается чрезвычайно мало, что служит еще одним доказательством того, что язык стремится все расставить в закономерные ряды, образующиеся систему.

Специфичным для научной номенклатуры способом номинации является и использование контаминации для обозначения нового рода,

полученного путем скрещивания двух самостоятельных родов. Новое название в таком случае представляет собой комбинацию компонентов обоих обозначений: *Solidaster* (*Solidago*+*Aster*), *Bellidastrum* (*Bellis*+*Aster*), etc. Положительной чертой таких контаминированных образований является то, что они совмещают в себе названия обоих родов и, таким образом, указывают на происхождение гибрида.

Характерным для научной номенклатуры растений оказывается наличие фитонимов, намеренно отражающих сходство именуемого растения с растением другого рода или вида. Родовые наименования подобного типа обычно включают два элемента: название рода, с которым проводится сравнение, и элемент, указывающий на сходство или (чаще) отличие от этого рода. Например, лат. *Sorbaria* названо по сходству с родом - *Sorbus*; *Aconitum napellus* - по сходству с репой *Napus*; рус. *лжеводосбор* - *Paraquilegia*; *смирниевибка* - *Smyrniopsis*; *жасминник* - *Asperula*; англ. *False Hellebore* - *Veratrum album*, *Globe Amaranth* - *Gomphrena globosa*, etc. Внутри рода возможно сравнение и между двумя видами. Тогда общая часть эпитетов выражает сходство видов. Например: *щавель кисленький* (*Rumex acetocella*) и *щавель кисленьковидный* (*Rumex acetocelloides*).

Элементы, указывающие на родовые отличия сравниваемых растений, могут входить в состав монолексемы (*полуводосбор*, *лжепросвирник*) или являться компонентом бинаминала (*задючий лук*, *жасмин садовый*, *вишня полевая*; *wild camomile*, *Chinese bellflower*, *yellow mullein*). В данном случае эпитеты сознательно используются для дифференциации родов растений, входящих в одно ботаническое семейство. Напр., рус.: *калифорнийский мак* (*Escholtzia*), *мышинный гиацинт* (*Muscari*), *ромашка непахучая*, (*Matricaria*) англ.: *grape hyacinth* (*Muscari*), *fringed water-lily* (*Nymphaeoides*), etc.

В научных названиях подобного рода сознательно отражается внутренняя связь между родами растений, являющаяся чрезвычайно важной с точки зрения систематики. Именно поэтому при создании соответствующих национальных номенов рекомендуется калькировать латинские прототипы с целью сохранения живой внутренней формы.

Специфичным для национальной ботанической номенклатуры способом номинации является заимствование научных фитонимов, осуществляемое преднамеренно. Это касается в первую очередь, фоноструктурных заимствований, широко представленных в национальных научных номенклатурах разных языков. Например, рус.: *акцидантера* (*Acidantha*), *мирабилис* (*Mirabilis*), *Линария*

(*Linaria*), *адонис* (*Adonis*), *аконит* (*Aconitum*), *портулак* (*Portulaca*); *англ.: Coleus, Aconite, Allium, Portulac, Gilia, Browallia etc.*

В качестве источника заимствований чаще всего используются латинские систематические названия растений, при опоре на которые создавались научные национальные номенклатуры разных языков.

Еще одним источником формирования национальной терминологии является метод морфологического калькирования латино-греческих прототипов с целью сохранения ясной внутренней формы, необходимой для точного выражения научного понятия. Калькирование при этом носит творческий характер. Заимствуется внутренняя форма греко-латинского прототипа, а выражается она национальными словообразовательными средствами. При помощи калькирования были созданы такие номенклатурные единицы, как рус.: *водосбор* – лат. *Aquilegia* (*aqua*-вода, *lego*-собираю); *долгоцветка* - лат. *Ageratum* (от греч. *Ageratos*- нестареющийся); *ветреница* - *Anemone* (от греч. *anemos* – ветер); *многокрыльник* – *Polylophium*; *двулистник* - *Diphyllea*; *англ.: tail-flower* – *Anthurium*; *mad flower* – *Antholyza*; *passion flower* – *Passiflora*, etc.

Следует отметить, что при создании национальных номенклатур калькам зачастую отдается предпочтение перед фоноструктурными заимствованиями, так как они обладают преимуществом актуальной внутренней формы, облегчающей распознавание характерных признаков растения и способствующей запоминанию наименований. Калькирование латинских обозначений широко используется при образовании видовых эпитетов, поскольку народная номенклатура растений, представляющая собой основной источник формирования научной номенклатуры, не располагает подобными названиями.

Заимствуются и калькируются главным образом наименования редких или новых растений, не имеющих названий в народном языке. В остальных случаях при создании национальных научных номенклатур прежде всего привлекались народные фитонимы, так как ботаническая номенклатура формировалась тогда, когда в обиходе уже имелась народная «естественная терминология», возникшая стихийно и недостаточно организованная. В данном случае происходит слияние стихийного и сознательного – стихийно возникшее используется сознательно, так как общество контролирует превращение народных фитонимов в термины. При этом выбор номена зависит от традиций сложившегося ботанического узуса, авторитета ботаника, предлагающего тот или иной вариант, и распространенности данных названий в народе. Так, в русскую научную номенклатуру вошли такие наименования, как *василек*, *ландыш*, *ромашка*, *одуванчик*, *дружная*

семейка, бархатцы, мать-и-мачеха, перекасти-поле и др.; в английскую - *daisy, poppy, marigold, foxglove, gillyflower, candytuft, wallflower, snowdrop, lily-of-the-valley* etc.

Таким образом, национальная номенклатура растений как в русском, так и в английском языках занимает промежуточное положение между двумя типами номенклатур – латинской, являющейся результатом искусственной номинации, и народной, возникшей вследствие естественной номинации. Однако, даже латинская номенклатура не представляет собой чистый случай искусственной номинации, поскольку создатели систематической номенклатуры пользовались языковыми единицами, образованными ботаниками в разных странах, а также существовавшими в Древней Греции и Риме и в народных номенклатурах разных языков. Народная номенклатура, с другой стороны, не является чисто естественной, так как в нее могли проникнуть сознательно созданные, заимствованные или калькированные номинативные единицы, лишь распространившиеся стихийно.

Литература

1. Международный кодекс ботанической номенклатуры, принятый одиннадцатым Международным ботаническим конгрессом.- Сиегтл, август, 1969. – Л., 1974.

Содержание

Раздел 1. Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернин И.А. Сопоставительная и контрастивная лингвистика	с. 3
Стернина М.А. К проблеме сопоставительного изучения языковых универсалий	с.11
Махонина А.А. К проблеме типологии межъязыковых лагун.	с. 27

Раздел 2. Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках	с. 33
Волова А.Л. Глаголы физического воздействия на предмет в русском и немецком языках	с.39
Воронина Е.В. Особенности наименований нарушений законов о собственности в русском и английском языках	с. 42
Чернова Н.И. Особенности наименования помещений в русском и английском языках	с. 46
Чечина О. А. Лексико-семантическая группа «отверстия» в русском и английском языках	с. 50
Козельская Н.А. Сопоставительное изучение метафор с эмпирическими прилагательными	с. 54
Высочина О.В. Механизм развития семантики прилагательных <i>горький - bitter, сладкий - sweet</i> в сопоставительном аспекте	с. 58
Вострикова О.Н. Антропонимы John и Иван в сфере имен нарицательных	с. 61
Чарыкова О.Н. Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние, в русском и немецком языках	с. 66
Мамлеева Э.Р. Русские и английские фразеосочетания с лексемами <i>бог/god</i> и <i>чёрт/devil</i>	с. 70

Раздел 3. Сопоставительные исследования концептосфер

- Топорова В.М.** Пространственная метафора в свете системного подхода (на материале русского и немецкого языков) с. 71
- Быкова С.А.** Коннотации пространственных объектов в сказке о Золушке (на материале русского, немецкого и французского языков) с. 76
- Малюгина А. В.** Семантические варианты концепта-схемы (на материале русского и английского языков) с. 79
- Лаврентьева Е.В., Воеводская О.М.** Анализ художественных текстов как способ выявления концептуальных признаков (на материале русских и английских художественных текстов) с. 83
- Андреев О.А.** Глаголы пространственного перемещения и семантические доминанты пространственной картины мира в испанском и русском языках с. 87
- Костенко Н.В., Карпенко И.С.** Общее и отдельное в семантическом пространстве русских и английских глаголов с общим значением «звук/звуки, возникающие при взаимодействии артефактов» с. 96
- Цапович Н.В.** Глаголы рисования в лексико-семантической системе русского и немецкого языков с. 101
- Косачева А.Ю., Воеводская О.М.** Концепт «время» в семантическом пространстве языка (на материале русского и английского языков) с. 106
- Наumenко Н.Л.** Концепт «плата» в семантическом пространстве русского и немецкого языков с. 113
- Калугина В.А.** Лексическая репрезентация концепта «холод» в русском и английском языках с. 116

Раздел 4. Сопоставительные исследования в области словообразования и грамматики

- Конров В. Ю.** Английская видовременная система в зеркале русской с.119
- Степкина Т.Н.** Способы языкового выражения объективных признаков глагольного действия (состояния) в английском и русском языках с. 125

Шкутников В.А. Глагольная кумулятивность в русском и английском языках	с.133
Селезнева Е.С. О разноуровневых средствах выражения модальности уверенности (на материале русского и английского языков)	с. 137
Миронова М.В. Современные тенденции употребления двоеточия в газетных заголовках (на материале англоязычных и русскоязычных газет)	с. 142
Ульянова Н.П., Гибало Е.Н. Способы образования научных фитонимов в русской и английской ботанической номенклатуре	с. 146
Содержание	с. 152